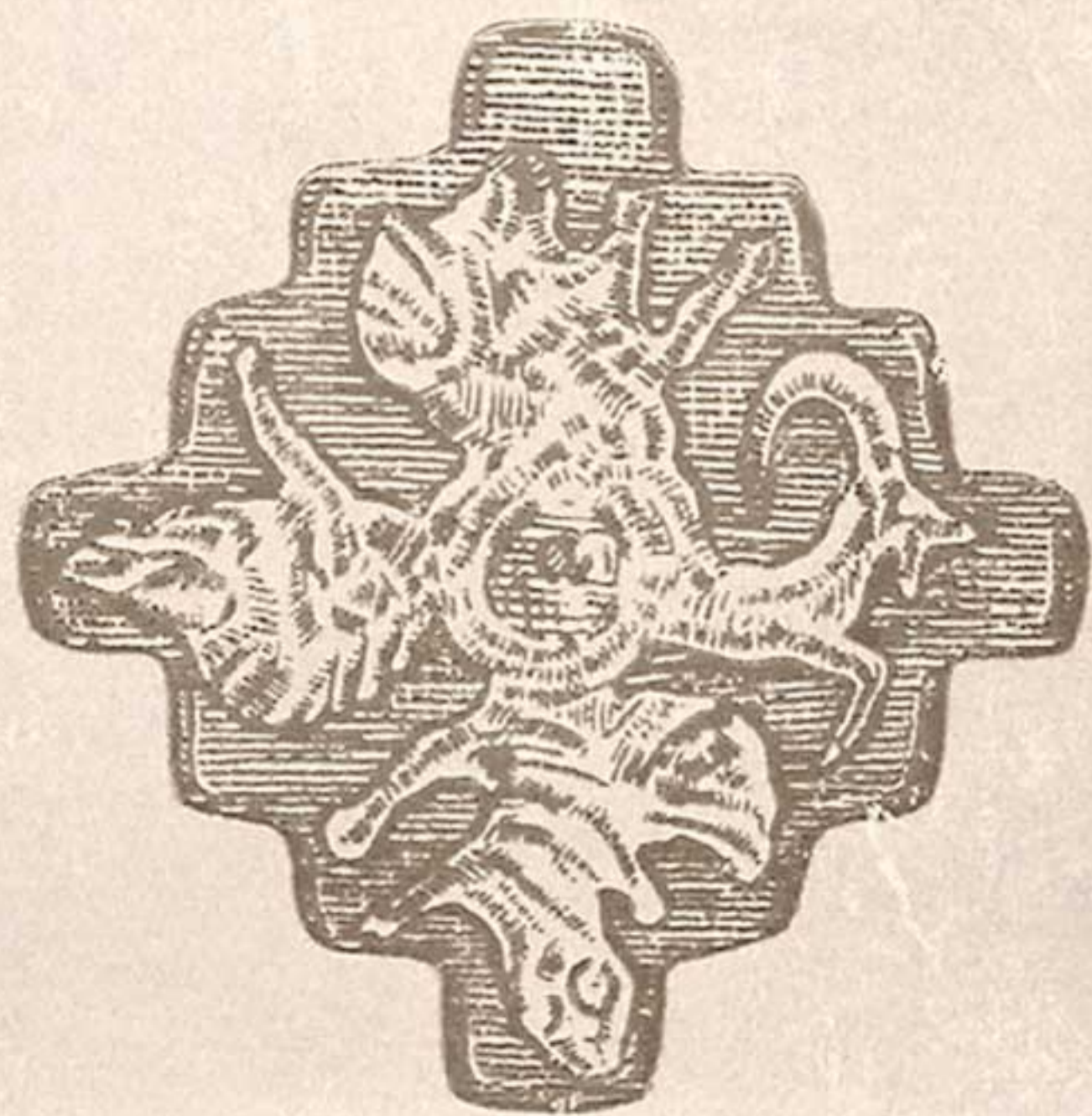

История материальной культуры Узбекистана

Выпуск 14

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 14

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“ УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ-1978

902.6
И90

Сборник освещает результаты археологических исследований, проводимых на территории Узбекистана. На материалах раскопок и обследований рассматриваются вопросы первобытной, античной и средневековой археологии Узбекистана, освещаются достижения смежных с археологией наук.

Книга рассчитана на археологов, историков, преподавателей и студентов гуманитарных вузов, а также на всех интересующихся древним прошлым Узбекистана.

Ответственный редактор
доктор исторических наук А. АСКАРОВ

История материальной культуры
Узбекистана. /Отв. ред. А. Аскарров.—
Т.: «Фан», 1978С.

В надзг.: АН УзССР, Ин-т арх.
Вып. 14.—176 с.

902.6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск «Истории материальной культуры Узбекистана» содержит текущую информацию и статьи, посвященные археологическим исследованиям памятников различных периодов истории культуры Узбекистана.

В последние годы палеолитоведы в результате интенсивных полевых исследований памятников каменного века получили обширный материал на таких многослойных палеолитических стоянках, как Кульбулак под Ташкентом и Кутурбулак в Самаркандской области.

М. Р. Касымов («Результаты работ Ахангаранского палеолитического отряда по данным раскопок 1975 г.») на основании фактического материала получил возможность изучить характер залегания мустьерских слоев, расчлененных на несколько культурных горизонтов, и их соотношение с естественными водными артериями и геологическими отложениями.

В литературе последних лет высказывалось мнение о том, что культурные слои стоянки Кутурбулак — переотложенные и что каменные изделия, обнаруженные здесь, находились вне *in situ* (В. А. Ранов, С. А. Несмеянов. «Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии». Душанбе, 1973). В статье Г. Ф. Тетюхина, Н. Х. Ташкенбаева, Р. Х. Сулейманова «К геоморфологическому положению мустьерского местонахождения Кутурбулак» рассматривается совокупность научно аргументированных фактов, касающихся археологического исследования стоянки Кутурбулак, которая опровергает несостоятельность высказываний В. А. Ранова и С. А. Несмеянова о переотложенности ее культурных слоев.

Четыре статьи посвящены изучению отдельных отраслей производственной деятельности и палеоантропологии населения эпохи бронзы юга Узбекистана.

Систематические раскопки могильника Джаркутана эпохи поздней бронзы проливают свет на историю культуры племен протогородской цивилизации древневосточного типа. В 1975 г. (весной) здесь вскрыто еще 69 могил (ранее было раскопано 142 могилы) двух хронологических этапов и получен обильный археологический материал, которому посвящена статья А. Аскарлова, Б. Абдуллаева «Раскопки могильника Джаркутан (результаты работ весной 1975 г.)».

Авторы отмечают, что отсутствие смешанных материалов в могилах разных периодов позволяет стратифицировать материалы синхронных памятников аналогичного культурного ареала Северного Афганистана. Большой интерес вызывает изучение краниологического материала могильника Джаркутан. В статье Т. К. Ходжайова и Х. Халилова «Череп эпохи бронзы из могильников Джаркутан и Бустан (раскопки 1975 г.)» нашло отражение исследование нового палеоантропологического материала, позволяющего включать южные районы Узбекистана в зону распространения восточной ветви средиземноморской расы.

Важным этапом в изучении раннеземледельческой культуры племен эпохи бронзы и раннего железа в степной зоне Средней Азии является открытие в Ташкентской области памятников раннебургулюкской культуры. Х. Дуке в статье «Исследование памятников поздней бронзы и раннего железа в зоне Туябугузского водохранилища в 1976 г.» рассматривает 12 жилищ с богатыми культурными остатками, в первую очередь керамики и бронзовых предметов, аналогичных комплексам Яз I Мургабской долины и Чустской культуры Древней Ферганы.

Статья Р. Х. Сулейманова и М. Туребекова «Этапы развития фортификационной системы Еркургана» посвящена результатам исследования оборонительных сооружений древнейшей столицы Каршинского оазиса. Установлено, что уже в середине первого тысячелетия до н. э. город имел мощную фортификацию, которая подвергалась многочисленным ремонтам и реконструкциям до V в. н. э.

Статья С. К. Кабанова «Археологическая разведка в Придаргомской степи» отражает результаты обследования участка степи вдоль дороги Самарканд — Шахрисабз, проведенного в 1961 г. Приводятся описания 21 памятника, один из которых раскапывался. По мнению автора, обследованный участок обживался в основном в I—VII вв. н. э.

Т. К. Ходжайов и В. Н. Ягодин в статье «Опыт палеодемографического изучения населения Миздахкана» на основе большого археолого-антропологического материала рассматривают вопросы половозрастных соотношений, средней продолжительности жизни, уровня детской смертности, численности и динамики населения Миздахкана — одного из крупных городов Хорезмского оазиса эпохи античности и средневековья.

В статье М. Саадиева «Новые данные о соборной мечети Афрасиаба» приведены некоторые результаты раскопок последних лет на одном из интереснейших архитектурных памятников IX—XIII вв., позволяющие уточнить периодизацию мечети, вносящие вклад в изучение средневекового искусства Узбекистана.

Тщательный анализ материалов, в основном керамики, из городища Чангтепе дал возможность Ю. Ф. Бурякову («Раскопки городища Чангтепе в Ташкентском оазисе») сделать вывод о существовании этого поселения в I—V вв. и частичном обживании в XI—XII вв.

В статье Э. В. Ртвеладзе «Обнаружение средневекового селения Навандак в области Саганиан» приведены важные данные для локализации одного из крупных селений средневекового Саганиана — Навандака на месте городища Кафиркала.

Новый интересный нумизматический материал, открывающий неизвестные караханидские монетные дворы (XI в.) и решающий вопрос о чекане Науката (X в.) и начале выпуска джанидских золотых монет (XVIII в.), представлен в статье Б. Д. Кочнева «Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть I (Саманиды, Караханиды, Джаниды)».

В работе Т. С. Ерназаровой «Новые монетные клады городища Афрасиаб» приводятся каталоги двух крупных кладов: в одном — дирхемы бухархудатского типа, в другом — медные согдийские монеты VIII в., выпущенные от имени ихшида Тархуна.

Статья Э. Ю. Буряковой «К стратиграфии площади Регистан» посвящена результатам вскрытий и наблюдений в 1974—1975 гг. понижения уровня площади Регистан в Самарканде, давших важные сведения по истории Регистана (а следовательно, и города) XV—XVII вв.

Способ борьбы с заболачиванием, заключающийся в укладе системы дренажных труб, описан И. А. Анбоевым в статье «Древний метод борьбы с заболачиванием».

Проблеме возникновения и развития орошаемого земледелия в Средней Азии и разработке методов исследования земель древнего орошения в районах крупных среднеазиатских равнинных рек, таких как Амударья, Сырдарья, Зарафшан посвящен труд Б. В. Андрианова и А. Р. Мухамеджанова «Изучение истории орошения Средней Азии».

М. Р. КАСЫМОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ АХАНГАРАНСКОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ОТРЯДА ПО ДАННЫМ РАСКОПОК 1975 г.

Ахангаранский палеолитический отряд Института археологии АН УзССР при стационарной работе на многослойной палеолитической стоянке Кульбулак в 1975 г.¹ преследовал три цели: уточнение характера залегания напластования и выяснение восточной границы культурных слоев Кульбулака; выяснение соотношения культурных слоев поселения с отложениями русла Джарсая и геологическое изучение отложений и культурных слоев поселения и его окрестностей в связи с уточнением геологического возраста памятника².

Для выяснения первого вопроса на востоке площадки поселения был заложен раскоп 14, являющийся непосредственным продолжением раскопа 9. Общая площадь раскопа 40 м², но культурные слои охватывают только кв. X₁-57—66, Ц₁-57—66, Ч₁-57—66, Ш₁-57—66. На участке вскрыто три нижних (VIII^a, VIII^b, VIII^b) мустьерских слоев, вышележащие мустьерские слои здесь отсутствуют, так как кончаются на территории раскопа 9. Кроме того, определены характер и уровень расположения вскрытых трех мустьерских слоев: отложения, где расположены названные (VIII^a—VIII^b) культурные слои на участке раскопов 1, 2, 8 и 9, намного ниже и, постепенно повышаясь к востоку, на кв. X₁-60—63 раскопа 14 выступают на дневную поверхность. Это позднеаташкентский цикл отложения, который, постепенно понижаясь и продолжаясь к востоку, за пределами раскопа вклинивается в восточную стенку геологической траншеи.

Таким образом, раскоп 14 дал следующую стратиграфию (рис. 1).

Разрез северной стенки раскопа 14	Мощность слоев, м
1. Дерновый слой	0,02—0,10
2. Супесь серого цвета	0,02—0,09

¹ К а с ы м о в М. Р. Памятники каменного века в долине Ангрена. ОНУ, 1967, № 2, с. 57.

² В работе отряда приняли участие: М. Р. Касымов (нач. отряда), докт. г.-м. н. Г. Ф. Тетюхин, сотрудники Института археологии АН УзССР Дж. Кабиров, Т. Омонжулов, ст. н.с. Ангреновского краеведческого музея Т. И. Гувели и др.

3. Супесь серого цвета с включениями карбонатных конкреций мелкого щебня	0,02—0,16
4. Прослойка суглинистая желтого цвета с песком и включениями обломков изверженных пород размером 3—9 см	0,08—0,22
5. VIII ^a мустьерский культурный слой с каменными орудиями, слегка гумусированный песком	0,02—0,08
6. Твердая суглинистая прослойка желтого цвета с песком и включениями обломков изверженных пород	0,12—0,27
7. VIII ^b мустьерский слой с каменными орудиями	0,04—0,09
8. Суглинистая твердая прослойка желтого цвета с песком и включениями обломков изверженных пород	0,08—0,24
9. VIII ^в мустьерский культурный слой с каменными орудиями и примесью песка	0,02—0,10
10. Слой чистого песка серого цвета	0,02—0,20
11. Твердый суглинистый слой с песком и крупными обломками изверженных пород размером 6—18 см	0,03—0,35
12. Твердый слой желтого цвета суглинистый с песком и включениями обломков изверженных крупных пород	0,09—0,25
13. Твердое суглинистое отложение с песком и включениями изверженных пород размером 5—14 см	0,06—0,15

На разрезе северной стенки раскопа отчетливо прослеживается, что мустьерские (VIII^a—VIII^в) слои, слегка опускаясь и не доходя нескольких метров до правого берега русла Джарсая, на кв. X₁-64; Ц₁-64; Ч₁-64, Ш₁-64 и X₁-66; Ц₁-66, Ч₁-66, Ш₁-66, кон-

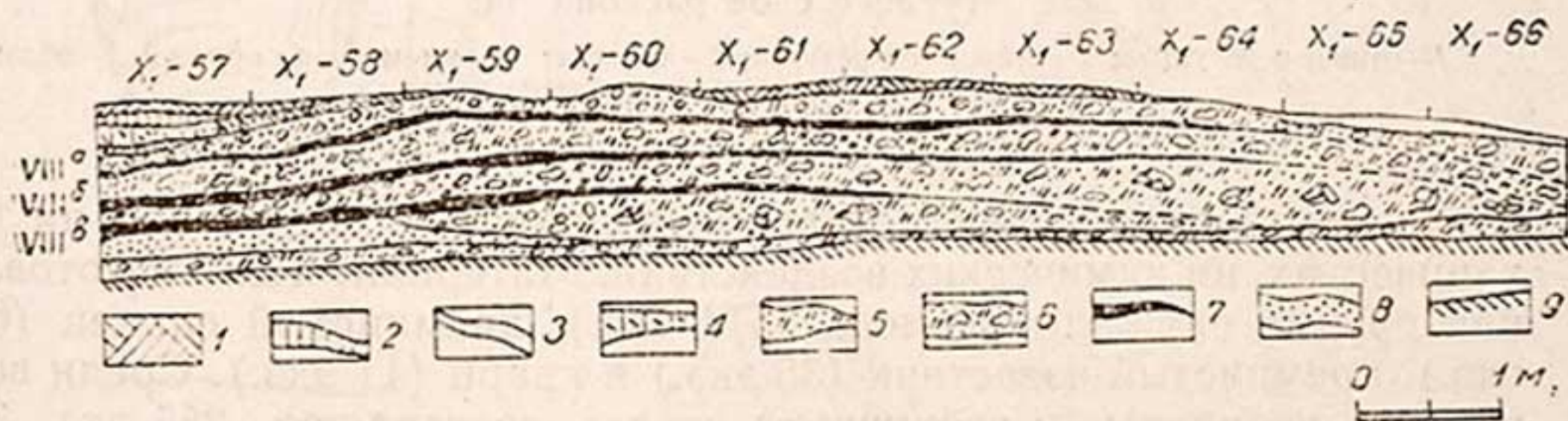

Рис. 1. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Разрез северной стенки раскопа 14:

1—дерновый слой; 2—супесь серого цвета; 3—современный отвал; 4—супесь серого цвета с включениями карбонатных конкреций мелкого щебня; 5—прослойка суглинистая желтого цвета с песком; 6—прослойка суглинистая желтого цвета с песком и включениями изверженных пород; 7—культурный слой; 8—чистый песок серого цвета; 9—нижняя граница раскопа.

чаются и являются восточными границами этих слоев (рис. 2). На всех вскрытых квадратах раскопа 14 каменные изделия расположены неравномерно, постепенно уменьшаясь к востоку, кончаются на указанных квадратах.

Отметим, что ниже вскрытых трех мустьерских слоев на участке кв. X₁-55—59; Ц₁-55—59 и северных частях квадратов Ч₁-55—59,

а также на северо-востоке раскопа 9 (общей площадью 15 м²) обнаружен мощный слой чистого среднезернистого серого песка, который, продолжаясь к северу, вклинивается в северную стенку раскопа 14. Этот слой песка нанесен родниковой водой и намного раньше, чем три вышележащих мустьерских (VIII^a—VIII^b) слоя.

Всего в трех слоях раскопа найдено 1254 каменных изделия. Сохранность их хорошая, поскольку этот участок поселения, рас-

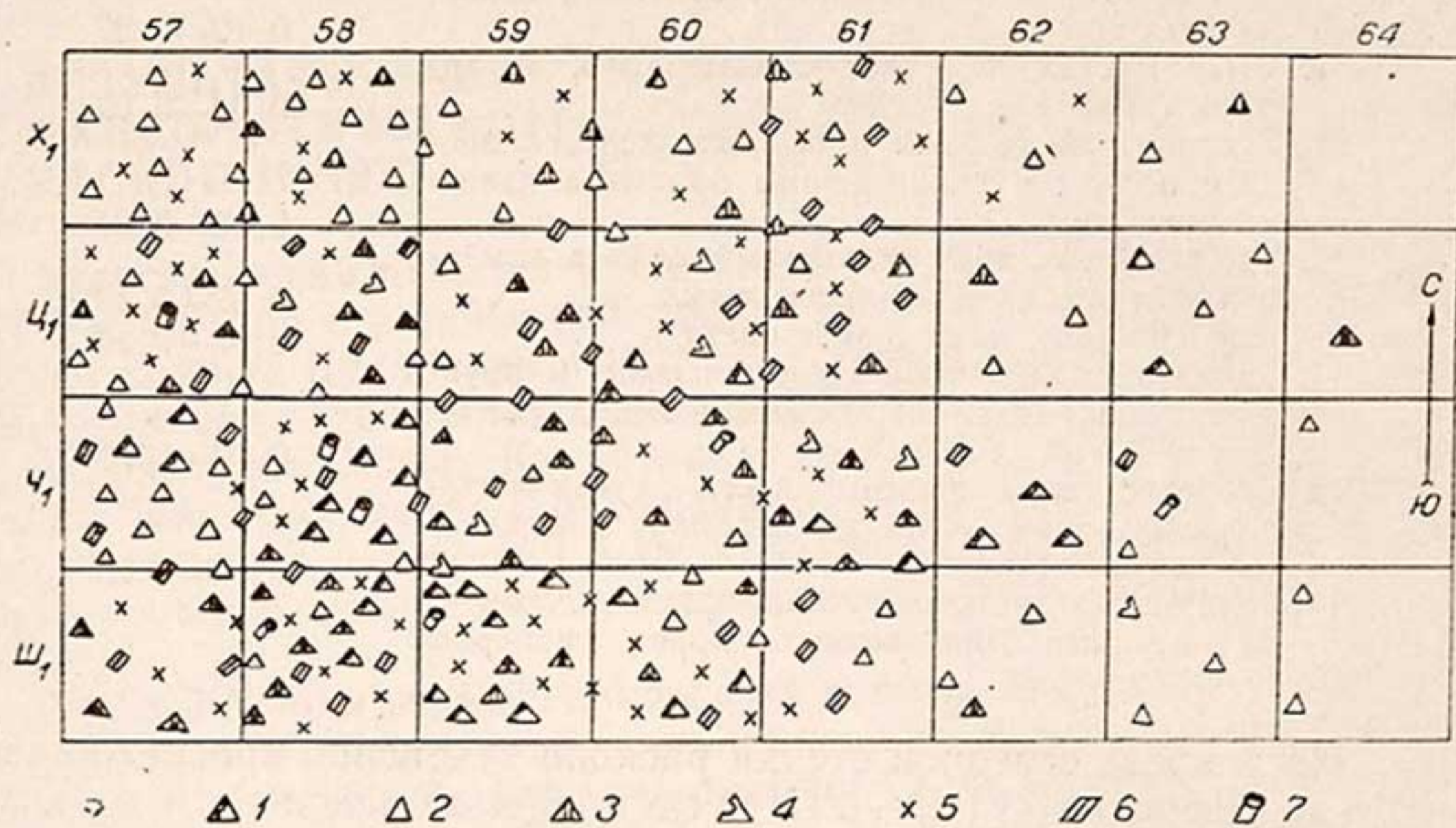

Рис. 2. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. План VIII^b культурного слоя раскопа 14:

1—отщеп с ретушью; 2—отщеп без ретуши; 3—нуклеус; 4—выемчатое орудие; 5—обломок; 6—пластина; 7—скребла и скребущие орудия.

положенный выше древнего уровня родника, не испытывал ни механических, ни химических воздействий. Материалом для изготовления орудий служили кремль (514 экз.), кремнистый сланец (694 экз.), кремнистый известняк (35 экз.) и кварц (11 экз.). Среди всех изделий первичные и вторичные сколы составляют 255 экз., 395 предметов — сохранившиеся ударные площадки у большинства орудий, подправленные одним или несколькими поперечными сколами. Здесь представлены разнообразные нуклеусы, орудия и отщепы. Нуклеусы (221 экз.) разных типов образуют несколько выразительных и устойчивых серий: дисковидные, одно- и двухплощадочные и, наконец, морфологически менее определенные обломки со следами бессистемных сколов.

Дисковидных нуклеусов сравнительно мало (11 экз.), но они весьма характерны для этого комплекса. Все они обработаны с тыльной стороны, поперечными сколами по краям подправлены ударные площадки, на рабочей части которых сохранились следы радиальных сколов (рис. 3, 9).

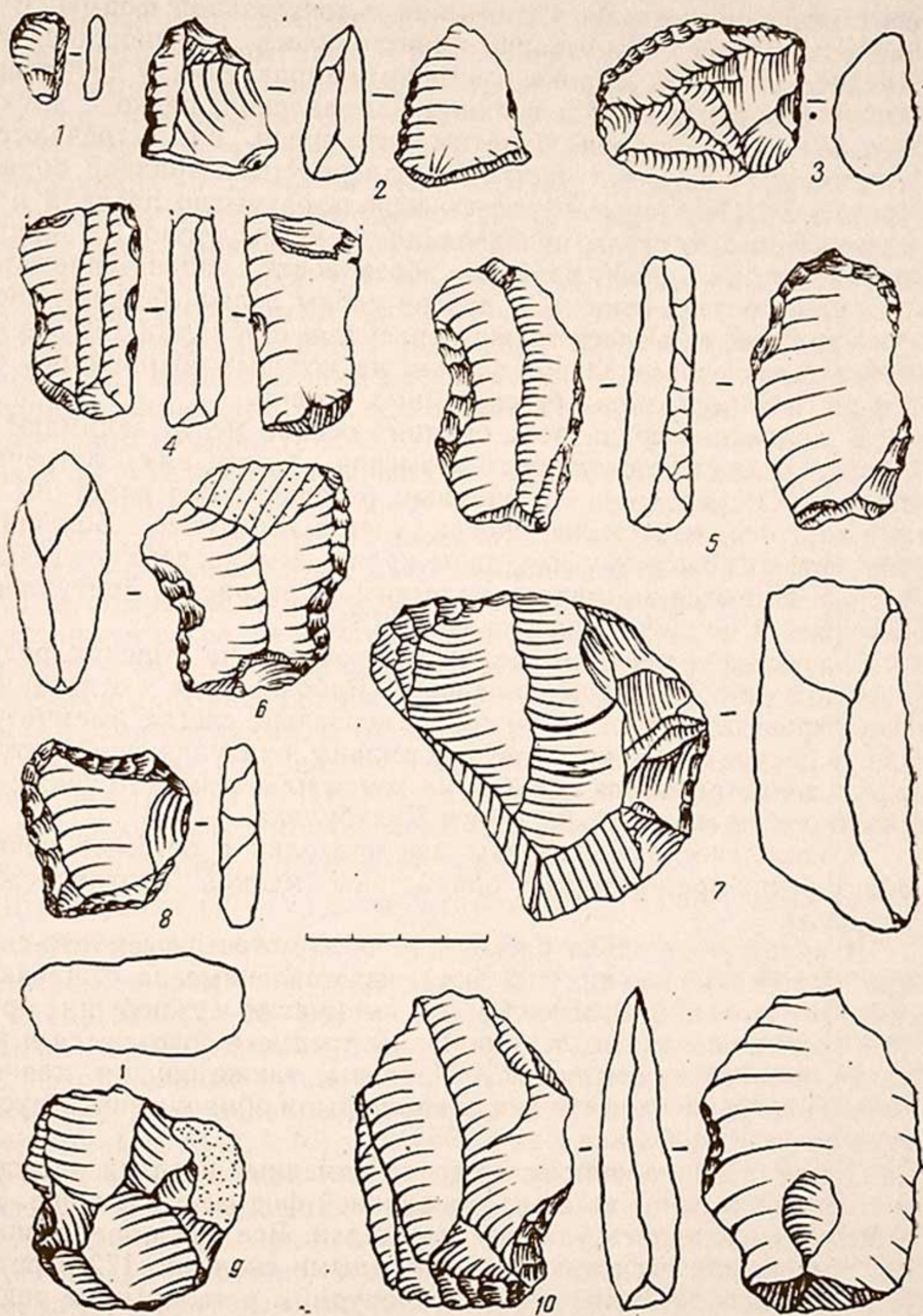

Рис. 3. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия:
 1—IV к. с.; 2—VI к. с.; 3—VII к. с.; 4, 10—V к. с.; 5—VIII⁶ к. с.; 6—VIII² к. с.; 7, 9—
 VIII^B к. с.; 8—VIII к. с.

Среди ядрищ самое большое количество составляют одно- и двуплощадочные нуклеусы и их обломки (142 экз.), изготовленные из уплощенного камня удлиненной и треугольной формы. В большинстве случаев скалывание производилось у одноплощадочных нуклеусов с одной стороны и в одном направлении, у двуплощадочных — с обеих сторон и в одном направлении, редко с двух противоположных сторон. Отметим, что среди них встречаются нуклеусы, края которых частично подвергнуты вторичной обработке (рис. 3, 7). Некоторые нуклеусы использованы до предела и отличаются тем, что сколы производились с обеих сторон в одном направлении, на одной рабочей поверхности виден сравнительно большой негатив отщепы, с другой сколы велись бессистемно.

Представлены здесь также нуклевидные обломки (68 экз.). Это нуклеусы невыразительной формы, на которых сохранились следы одного или нескольких бессистемных сколов.

В коллекции среди всех орудий особое место занимают пластины (309 экз.) различных размеров. Среди них встречаются фрагменты оснований с ударным бугорком. Все пластины одно- или двугранные, плоские, иногда слегка изогнутые. Большинство обработано по одному или двум краям, иногда чередующейся ретушью. Имеются выемчатые пластины с прекрасной притупляющей ретушью со спинки и брюшка (рис. 3, 5).

Скребла (14 экз.) в основном изготовлены на отщепах, редко на пластинах и обработаны по-разному. Рабочие края у отдельных экземпляров выпуклые, у некоторых неровные, слегка выемчатые. В обоих случаях рабочие края оформлены притупляющей ретушью. Здесь же встречаются скребки на конце пластины, что также свойственно всем мустьерским слоям Кульбулака.

В комплексе представлены две проколки с острыми концами, оба рабочих края которых обработаны мелкой противолежащей ретушью.

В культурных слоях раскопа 14 обнаружены выемчато-скребущие и зубчатые орудия (98 экз.), изготовленные на отщепах различных очертаний. В основном это выемчатые и скребущие орудия. Они комбинированные, т. е. на одном предмете сочетаются и выемчатые, и скребущие (рис. 3, 6). Найдены также орудия теякского типа. Подобного типа орудия впервые были обнаружены в мустьерских слоях Кульбулака еще в 1963 г.

Самое большое количество среди каменных изделий раскопа 14 составляют отщепы (472 экз.) различной формы и размеров. У 270 отщепов сохранились ударные площадки. Все они обработаны одним, двумя или несколькими поперечными сколами, 172 отретушированы и использованы в качестве орудий, остальные не подвергнуты вторичной обработке и, по-видимому, являются отбросами производства. Кроме того, в комплексе имеются осколки, обломки и желваки из различных пород камня (138 экз.) — также отбросы производства.

В 1975 г. метровой полосой на кв. Ф₁-28—50 вскрыто 5 (IV—

VIII) мустьерских слоев, которые дали колоссальное количество предметов (1031 экз.) и остатки костей ископаемых животных. Стратиграфия этих слоев не отличается от стратиграфии предыдущих квадратов, вскрытых в 1970 г.³ Следовательно, нет необходимости описывать разрез стенки метровой полосы, дадим краткую характеристику каменной индустрии по слоям начиная с нижнего. Следует отметить, что раскопом этого года не вскрыты три нижеподстилающих (VIII^a—VIII^b) мустьерских слоев, вскрыты лишь 5 вышележащих культурных слоев. Поэтому характеристику каменных изделий начинаем с VIII культурного слоя, который вскрыт на кв. Ф₁-45—50. Находки (64 экз.) расположены неравномерно, представлены различными типами нуклеусов, пластин, скребел, выемчато-скребущих орудий на коротких отщепах, а также немногочисленными леваллуазскими пластинами. Имеются также многофункциональные орудия, т. е. несущие несколько рабочих элементов на одном изделии (рис. 3, 8).

Изделий VII культурального слоя (Ф₁-45—50) намного меньше, чем изделий VIII слоя, — всего 48 экз. Представлены различные нуклеусы, пластины, скребла, выемчатые и скребущие орудия (рис. 3, 3), встречаются скребки, микроорудия и орудия теякского типа.

VI мустьерский слой вскрыт всего в 5 квадратах (Ф₁-45—49), но дал почти такое же количество материала, как и VIII культурный слой, — 46 экз. Каменная индустрия представлена дисковидными, одно- и двухплощадочными нуклеусами, скребковыми, выемчато-зубчатыми орудиями, а также орудиями теякского типа. Все изделия слоя более совершенные, чем нижележащих слоев (рис. 3, 2). Кстати, все три (VI—VIII) мустьерских слоев расположены в одной геологической пачке, что соответствует, по Г. Ф. Тетюхину, поздне-ташкентскому циклу отложения — Q₂².

Два верхних (V—IV) слоя расположены в одной пачке древне-голодностепского отложения Q₃¹ и датируются поздним этапом мустьерского времени Кульбулака. V культурный слой вскрыт лишь в 5 квадратах (Ф₁-40—44), но каменных изделий, по сравнению с другими слоями, намного больше — 244 экз. Это многоплощадочные, ортогональные нуклеусы, скребла, острия, выемчатые орудия, пластины с параллельными гранями и отщепы различных размеров и очертаний (рис. 3, 4, 10) и т. д.

IV культурный слой вскрыт на 9 квадратах (кв. Ф₁-32—40). Выявлены многочисленные изделия, намного превосходящие все культурные слои, вскрытые на метровой полосе, — 629 экз. В комплексе, наряду с типично мустьерскими нуклеусами, пластинами, скреблами, выемчатыми орудиями, встречаются тщательно оформленные призматические нуклеусы, пластинки и скребки, напоминающие позднепалеолитические (рис. 3, 1). Следовательно, в двух (IV—V) позднемустьерских слоях возникает и продолжает разви-

³ К а с ы м о в М. Р. Результаты работ Ахангаранского палеолитического отряда в 1970 г. Сб. «Успехи среднеазиатской археологии», вып. 1, Л., 1972.

ваться позднепалеолитическая техника обработки орудий. Однако здесь еще преобладает традиция техники обработки орудий нижних, более древних, мустьерских слоев. Для этих слоев характерно и использование сырья. При этом кремня больше, чем в нижних слоях, а кремнистого сланца больше в нижних, чем в верхних.

Таким образом, стационарные работы на многослойной стоянке Кульбулак дали большое количество археологических материалов, которые еще раз подтверждают, что Кульбулак — единственный памятник, входящий в круг зубчато-выемчатой и теякских групп памятников и представляющий особую локальную группу палеолита Средней Азии и Казахстана⁴.

Для выяснения вопроса о соотношении культурных слоев Кульбулака и отложений русла Джарсая нами была заложена траншея между раскопом 14 и геологическим шурфом. Траншея прорезала правый берег русла и хотя полностью не закончена, дает полное представление о том, что после окончания трех мустьерских (VIII^a—VIII^b) слоев на кв. X₁-66, Ц₁-66, Ч₁-66 и Ш₁-66 те же отложения, продолжаясь к берегу (востоку), слегка опускаются вниз и вклиниваются в восточную стенку траншеи. Между восточными границами культурных слоев и правым берегом Джарсая на протяжении нескольких метров отсутствуют археологические находки, хотя те же отложения продолжают.

Интересно также отметить, что в траншее на глубине 1,5 и 2,2 м, намного ниже расположения культурных слоев (VIII^a—VIII^b), выявлено несколько каменных изделий, в том числе нуклеусы, массивные отщепы и пр. Подобные предметы были найдены ниже мустьерских слоев в шурфе 3 в 1963—1972 гг. Они древнее, чем орудия из самого нижнего VIII^b мустьерского слоя.

Геологический возраст и характер залегания культурных слоев Кульбулака изучали Г. Ф. Тетюхин и М. Р. Касымов, заложив около 10 шурфов на огромной территории склона Чаткальского хребта — от известняковых гряд до поселения Кульбулак включительно.

Геологические шурфы, а также археологические раскопки дали прекрасный материал для выяснения стратиграфии и определения геологического возраста Кульбулака. Эти фактические данные свидетельствуют о неправильной и поспешной интерпретации В. А. Рановым и С. А. Несмеяновым характера залегания культурных слоев и геологического возраста Кульбулака⁵. Были также уточнены стратиграфия микрорайона, характер залегания культурных слоев и геологический возраст стоянки, которым будет посвящена специальная статья.

⁴ К а с ы м о в М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане (предварительные итоги исследований). МИА, № 185. Палеолит и неолит, т. 7, Л., 1972, с. 119.

⁵ Р а н о в В. А., Н е с м е я н о в С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973, с. 92—94; Р а н о в В. А., Н е с м е я н о в С. А. Совещание по каменному веку Средней Азии. Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода, № 41, 1974, с. 187—194; и др.

Г. Ф. ТЕТЮХИН, Н. Х. ТАШКЕНБАЕВ, Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ

К ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОМУ ПОЛОЖЕНИЮ МУСТЬЕРСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КУТУРБУЛАК

Одно из важных событий в изучении первобытной культуры Узбекистана — открытие Зирабулакского палеолитического комплекса, представленного двумя крупными многослойными местонахождениями, приуроченными к родникам Зирабулак и Кутурбулак. Родники расположены у подножья северных склонов Зирабулакских гор в среднем течении р. Зарафшан на расстоянии 100 км западнее г. Самарканда.

В 1971—1972 гг. основные раскопочные работы проводились на Кутурбулакском палеолитическом местонахождении. Здесь, в 1 км западнее Зирабулака, на площади около 200 м² в 5 культурных горизонтах мощностью более 2 м были обнаружены богатый каменный инвентарь мустьерского времени и остеологический материал (рис. 1). Ниже приводим стратиграфический разрез культурных горизонтов (рис. 2).

	<i>Мощность слоев, м</i>
1. Суглинок светло-коричневого цвета с примесью песка	0.05—0.18
2. Ритмичное переслаивание суглинка сероватобурого и песка	0.10—0.38
3. Суглинок темно-бурого цвета с зеленоватым оттенком	0.10—0.38
4. Супесь зеленовато-желтоватого цвета, глинистая, с охристыми пятнами	0.05—0.30
5. Глинистая супесь темно-зеленого цвета	0.45—0.84

Обнаруженные в культурных горизонтах Кутурбулакского палеолитического местонахождения каменные изделия приурочены непосредственно к местообитанию древнего человека. Эти бытовые центры, по нашему предположению, фиксируются зольными включениями и линзами скопления золы в квадратах К-И-21 II культурного горизонта, квадратах З-Ж-23,24 у контакта II и III горизонтов, И-К-26, 27—III, З-Ж-21, 22—IV горизонта.

В зольных массах и вокруг них находились скопления каменных изделий и костных остатков. В зольных линзах третьего слоя находили даже обугленные кости ископаемых животных вместе со скоплениями каменных орудий, заготовками для поделки орудий и

нуклеусами. Поверхность некоторых каменных изделий покрыта красновато-бурым налетом, очевидно, от воздействия огня.

Фаунистические находки обнаружены в основном во II и IV горизонтах, остеологический материал залегал попеременно с каменными изделиями.

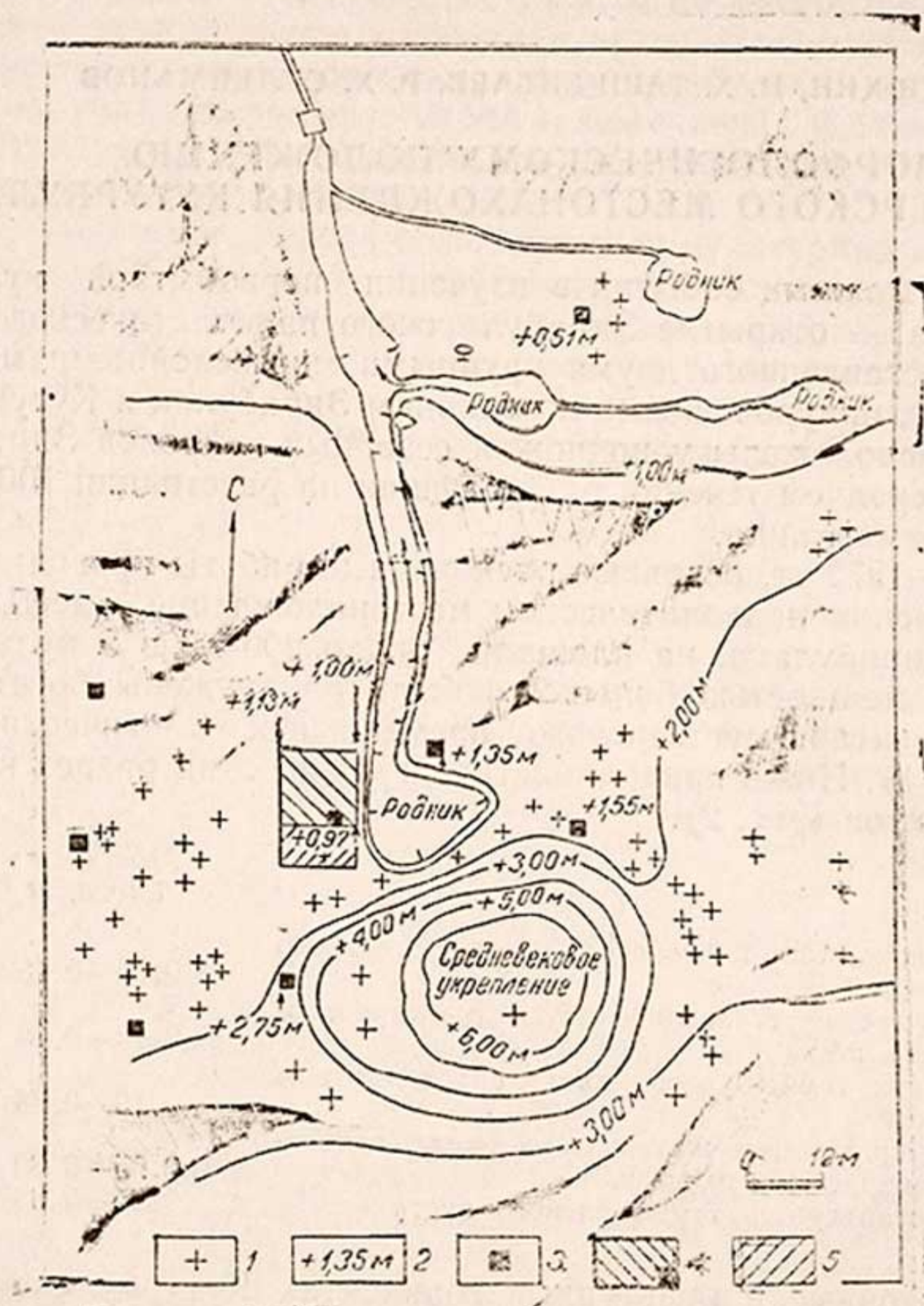

Рис. 1. План Кутурбулакской стоянки;

1—Находки каменных изделий; 2—высотные отметки; 3—шурф; 4—раскоп 1971 г.; 5—раскоп 1972 г.

Видовое определение костных остатков проведено Б. Батыровым. Преобладали обломки костей лошади (80 костей, 4 особи), единичными экземплярами представлены костные остатки первобытного быка (20 и 1), бухарского оленя (4 и 1) и кулана (10 и 1). Особый интерес представляет находка нижней челюсти слона, которая, по мнению Б. Батырова, относится к довольно раннему виду.

Определенные виды животных относятся к верхнепалеолитическому фаунистическому комплексу. В экологическом отношении они характеризуют условия континентального климата сухих открытых пространств, предгорных и степных зон.

Находки костей ископаемых животных, присутствие очажных остатков почти во всех культурных слоях и огромная концентрация культурных остатков в каждом слое позволяют рассматривать Кутурбулакскую мустьерскую стоянку в качестве оседлого поселения, использованного первобытными людьми одной и той же культуры на протяжении длительного времени.

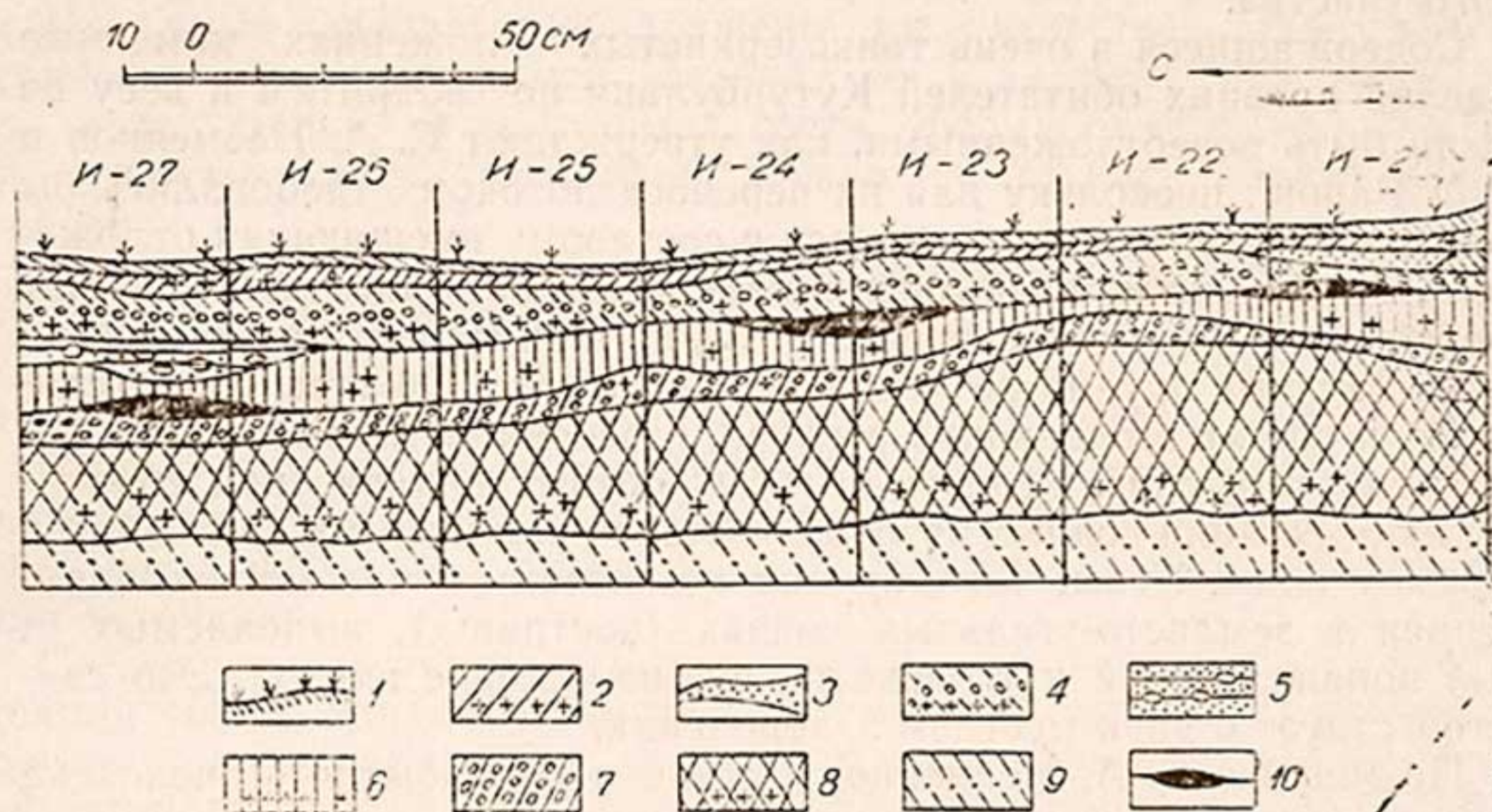

Рис. 2. Стратиграфический разрез культурных горизонтов Кутурбулака:

1—дерновый слой; 2—суглинок плотный серый с культурными остатками; 3—песчаная прослойка (супесь песчаная); 4—песчано-глинистый слой с культурными остатками; 5—прослойка песка с примесью глинистых частиц; 6—плотный глинистый суглинок темно-зеленый с культурными остатками; 7—глинистый суглинок зеленовато-желтого цвета с культурными остатками; 8—плотная глина темно-желтого цвета с культурными остатками; 9—желтая глина с железистыми пятнами; 10—зольные прослойки.

Кратковременный осмотр позволил С. А. Несмеянову¹ дать предварительную характеристику вмещающих пород и сделать попытку геоморфологической привязки к террасам долины р. Зарафшан. Местонахождение увязывали с аккумуляцией толщи поздне-среднечетвертичных отложений². В соответствии с местной стратиграфической шкалой это отвечает шоркудукскому комплексу. Как показало наше специальное обследование, Кутурбулакское местонахождение расположено на склоне позднечетвертичной (сукайтинской) террасы, врезанной в толщу поздне-среднечетвертичных отложений (шоркудукской террасы).

¹ Раиов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973, с. 87.

² Там же, с. 88.

Вмещающие отложения Кутурбулакского местонахождения обязаны деятельности небольших временных потоков. Накопившиеся здесь пролювиальные образования представлены преимущественно суглинками и супесями с резкими линзами щебнистых осадков. В процессе формирования толщи размыва направление сноса материала менялось, в результате наблюдаются линзоватость и слоистость отложений.

Локальный характер залегания угольсодержащих осадков и скоплений золы, а также сосредоточение предметов деятельности человека свидетельствуют о периодическом характере обживания этого участка.

Содержащиеся в очень тонкозернистых отложениях каменные изделия древних обитателей Кутурбулака по габаритам и весу не могли быть переотложенными, как утверждают С. А. Несмеянов и В. А. Ранов³, поскольку для их переноса потоком требовались бы большие скорости, что не вяжется с составом вмещающих отложений. Относительные превышения палеорельефа также не позволяют предполагать большие скорости потоков. При малых же скоростях такие крупные орудия не могли переноситься. Об этом свидетельствует и состав вмещающих рыхлых, в основном мелкоземных, пылеватых отложений, перенос которых осуществлялся при спокойной аккумуляции водных потоков, обладавших малыми скоростью и объемом воды. Кроме того, орудия не окатаны и часть их, обнаруженная в землисто-угольных линзах (кострища), выделяемых *in situ*, покрыта золой и угольками, смешанными с глиной. Это свидетельствует о явно местном захоронении.

По мнению С. А. Несмеянова, стоянка первобытного человека находилась на краю склона ранней среднечетвертичной террасы и была смыта вследствие эрозионных процессов пролювиального характера на поверхности тыловой части позднечетвертичной террасы.

В схеме развития рельефа стоянки С. А. Несмеянова вызывает сомнение тот факт, что концентрация древних палеолитических изделий отмечена только в слоях, непосредственно примыкающих к источнику Кутурбулак, расположенному в 300 м к северу от бровки раннесреднечетвертичной террасы. Весьма неправдоподобно предполагать подобную селективность переноса крупных орудий, да еще в таком большом количестве, и исключительную направленность к роднику переноса периодически действующими потоками в условиях небольшого количества атмосферных осадков. В природе по направлению стока материал мельчает. Здесь же, если согласиться с С. А. Несмеяновым, происходил обратный процесс: ближе к склону и непосредственно у его подошвы находки сначала уменьшаются, затем исчезают.

Следуя предположению С. А. Несмеянова, следовало бы ожидать рассеяния палеолитических находок в полосе, непосредствен-

³ Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия..., с. 89.

но примыкающей к склону коренных отложений раннесреднечетвертичной террасы, поскольку при размыве осадки, содержащие орудия, по законам гравитации должны максимально аккумулироваться непосредственно у контакта с обнажением коренных пород. При дальнейшем же переотложении материала следовало бы ожидать уменьшения концентрации материала от склона вдоль стока палеопотоков. Однако такой картины мы не наблюдали.

Каменный материал концентрируется вокруг источника на расстоянии 200 м к северу ниже склона раннесреднечетвертичной террасы. Были осмотрены склоны на более обширной площади, в том числе выше по течению, где склоны Зирабулакских гор эродированы. Каменные изделия не обнаружены ни в качестве подъемного материала на поверхности склона, ни в аллювии по тальвегам этих долин. В действительности формирование культурных отложений местонахождения можно представить следующим образом.

Судя по характеру отложений, источник Кутурбулак существовал уже в мустьерское время и стал центром обживания неандертальским человеком. В эпоху перехода от среднего плейстоцена к позднему, т. е. когда уже формировалась сукайтинская (позднечетвертичная) терраса, геоморфологические условия местонахождения мало чем отличались от современных. К источнику приходили первобытные люди, иногда с перерывами жили здесь, пользуясь услугами источника.

Следует также отметить, что к юго-востоку от родника, на расстоянии 100 м, найден небольшой скалистый останец, покрытый пластом рыхлых отложений, относящихся к уровню раннесреднечетвертичной террасы. Останец служит естественной границей родника и базировавшейся возле него стоянки. Небольшой уклон всех вскрытых культурных горизонтов по направлению к востоку от останца свидетельствует о том, что источник в древности (в мустьерское время) был на том же месте, что и сейчас, хотя и не исключено, что выклинивание подземной воды в разное время могло менять свое место в пределах этого местонахождения, да и русло ручейка, начинающегося от этого родника, блуждало, меандрируя вниз.

В древности (в позднечетвертичное время) по всей предгорной полосе у северных склонов Зирабулакских гор происходит формирование позднечетвертичной (сукайтинской) террасы и вдоль склона накапливаются пролювиальные отложения.

На территории, непосредственно примыкающей к источнику, происходило медленное, систематическое отложение тонких пылеватых супесчано-суглинистых материалов, сносимых слабыми дождевыми водами с более высокой террасы.

Изредка, видимо, при сильных ливневых осадках, происходили более интенсивный размыв со склонов вышележащей террасы к источнику и образование мелких временных русел с относительно более крупным материалом. Зафиксировано два палеопотока. Осад-

ки, сносившиеся ими, представлены песчано-гравийными образованиями мощностью 1—7 см.

Культурных находок в них, как правило, нет. Встречающиеся изредка единичные экземпляры фрагментированы, что исключает их значение как основных путей сноса материала к источнику. В остальное время, когда на участке происходило спокойное, постепенное развитие и очень медленное накопление пролювиальных отложений, территория, прилегающая к роднику, служила местом стойбища первобытного человека, оставившего здесь во всех горизонтах тысячи каменных изделий, отдельные скопления угля больших и малых кострищ и кухонные отбросы в виде костей животных.

А. АСКАРОВ, Б. АБДУЛЛАЕВ

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА ДЖАРКУТАН (РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ ВЕСНОЙ 1975 г.)

Раскопки могильника Джаркутан были продолжены весной 1975 г. Получен довольно обширный материал, характеризующий культуру племен эпохи поздней бронзы¹. В предыдущие годы здесь было вскрыто 149 захоронений разной степени сохранности в 142 могилах². Раскопки были продолжены в восточной части могильника, разбитого на восемь квадратов общей площадью 800 м². Выявлено 69 захоронений разной степени сохранности, относящихся к двум хронологическим этапам культуры Сапалли³.

Могила 143 обнаружена к югу от могилы 113. Могильная яма в плане овальная, вытянута с севера на юг, размером 155×90 см, на глубине 50 см от поверхности. На глубине 30 см от верхнего уровня могильной ямы при остатках скелета человека нашли обломки хума, вазы и лагана (блюдо)⁴.

Могила 144 располагалась к северу от могилы 142. Могильная яма овальной формы размером 70×55 см, вытянута с юга на север, на глубине 50 см. На глубине 60 см от поверхности найдены остатки почти истлевшего детского захоронения без вещей.

Могила 145 обнаружена к востоку от могилы 144. Могильная яма в плане овальная, размером 165×95 см, вытянута с севера на юг, на глубине 45 см. Судя по остаткам скелета (левая бедренная кость, фаланги пальцев и несколько ребер), погребенный лежал в скорченном положении на левом боку, головой на север. На глубине 10 см найдены обломки двух цилиндроконических чаш.

Могила 146 выявлена к юго-востоку от могилы 143. Могильная яма в плане овальная, размером 180×95 см, глубиной 85 см, на глубине 60 см. В ней находились остатки плохо сохранившегося скелета человека, лежавшего в скорченном положении на правом

¹ Аскар о в А. Новый памятник эпохи бронзы на территории Северной Бактрии. АО, 1974; с. 496—497. Абдуллаев Б. Новый памятник эпохи бронзы на юге Узбекистана. ОНУ, 1977, № 1.

² Абдуллаев Б. Раскопки поздних групп погребений могильника Джаркутан. ИМКУ, № 13, с. 33.

³ Состав отряда: начальник А. Аскар о в, аспирант Б. Абдуллаев, антрополог Х. Халилов, лаборанты А. Радюков и М. Асанова.

⁴ Здесь и далее глубины даются от дневной поверхности до уровня зачистки, на котором было обнаружено пятно могильной ямы, и от края ямы на уровне зачистки до ее дна.

боку, головой на север. При нем найдены обломки неопределимых по форме сосудов.

Могила 147 раскопана к югу от могилы 116. Могильная яма в плане овальная, размером 210×210 см, вытянута с северо-запада на юго-восток, на глубине 40 см. На глубине 90 см при остатках скелета обнаружены обломки венчика от горшков.

Могила 148 располагалась к юго-востоку от могилы 146. Овальная могильная яма на глубине 50 см, размером 160×95 см, глубиной 40 см. Вскрыты остатки плохо сохранившегося скелета человека и обломки неопределимых по форме сосудов.

Могила 149 обнаружена к югу от могилы 148. Могильная яма овальной формы размером 190×130 см, вытянута с северо-востока на юго-запад на глубине 50 см. На глубине 30 см на дне ямы разбросаны обломки бедренной и берцовой костей, ребер и несколько позвонков погребенного. В северо-западной части найден обломок черепа. По положению останков можно предположить, что покойник был уложен на правый бок в скорченном положении, головой на северо-восток. В юго-восточной части найдены кремневый наконечник стрелы и два фрагмента керамики двух сосудов: венчик от вазы и донце от хумчи.

Могила 150 обнаружена к северу от могилы 149. Овальная могильная яма размером 215×135 см, глубиной 25 см вытянутая с севера на юг, на глубине 50 см. В восточной части погребальной камеры вскрыт дромос размером 75×70 см, глубиной 18 см, на дне камеры — обломки донца от вазы и основание чаши от другой вазы. От скелета остались обломки черепа и бедренной кости.

Могила 151 находилась к западу от могилы 148. Овальная могильная яма размером 170×140 см на глубине 50 см вытянута с юга на север. На глубине 40 см в середине ее найдено несколько обломков костей рук и шейный позвонок, обломки неопределимых по форме сосудов.

Могила 152 обнаружена к западу от могилы 150. Могильная яма в плане овальная, размером 180×100 см, выявлена на глубине 70 см, вытянута с северо-запада на юго-восток. На глубине 45 см скелет лежал на правом боку в скорченном положении, головой на северо-запад. Кости правой руки сильно согнуты, кисть перед лицом, левая рука — над ребром погребенного. Инвентаря при погребенном не оказалось.

Могила 153 вскрыта к юго-востоку от могилы 147. Могильная яма в плане овальная, размером 150×120 см, на глубине 80 см, вытянута с севера на юг. При расчистке ямы на разных уровнях попадались мелкие обломки керамики; три венчика от цилиндрико-конической чаши и два донца от двух кубков. На дне могилы сохранилось несколько обломков костей рук, ног, ребер и позвонков. Можно предположить, что погребенный лежал на левом боку в скорченном положении, головой на север.

Могила 154 обнаружена к югу от могилы 153. Могильная яма в плане округлой формы, диаметром 140 см, глубиной 20 см, открыта

на глубине 80 см. Найдены разрозненные кости погребенного. Инвентарь не обнаружен.

Могила 155 располагалась к юго-востоку от могилы 147. Могильная яма размером 170×110 см, глубиной 20 см открыта на глубине 80 см. В яме встречались разрозненные кости погребенного. Среди сопровождающего инвентаря уцелели два фрагмента двух сосудов: венчик от цилиндрикоконической чаши и донце от вазы.

Могила 156 находилась к северо-западу от могилы 147. На глубине 80 см выявлена могильная яма овальной формы размером 170×150 см, глубиной 20 см, вытянутая с севера на юг. Найдены трухлявые кости погребенного и несколько обломков венчиков двух хумов.

Могила 157 обнаружена к югу от могилы 156. Овальная могильная яма размером 160×110 см, глубиной 50 см, на глубине 80 см, вытянута с запада на восток. Обнаружены лишь обломки неопределимых по форме сосудов и трухлявые кости погребенного.

Могила 158 выявлена к юго-западу от могилы 147. Овальная могильная яма на глубине 80 см, размером 160×110 см, глубиной 40 см, вытянута с севера на юг. На различной глубине встречались разрозненные кости погребенного и фрагменты керамики (донце одного горшка).

Могила 159 обнаружена к северу от могилы 148. На глубине 50 см — овальное пятно могильной ямы размером 140×110 см, глубиной 40 см, вытянутое с востока на запад. В процессе зачистки попадались трухлявые кости скелета и мелкие осколки керамики неопределимых по форме сосудов.

Могила 160 (рис. 1, IV) обнаружена к западу от могилы 151. На глубине 45 см выявлена могильная яма овальной формы, ориентированная с северо-запада на юго-восток, размером 160×100 см. При зачистке ямы на глубине 30 см выявлено 13 керамических сосудов: в северо-западном углу два горшка (1, 2) шаровидной формы, со слегка выделенным горлом, к востоку от них миска (3), за миской — два биконических горшка (4, 5) со слегка сужающимся переходом к открытому венчику, к юго-востоку от них — 3 горшка (6, 7, 8) шаровидной формы со слегка выделенным горлом. Рядом к юго-востоку от вазы 9 стояли другая разбитая ваза 10 на низких ножках и миска 11. К востоку от сосуда 10 обнаружено два горшка (12, 13) шаровидной формы. При расчистке могильной ямы скелета погребенного не было. Видно, это была кенотафная могила.

Могила 161 располагалась к югу от могилы 159. На глубине 50 см могильная яма округлой формы диаметром 110 см. При расчистке до глубины 40 см попадались трухлявые кости и мелкие обломки глиняных сосудов (два венчика от одной цилиндрикоконической чаши).

Могила 162 находилась к западу от могилы 161. На глубине 50 см выявлена могильная яма округлой формы диаметром 140 см. На глубине 40 см лежал скелет на правом боку в скорченном по-

ложении, головой на северо-запад. Кости очень плохой сохранности. Сопровождающего инвентаря не было.

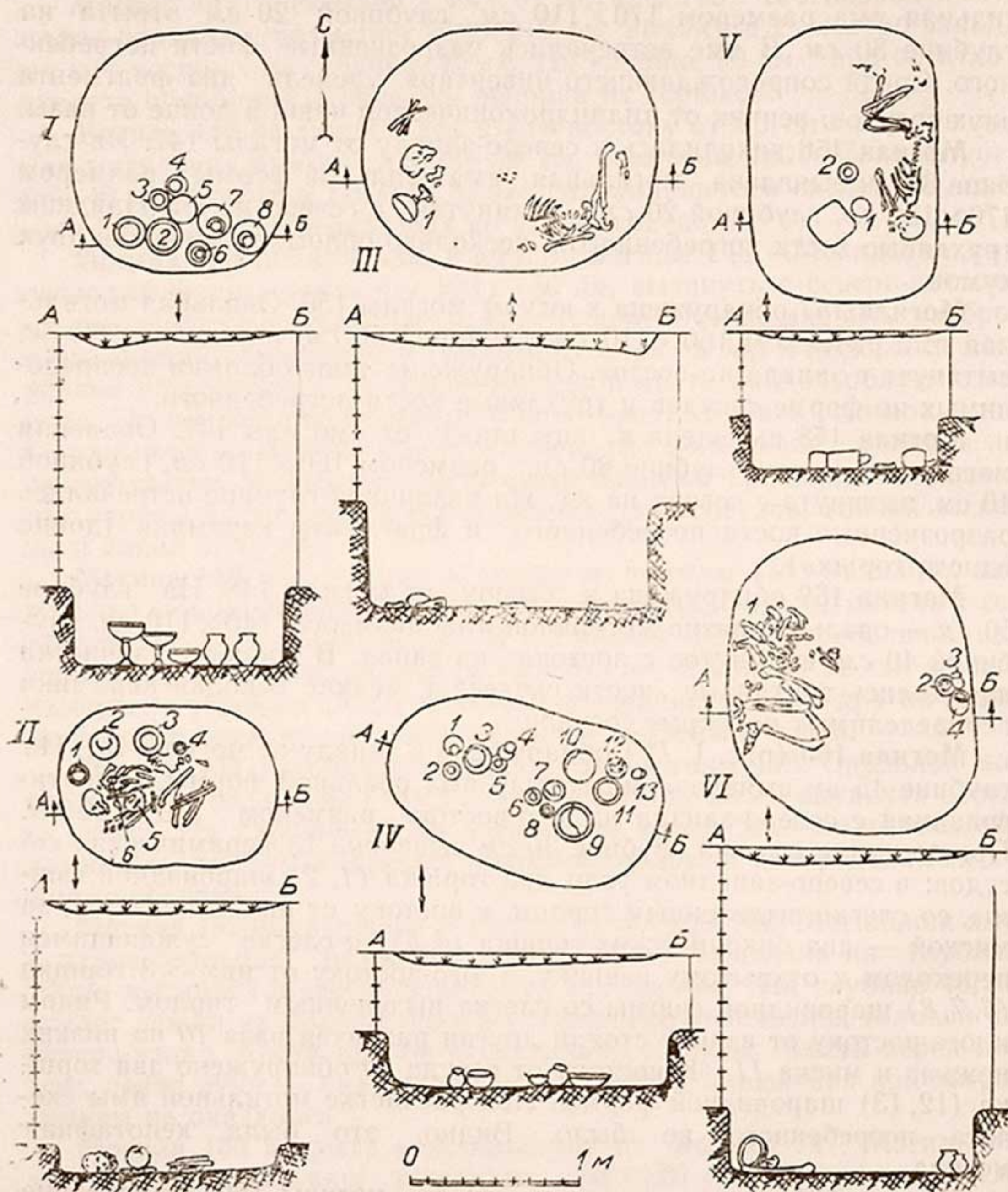

Рис. 1. Планы и разрезы могил позднего периода Джаркутана:

I—могила 202; II—203; III—206; IV—160; V—188; VI—201.

Могила 163 обнаружена к северо-западу от могилы 162. На глубине 50 см могильная яма овальной формы, размером 2:0×130 см, глубиной 60 см ориентирована с севера на юг. На дне ее лежал ске-

лет на левом боку в скорченном положении, головой на север. Кости ног при расчистке превратились в труху. Левая рука сильно согнута в локте, фаланги пальцев находились перед лицом черепа. В северо-восточном углу стояла цилиндрикоконическая чаша (1). Около тазовой кости скелета найден сероглиняный горшок (2). Под черепом — обломки от одной бронзовой серьги и две бусинки из лазурита.

Могила 164 располагалась к востоку от могилы 163. На глубине 50 см могильная яма овальной формы, размером 140×90 см, глубиной 40 см, вытянутая с севера на юг. На дне разбросаны обломки черепа, ребер и берцовые кости скелета. Сопровождающего инвентаря не было.

Могила 165 обнаружена к северо-западу от могилы 163. На глубине 50 см выявлена могильная яма округлой формы диаметром 110 см. На глубине 40 см в ней найдены кости ребенка плохой сохранности, лежавшего на левом боку в скорченном положении, головой на север. При нем маленький горшок (1).

Могила 166 находилась к северо-западу от могилы 152. На глубине 50 см овальная могильная яма, размером 140×100 см, глубиной 30 см, вытянута с севера на юг. На дне обнаружены обломки цилиндрикоконической чаши, к западу от которой еще две цилиндрикоконические чаши, надетые одна на другую. При них нашли трухлявые кости скелета.

Могила 167 располагалась к юго-западу от могилы 166. На глубине 70 см могильная яма овальной формы, размером 180×120 см, вытянута с востока на запад. Здесь на глубине 50 см обнаружены лишь один венчик от вазы и трухлявые кости скелета.

Могила 168 — к юго-востоку от могилы 160. На глубине 70 см овальная могильная яма, размером 180×100 см, глубиной 35 см, вытянута с северо-запада на юго-восток. К северу от погребальной камеры оконтурен маленький дромос, размером 80×80 см, глубиной 20 см. На дне камеры найдены три керамических сосуда и трухлявые кости погребенного, в северо-западном углу — горшок (1), в восточной части — ваза (3), к югу от нее — разбитый сфероконический горшок (2). В северо-западной части могилы, за бортом погребальной камеры, раскопаны два кувшина шаровидной формы с удлиненным горлом (4, 5), под ними найдены три бронзовые бусины, одна бусина из лазурита и обломки бронзового вотивного ножа.

Могила 169 обнаружена к северу от могилы 168. На глубине 50 см могильная яма овальной формы, размером 190×130 см, глубиной 50 см, вытянута с севера на юг. При расчистке на разных уровнях попадались трухлявые кости погребенного и обломки (два) керамики: венчик от горшка и донце от кубка.

Могила 170 раскопана к северу от могилы 169. На глубине 50 см выявлена овальная могильная яма размером 160×145 см, глубиной 45 см, вытянутая с севера на юг. При расчистке в юго-

восточной ее части обнаружены разбитый череп, донце и венчик от цилиндроконической чаши.

Могила 171 обнаружена к северу от могилы 170. На глубине 50 см могильная яма овальной формы, размером 160×140 см, глубиной 60 см, вытянута с севера на юг. На разных уровнях попадались трухлявые кости скелета, венчик от вазы и два донца от горшка и кувшина.

Могила 172 располагалась к западу от могилы 171. На глубине 50 см могильная яма овальной формы, размером 140×130 см, глубиной 30 см, вытянута с севера на юг. На разных уровнях встречались обломки костей погребенного и донца от хумчи.

Могила 173 — к северо-востоку от могилы 170. На глубине 50 см выявлена могильная яма овальной формы, размером 160×120 см, вытянута с востока на запад. На глубине 65 см при остатках скелета нашли два обломка одного хума.

Могила 174 (рис. 2, 1) обнаружена к юго-востоку от могилы 173. На глубине 50 см могильная яма овальной формы, размером 170×130 см, глубиной 60 см ориентирована с севера на юг. К западу от камеры оконтурен дромос могилы, размером 85×85 см, глубиной 35 см. На дне погребальной камеры в западной части лежал скелет на левом боку в скорченном положении, головой на север. Череп лицом обращен к востоку. В северной части ямы, у изголовья скелета, стояли кувшины (1, 2), рядом, к северо-востоку — приземистый горшок (3) репообразной формы со слегка выделенным низким горлом и сильно отогнутым краем венчика, к юго-востоку от них — кувшин (4) и горшкообразный чайник (5). Около локтевого изгиба руки скелета найден лежащий на боку горшок яйцевидной формы (6). В ушных отверстиях черепа было по бронзовой серьге. Внутри сосуда 3 обнаружен миниатюрный горшок (7).

Могила 175 — к северо-востоку от могилы 164. На глубине 50 см могильная яма овальной формы, размером 200×145 см, глубиной 45 см, вытянута с северо-запада на юго-восток. На дне могильной ямы лежал скелет на правом боку в скорченном положении, головой на северо-запад. Кости рук сильно согнуты в локтях, фаланги пальцев расположены перед лицом черепа. Сопровождающего инвентаря не было.

Могила 176 обнаружена к северо-западу от могилы 175. На глубине 50 см выявлена могильная яма округлой формы диаметром 110 см, глубиной 45 см. Юго-восточный край ее срезан во время рытья поздней могилы 175, в результате могила 176 разрушена, кости скелета и сопровождающий инвентарь разбросаны.

Могила 177 располагалась к западу от могилы 160. На глубине 100 см вскрыта овальная яма размером 150×95 см. В юго-восточной части ямы на глубине 55 см обнаружены отдельные кости погребенного: большая и малая берцовая, а также фаланги пальцев. По положению останков можно предположить, что покойник был уложен на левый бок в скорченном положении, головой на северо-

запад. В северной части ямы найдены обломок бронзового браслета и фрагменты неопределимых по форме сосудов.

Могила 178 обнаружена к югу от могилы 160. На глубине 75 см отрыта округлая могильная яма диаметром 170, глубиной 60 см. В ней находились трухлявые кости скелета, венчик и донца от двух ваз.

Могила 179 — к юго-западу от могилы 178. На глубине 75 см могильная яма овальной формы размером 130×100, глубиной 60 см вытянута с запада на восток. В северной части камеры обнаружен дромос могилы, размером 65×65, глубиной 45 см. На дне погребальной камеры обнаружены лишь трухлявые кости скелета, обломки ножки от вазы и венчик от горшка.

Могила 180 — к югу от могилы 179. На глубине 40 см могильная яма овальной формы размером 160×120 см вытянута с севера на юг. В западной части оконтурен маленький прямоугольный дромос, размером 90×70, глубиной 60 см. В камере до глубины 110 см попадались трухлявые кости погребенного. Около дромоса найден лишь банкообразный горшок со слегка сужающимся переходом к открытому венчику.

Могила 181 — к юго-западу от могилы 167. На глубине 50 см выявлена овальная могильная яма размером 170×110, глубиной 70 см, вытянутая с севера на юг. При зачистке найдены венчик от цилиндроконической банки и трухлявые кости погребенного.

Могила 182 обнаружена к юго-востоку от могилы 181. На глубине 60 см могильная яма овальной формы размером 150×100, глубиной 60 см, вытянута с востока на запад. На дне ее в середине найдено пять глиняных сосудов: в северо-западной части горшок (1) шаровидной формы со слегка выделенным горлышком, рядом, к востоку от горшка, — миска (2), к югу от них — два горшка (3, 4); в северо-восточной части — другой горшок (5) со слегка сужающимся переходом к открытому венчику.

При расчистке всей площади ямы скелета погребенного обнаружить не удалось, видимо, захоронение принадлежит к кенотафным могилам.

Могила 183 (рис. 2, III) обнаружена к северо-востоку от могилы 182. На глубине 50 см могильная яма овальной формы, размером 210×150, глубиной 100 см, вытянута с севера на юг. К востоку от камеры оконтурен прямоугольный дромос с округленными углами, размером 70×70, глубиной 45 см. В западной части камеры скелет погребенного лежал на левом боку в скорченном положении, головой на север. В южной и восточной частях очень много глиняных сосудов. В северной части, на черепе, лежал на боку кубок (1). К северо-востоку от них найдены две цилиндроконические чаши (2, 3) (одна в другой), вверх от них — два кувшина (4, 5). Около локтя скелета лежала разбитая ваза (6), под ней на лучевой кости найден бронзовый браслет. К востоку от них располагалась цилиндроконическая чаша (7), на ней — тагара (8), на последней — миска (9) и кубок (10). К западу от них найдены ваза (11) и гор-

шок (12), к югу от вазы 11—две цилиндрикоконические чаши (13, 14), к востоку от них — ваза (15), на ней—цилиндрическая чаша (16). В юго-восточной части камеры найдены кубок (17) и две вазы (18, 19), в одной на боку лежала цилиндрикоконическая чаша (20). В южной части камеры обнаружены две хумчи (21, 22). Под черепом найдено несколько бус.

Могила 184 — к западу от могилы 182. На глубине 100 см открыта могильная яма овальной формы, размером 180×120, глубиной 55 см, вытянута с северо-запада на юго-восток. На дне ее, в середине, лежал скелет на правом боку в скорченном положении, головой на запад. За черепом в западном углу стояла ваза (1), на ней — кости барана (ребра), под вазой — биконический горшок (2). Перед черепом скелета найден другой горшок (3), около тазовых костей — еще один горшок (4), за ними, в северо-восточном углу, — миска (5) и сфероконический горшок (6). Под восточным бортиком ямы, около малой берцовой кости, найден еще один горшок (7).

Могила 185 обнаружена к юго-востоку от могилы 183. На глубине 50 см вскрыта могильная яма овальной формы размером 195×145, глубиной 120 см. К востоку от камеры находился дромос могилы размером 160×65, глубиной 75 см. В южной части камеры лежал скелет на правом боку в скорченном положении, головой на запад. Кости ног и рук сильно согнуты. В целом сохранность костей скелета очень плохая, череп сильно раздавлен. Сопровождающего инвентаря не было.

Могила 186 располагалась к северо-западу от могилы 184. На глубине 100 см выявлена овальная могильная яма размером 170×145, глубиной 75 см. К юго-западу от камеры оконтурен дромос прямоугольной формы с округленными углами, размером 70×60, глубиной 60 см. В юго-западной части камеры лежал скелет на правом боку в скорченном положении, головой на северо-запад. Сопровождающий инвентарь находился в северо-восточной части в один ряд, за спиной скелета. За черепом скелета стояла ваза (1), за спиной — еще две вазы (2, 3). Под вазой 3 лежала на боку коническая чаша (4), рядом бокал (5), за тазовой костью — два кувшина (6, 7), под ключицей — маленькая пиала (8), около дромоса могилы найдена бронзовая серьга.

Могила 187 (см. рис. 2, IV) — к югу от могилы 181. На глубине 100 см открыта могильная яма овальной формы размером 210×130 см, вытянутая с севера на юг. На дне на глубине 100 см обнаружен скелет, лежащий на правом боку в скорченном положении головой на север. В юго-восточном углу ямы найдено три сосуда. За черепом стоял кувшин (1), к востоку от него другой кувшин (2) и кубок (3). За спиной скелета — еще один кувшин (4). Между бедренной костью и рукой лежал на боку вытянутый горшок (5), под ним — бедренные кости барана. Под западной стеной найден кремневый наконечник стрелы.

Могила 188 (см. рис. 1, V) — к северо-западу от могилы 180. На глубине 50 см овальная могильная яма размером 160×110, глубиной 30 см вытянута с юго-запада на северо-восток. В юго-восточной части лежал скелет на левом боку в скорченном положении, головой на юго-запад. Кости рук сильно согнуты в локтях, пальцы — около челюсти. Перед костями руки стояла миска (1), около нее — обломки сырцовых кирпичей, к северу от нее — горшок (2).

Могила 189 обнаружена к востоку от могилы 180. На глубине 80 см выявлена овальная могильная яма размером 135×110, глубиной 30 см, вытянута с северо-востока на юго-запад. В северо-западной половине ямы найдены керамические сосуды, в западной — кувшины (1, 2, 3), под северным бортиком — два горшка (4, 5) и ваза (6). Скелета погребенного не было, по-видимому, это кенотафная могила.

Могила 190 — к юго-востоку от могилы 187. На глубине 80 см могильная яма овальной формы размером 160×110, глубиной 40 см, вытянута с юго-запада на северо-восток. На дне могилы обнаружены большая и малая берцовые кости. Судя по ним, погребенный лежал на левом боку в скорченном положении, головой на запад. Около костей стопы найден горшок (1), к юго-западу от бедренной кости — два горшка (2, 3). Могила ограблена.

Могила 191 обнаружена к северо-востоку от могилы 183. На глубине 90 см выявлена могильная яма овальной формы размером 190×150, глубиной 35 см, вытянута с востока на запад. В западной ее части стояли кувшин (1) и горшок (2), севернее от него лежал биконический горшок (3), в северной части ямы — миска (4), к востоку от нее — маленький горшок (5). Над ним, упираясь ножкой, стояла ваза (6), севернее вазы — другой горшок (7). В западной части ямы найдены обломки костей руки.

Могила 192 — к северо-востоку от могилы 189. На глубине 90 см вскрыта могильная яма овальной формы размером 200×145, глубиной 130 см, вытянута с юго-востока на северо-запад (см. рис. 2, II). К северо-востоку от камеры находился дромос, размером 140×90, глубиной 110 см. В северо-западной части камеры лежал скелет на левом боку в скорченном положении, головой на северо-запад. Череп скелета лицом обращен к северо-востоку. За затылком найдена одна бронзовая шпилька. В области ушного отверстия черепа находились бронзовые серьги, перед лицом лежала бронзовая печатка с изображением орла с растянутыми крыльями. В северо-западном углу камеры обнаружены кувшин (1) и ваза (2), в западной части — коническая чаша (3), к юго-востоку от них лежали на боку ваза (4) и две конические чаши (5, 6), севернее за тазовой костью скелета — вазы (7, 8), на одной (7) стояла хумча (9), к югу от них — коническая чаша (10), к северо-востоку — две вазы (11, 14) и две цилиндроконические чаши (12, 13). Чаша 13 находилась на вазе 14. Около колен, на скелете, лежали на боку кувшин (15) и чайник (16), кубок 17 — в северо-восточном углу под стеной ямы. Во время зачистки внутри хумчи (9) нашли маленький горшок (18).

Могила 193 располагалась к северо-востоку от могилы 188. На глубине 100 см выявлена могильная яма овальной формы, размером 170×145, глубиной 40 см, вытянутая с северо-запада на юго-восток. На дне могилы найдены разрозненные кости погребенного и 5 глиняных сосудов: в северо-западном углу — ваза (1), миска (2) и два биконических горшка (3, 4), в северо-восточной части — перевернутый кувшин (5).

Могила 194 обнаружена к северу от могилы 193. На глубине 100 см вскрыты могильная яма овальной формы размером 160×80, глубиной 80 см, вытянутая с северо-запада на юго-восток. На разных глубинах встречались разрозненные кости погребенного и несколько обломков керамики одной вазы.

Могила 195 — к юго-западу от могилы 185. На глубине 100 см выявлена могильная яма овальной формы размером 180×145, глубиной 80 см. На дне найдены разбросанные кости скелета: череп, нижняя челюсть, обе большие берцовые кости, бедренные и плечевые кости скелета и венчик от вазы.

Могила 196 обнаружена к юго-западу от могилы 185. На глубине 150 см овальная могильная яма размером 170×140, глубиной 40 см вытянута с севера на юг. При расчистке сразу начали попадаться трухлявые кости скелета и обломки стенок неопределимых по форме сосудов. Среди них наиболее выразительно донце от цилиндрической чаши.

Могила 197 — к северо-востоку от могилы 188. На глубине 150 см выявлена могильная яма овальной формы размером 185×150, глубиной 70 см, вытянутая с востока на запад. В ней находились остатки плохо сохранившегося скелета, лежавшего на левом боку в скорченном положении, головой на север. При нем были многочисленные обломки керамики: донце горшка, два донца ваз и стенки хума. В юго-восточной части найдено несколько фрагментов керамики одной вазы.

Могила 198 обнаружена к западу от могилы 180. На глубине 150 см могильная яма овальной формы размером 200×130, глубиной 80 см вытянута с северо-запада на юго-восток. На разных уровнях найдены фрагменты керамики кубков, кувшинов, хума и вазы. Судя по остаткам скелета (бедренной, берцовой кости и кости руки), погребенный лежал на правом боку в скорченном положении, головой на север.

Могила 199 — к югу от могилы 198. На глубине 140 см вскрыта овальная могильная яма размером 200×137, глубиной 70 см, вытянутая с севера на юг. На разных уровнях встречались трухлявые кости погребенного и обломки керамики 5 сосудов: два венчика и донце от цилиндрической чаши, донце от кубка, нижняя часть горшка.

Могила 200 располагалась к востоку от могилы 199. На глубине 150 см овальная могильная яма размером 160×140, глубиной 65 см вытянута с юго-запада на северо-восток. В северо-западной половине могилы лежал плохо сохранившийся скелет погребенного

на правом боку, в сильно скорченном положении, головой на юго-запад. В северной части найдены обломки кубка и донце горшка.

Могила 201 (см. рис. 1, VI) обнаружена к востоку от могилы 200. На глубине 150 см выявлена могильная яма овальной формы размером 160×140, глубиной 95 см, вытянутая с северо-запада на юго-восток. На дне могилы найдены потревоженные кости погребенного. Бедренная и берцовая кости скелета лежали в анатомическом порядке, остальные были разбросаны по яме: череп — в западной части, между тазовыми и правыми костями ноги. Судя по остаткам костей, скелет лежал на левом боку в скорченном положении, головой на северо-запад. В северо-западной части могилы на позвонке находилась ваза (1), в восточной половине — три горшка (2, 3, 4).

Могила 202 (см. рис. 1, I) располагалась к востоку от могилы 192. На глубине 150 см могильная яма овальной формы размером 140×125, глубиной 45 см вытянута с северо-запада на юго-восток. В юго-западной половине стояло 8 глиняных сосудов: в юго-западном углу две вазы (1, 2), рядом, к северо-востоку, два биконических горшка (3, 4), к юго-западу — одна миска (5) и три кувшинчика (6, 7, 8). На вазе (1) лежало несколько ребер барана, под ней — кости задней ноги барана. Скелета погребенного не было. Видимо, захоронение принадлежит к кенотафным.

Могила 203 (см. рис. 1, II) — к югу от могилы 201. На глубине 140 см выявлена могильная яма овальной формы размером 130×95, глубиной 15 см. В центре ее лежал скелет на правом боку в сильно скорченном положении, головой на запад. Череп лицом обращен к югу. В северо-западном углу за черепом найдены горшок (1) и кувшин (2). Севернее, за спиной скелета, стояли вазы (3) и горшок (4). В южной части на кости руки скелета найден перевернутый биконический чайник (5), на ребре скелета — обломки донца кувшина (6) и бронзового вотивного ножа.

Могила 204 обнаружена к югу от могилы 203. На глубине 100 см могильная яма размером 155×120 см вытянута с северо-востока на юго-запад. На глубине 45 см найдено 8 глиняных сосудов. Сопровождающий инвентарь покойника занимал юго-восточную площадь ямы: 4 горшка (1, 2, 6, 8), кувшин (3), ваза (4), миска (5) и тагара (7). Скелета погребенного не нашли, что указывает на кенотафное захоронение.

Могила 205 — к западу от могилы 204. На глубине 100 см могильная яма овальной формы размером 190×125, глубиной 45 см вытянута с севера на юг. На различных глубинах найдены обломки чайника (1) и фрагменты цилиндрической чаши (2), в западной половине ямы — разбросанные берцовая и бедренная кости, а также обломки кости ребра и таза скелета. Череп сильно раздавлен.

Могила 206 (см. рис. 1, III) располагалась к юго-западу от могилы 204. На глубине 100 см вскрыта овальная яма размером 170×140, глубиной 60 см. На дне ее найдены разбросанные кости

скелета и ваза (1). Череп находился в западном углу, около него — кости руки, в юго-восточной части — кости ноги и тазовая, часть позвонков. По-видимому, скелет лежал на левом боку в скорченном положении, головой на запад. Южнее найдены две бусины, подвески из лазурита и обломки символических бронзовых ножей.

Могила 207 обнаружена к западу от могилы 204. На глубине 100 см могильная яма овальной формы размером 200×170 см вытянута с северо-запада на юго-восток. На глубине 65 см обнаружили два скелета и 11 глиняных сосудов.

Первый скелет в юго-западной части ямы на правом боку в скорченном положении, головой на северо-запад. На нем было несколько глиняных сосудов. Вторым обнаружен в юго-восточной части, чуть выше первого, лежал он в скорченном положении головой вниз, с разведенными и согнутыми в локтях руками, поджатыми ногами. Около плечевой кости первого скелета найдена бронзовая шпилька. В северо-западном углу могильной ямы на полу стоял кувшин (1), севернее скелета, за его спиной, — три сосуда, две цилиндрикоконические чаши (2, 4) и ваза (3). В южной части могильной ямы отрыли другую группу сосудов, в основном на костях первого скелета. Все они лежали на боку. Среди них небольшая хумча (7), две вазы (5, 8), цилиндрикоконическая чаша (6), кубок (10) и кувшин (9). В ногах первого скелета и под вторым скелетом поставлена цилиндрикоконическая чаша (11). На запястье правой руки под сосудами (6, 7) обнаружен бронзовый браслет.

Могила 208 вскрыта к югу от могилы 204. На глубине 100 см могильная яма овальной формы размером 170×115, глубиной 100 см вытянута с севера на юг. На разных глубинах найдено пять обломков цилиндрикоконической чаши, фрагменты ножки и венчика от двух ваз и ножки кубка. На дне ямы лежали кости ноги, часть обломков тазовой кости, несколько ребер и левая плечевая кость скелета. Судя по ним, скелет лежал на правом боку в скорченном положении, головой на север.

Могила 209 обнаружена к северо-востоку от могилы 203. На глубине 150 см могильная яма овальной формы размером 190×115, глубиной 50 см вытянута с юго-востока на северо-запад. На дне ее скелет лежал на левом боку в скорченном положении, головой на северо-запад. Под черепом нашли бронзовую шпильку и несколько бусинок из камня. Около черепа стоял кувшин (1), между бедренной костью и кистью руки — горшок (2), в юго-восточной части ямы — два обломка ножки от двух ваз (3, 4).

Могила 210 находилась между могилами 201 и 208. На глубине 170 см овальная яма размером 220×110 см вытянута с северо-востока на юго-запад. К юго-востоку от камеры вскрыт дромос могилы, размером 80×70, глубиной 45 см. В юго-западной части камеры лежал скелет на правом боку в скорченном положении, головой на север. Правая плечевая кость располагалась под боком скелета, кости левой руки выгнуты вперед с упором кисти в область живота. Сопровождающий инвентарь отрыт в северо-восточной

половине ямы. За черепом в северном углу стоял кувшин (1), к юго-западу, за спиной скелета — кубок (2) и ваза (3), к северо-востоку от них еще 5 сосудов: две цилиндрические чаши (4, 6), кубок (5), ваза (7) и кувшин (8), в юго-восточном углу — тарелка (лаган) (9).

Могила 211 обнаружена к юго-востоку от могилы 209. На глубине 140 см могильная яма овальной формы размером 200×160, глубиной 60 см вытянута с востока на запад. На дне лежали потревоженные кости скелета и 5 глиняных сосудов. Череп найден в юго-восточной части, тазовая, бедренная и берцовая кости разбросаны в восточной части. В северо-восточной части обнаружены ваза (1) и два горшка (2, 3), в западной — две вазы (4, 5), севернее — обломки лепных сосудов.

Из 69 захоронений 36 оказались ограбленными, анатомический порядок скелетов был нарушен. Лишь в 28 случаях удалось установить первоначальное положение погребенных. Женские скелеты лежали на левом, мужские на правом боку в скорченном положении с разной ориентировкой, так как здесь оказались могилы двух хронологических периодов.

Погребальный инвентарь ранней группы могил сходен с материалами поселения Сапаллитепа, поздней — поселения Тахирбай 3 Мургабской долины и могильника Молали Шурчинского района Сурхандарьинской области.

Могилы с ранним комплексом археологического материала отличаются и по стратиграфии захоронений. Так, поздние могилы зачастую разрушали могилы раннего этапа, что вполне совпадает с хронологической разновременностью и свидетельствует о длительном функционировании могильника.

По результатам раскопок, захоронения обоих этапов производились в катакомбах с небольшим дромосом. Рыхлый и песчаный грунт плохо способствовал сохранению первоначального устройства могил: своды погребальных камер осели, на их месте образовались овальные или округлые ямы. Большинство могил было разрушено во время варварского ограбления кладоискателями.

В камерах обнаружены обломки сырцовых кирпичей от входных отверстий, что свидетельствует о катакомбном устройстве могил (отверстия катакомб закладывались сырцовыми кирпичами размерами 55×23,5×10, 55×22×10 см). Из дромоса в камеру ведут ступеньки. Камеры овальной формы, ориентированы с севера на юг, северо-запада на юго-восток, иногда с северо-востока на юго-запад.

Дромос могил имеет прямоугольную форму в плане, с округленными углами, небольших размеров, расположен к востоку или западу от погребальной камеры, что характерно для захоронений раннего периода (см. рис. 2). В поздний период погребальные камеры могил в основном вытянуты с запада на восток (см. рис. 1).

К раннему этапу относятся 43 захоронения (могилы 143—146, 148—153, 155, 156, 158, 161, 163, 164, 166, 169—175, 177, 178, 180, 181, 183, 186, 187, 192, 194, 196—200, 205, 207—210), 26 — к поздне-

му — 147, 154, 157, 159, 160, 162, 165, 167, 168, 176, 179, 182, 184, 185, 188—191, 193, 195, 201—204, 206, 211). Все скелеты лежат скорченными на боку, с согнутыми в коленях ногами, кисти рук находятся перед лицом черепа или у подбородка.

Из 43 ранних могил Джаркутана в 20 удалось установить ориентировку скелетов: 10 захоронений (145, 146, 163, 174, 183, 187, 197, 198, 208, 210) — северной ориентации, 8 (152, 175, 177, 186, 192, 200, 207, 209) — северо-западной, 2 (149, 153) — северо-восточной, т. е. господствуют северная и северо-западная ориентации (см. рис. 2). В могилах обнаружены преимущественно глиняные сосуды, в некоторых сохранились остатки жертвенной или заупокойной пищи (кости мелких домашних животных).

В 4 женских могилах (174, 177, 183, 192) найдены бронзовые браслеты, шпильки, височные кольца, причем в одной (192) — еще и бронзовая печать с изображением орла. В 4 захоронениях (163, 183, 192, 209) встречены лазуритовые цилиндрические и бочонковидные бусы.

Мужские погребения (149, 187, 205) сопровождались кремневыми наконечниками стрел. В ранней группе могил встретилось лишь одно (144) детское погребение. За исключением одного (207), все захоронения в раннем Джаркутане одиночные.

Из 26 погребений позднего периода 8 оказались ограбленными, 18 сохранились нетронутыми. Сопровождающий инвентарь и кости скелетов в ограбленных могилах разбиты и разбросаны. По-видимому, кладоискатели «охотились» за металлическими предметами — основным богатством древних людей. Металлические изделия обычно находили под черепом (шпильки, серьги), около лицевой части (зеркала, печать, нож), у запястья (браслеты), в области живота (бронзовая чаша) и в области шеи (бусы) скелета.

По данным антропологов Т. К. Ходжайова и Х. Халилова, 24 могилы принадлежат взрослым мужчинам и женщинам, две (165, 176) детские.

При раскопках поздней группы лишь в 8 случаях удалось определить ориентировку и положение погребенных. В 5 могилах (184, 185, 190, 203, 206) скелеты лежали головой на запад (см. рис. 1), в 1 (165) — на север, в 1 (201) — на северо-запад (см. рис. 1), в 1 (188) — к югу. Таким образом, если господствующая ориентация погребенных в раннем Джаркутане — север и северо-запад, то в позднем — запад.

В 5 могилах позднего Джаркутана (154, 159, 162, 176, 185) сопровождающего инвентаря не было, в остальных обнаружено от 1 до 13 глиняных сосудов и других предметов. В отдельных женских могилах (168, 206, 211) найдены бусы из цветных камней, в мужских погребениях — ножи, наконечники стрел и пр.

В изучении погребального ритуала важное место занимает определение костей животных и остатков пищи в сосудах. В каждом взрослом захоронении в двух—трех глиняных сосудах найдены остатки пищи. Как в ранних, так и в поздних погребениях часто встре-

чались кости мелких домашних животных, причем в качестве жертвенной или заупокойной пищи клали определенные части — лопатку, задние ноги и ребра барана.

Среди могил раннего периода не обнаружено ни одного кенотафного захоронения, среди могил позднего этапа — 5 (160, 182, 189, 202, 204). По размерам кенотафные могилы стоят на втором месте после могил взрослых и имеют овальную форму (см. рис. 1, мог. 160, 202).

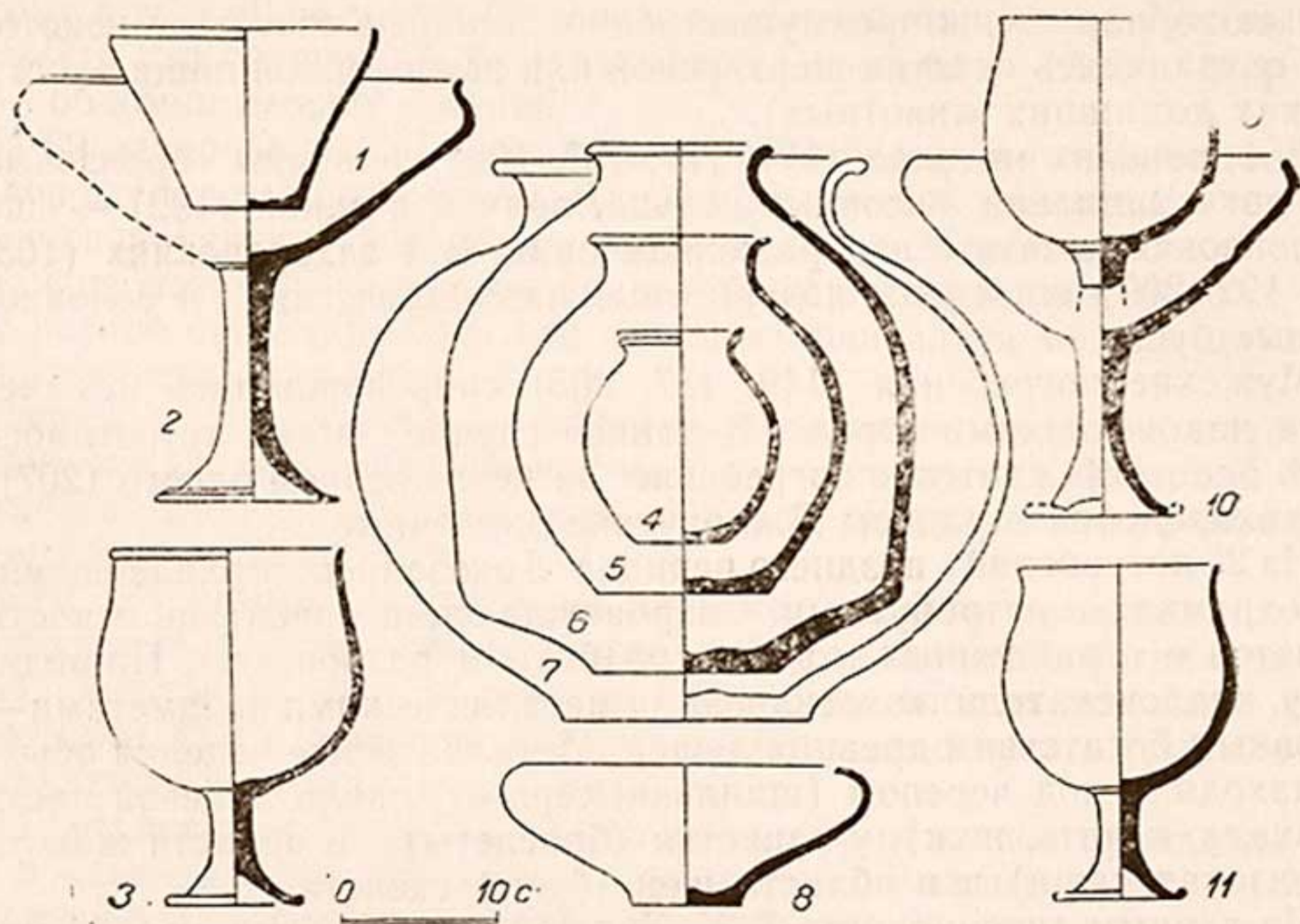

Рис. 3. Керамика раннего периода Джаркутана:

1—мог. 183, 3; 2—мог. 183, 6; 3—мог. 183, 4; 4—мог. 183, 12; 5—мог. 183, 5; 6—мог. 183, 7; 7—мог. 183, 22; 8—мог. 183, 9; 9—мог. 183, 1; 10—мог. 183, 19; 11—мог. 183, 10.

Характеризуя погребальный обряд могильника Джаркутан IV «а», надо отметить, что кенотафные захоронения не были ограблены (см. рис. 1, I, IV). В них найдено от 2 до 13 глиняных сосудов. Удалось установить, что обряд захоронения и устройство могильника раннего и позднего этапов одинаковы, существенное различие прослеживается в ориентировке погребенных.

Хронологическая разновременность могил Джаркутана четко видна при анализе вещевого инвентаря. Основную часть погребального инвентаря ранней группы составляет керамика, которая служит отправным пунктом при установлении хронологии и культурных связей изучаемых памятников.

В 43 могилах раннего этапа обнаружено более 145 сосудов разной степени сохранности, изготовленных главным образом на гончарном круге быстрого вращения.

Сосуды изготовлены из глины хорошего качества, равномерно обожжены. Поверхность большинства их покрыта зеленовато-белым ангобом без наружных украшений. Особенно много ваз (39 экз.) Среди них преобладают вазы с глубокой чашей, имеющей вогнутые края и сравнительно низкую массивную ножку (рис. 3, 10; рис. 4, 6), что характерно для керамики поселения Сапаллитепа⁵. Аналогичные вазы встречаются в комплексе Дашли I в Северном Афганистане⁶. Другой вариант — вазы с высокой сравнительно тонкой, гофри-

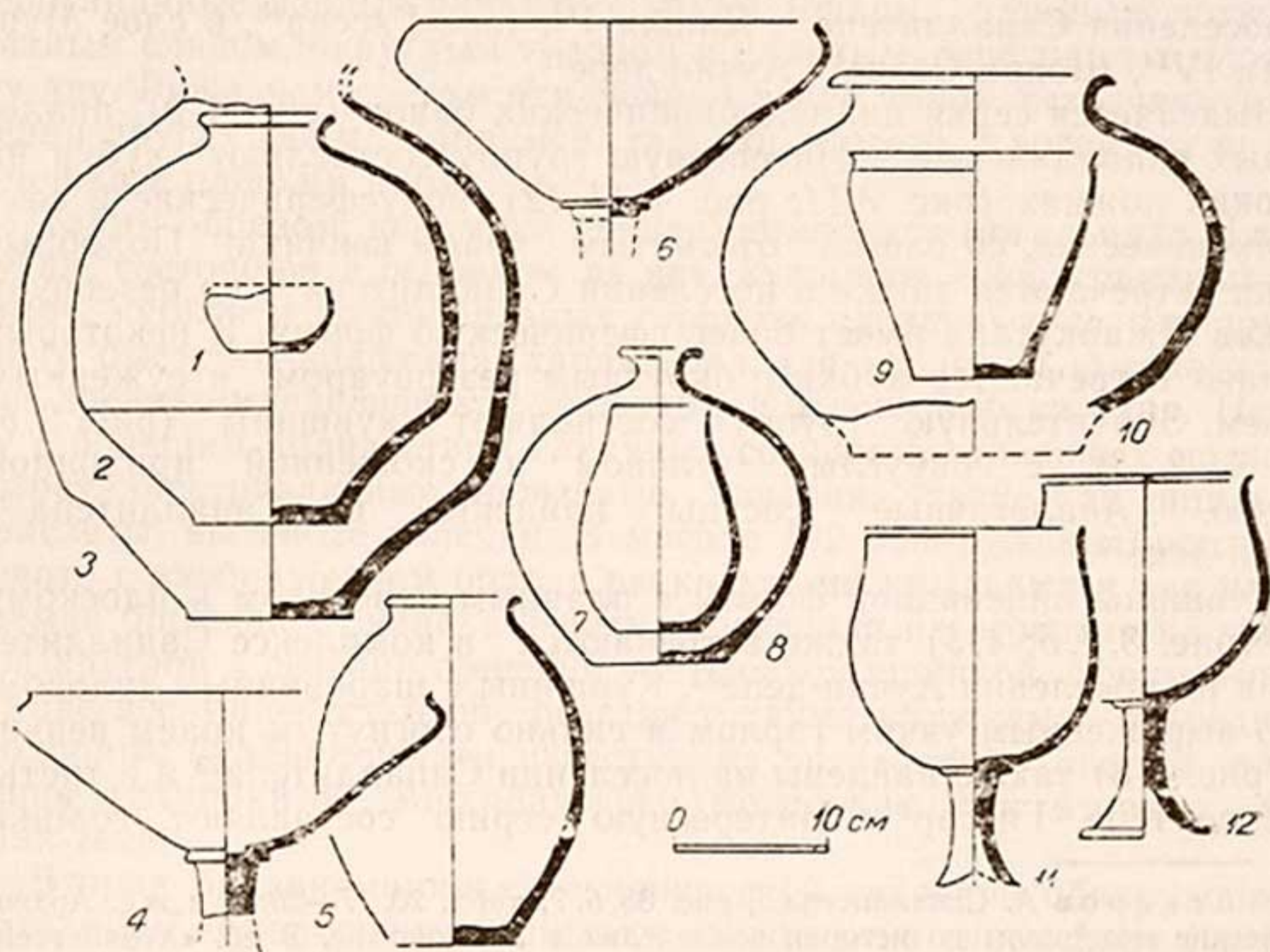

Рис. 4. Керамика раннего периода Джаркутана:

1—мог. 186, 8; 2—мог. 187, 2; 3—мог. 187, 4; 4—мог. 186, 2; 5—мог. 186, 13; 6—мог. 186, 3; 7—мог. 187, 5; 8—мог. 187, 1; 9—мог. 186, 4; 10—мог. 183, 21; 11—мог. 187, 3; 12—мог. 186, 5.

рованной ножкой и неглубокой чашей с утончающимися отогнутыми краями (рис. 3, 2; рис. 4, 4). Подобные вазы встречаются в поселении Сапаллитепа⁷, а также в памятниках культуры раннего Намазга VI в Туркмении⁸ и Дашли I в Северном Афганистане⁹. Единственное различие их в том, что в раннем Джаркутане они становятся

⁵ Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973, табл. 15, 1, 6, 7, 8, 9; табл. 17, 6.

⁶ Сарияниди В. И. Бактрия в эпоху бронзы. СА, 1974, № 4, с. 45—71. рис. 1, 2; 10.

⁷ Аскарлов А. Сапаллитепа..., табл. 15, 2, 3, 4; табл. 16, 1, 6, 8; табл. 17, 10, 13.

⁸ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, М.—Л., 1959, табл. 11, 5, с. 170.

⁹ Сарияниди В. И. Бактрия в эпоху бронзы..., рис. 1, 1, 3.

более стройными, с довольно высокой ножкой и более открытой чашей. Значительную серию раннего Джаркутана составляют конусовидные сосуды, по форме делящиеся на несколько вариантов (рис. 3, 1; 4, 9). Обнаружены глубокие массивные конусовидные сосуды, характерные для Джаркутана. Аналогичные сосуды, но более крупных размеров известны в поселении Сапаллитепа¹⁰.

Среди конусовидных сосудов часто встречаются глубокие конические чаши (рис. 3, 1; 4, 9), имеющие близкие параллели в керамике поселения Сапаллитепа¹¹, Дашли I¹², тепе Гассар¹³, в слое Мундигак IV¹⁴, Шохри Сохте¹⁵, Аучин-депе¹⁶.

Выделяется серия цилиндроконических банок (рис. 4, 9), аналогичных сапаллинским¹⁷. Интересную группу составляют кубки на высоких ножках (рис. 3, 11; рис. 4, 11, 12), полусферические и сферобиконические, со слегка отогнутым краем венчика. Подобные кубки встречаются также в поселении Сапаллитепа¹⁸, но резервуар кубков Джаркутана имеет более сферическую форму. В некоторых случаях встречаются кубки с округлым резервуаром и суженным устьем. Значительную группу составляют кувшины (рис. 3, 6; рис. 4, 2, 3) с округлым туловом и скошенной придонной частью. Аналогичные сосуды найдены в Сапаллитепа¹⁹, Аучин-депе²⁰.

Кувшины яйцевидной формы с плавным переходом к плоскому дну (рис. 3, 4, 5; 4, 5) также встречаются в комплексе Сапаллитепа²¹ и на поселении Аучин-депе²². Кувшины с шаровидным туловом, ярко выраженным узким горлом и сильно отогнутым краем венчика (рис. 4, 8) также найдены на поселении Сапаллитепа²³ и в третьем слое тепе Гиссар²⁴. Интересную серию составляют горшки

¹⁰ Аскар ов А. Сапаллитепа..., рис. 33, 6, 7; табл. 20, 17—20; Он же. Археологические материалы по истории земледелия в Узбекистане. В сб. «Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана», М., 1975, с. 95—101, рис. 1.

¹¹ Аскар ов А. Сапаллитепа..., табл. 20, 3—11.

¹² Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий, СА, 1971, № 4, рис. 4а.

¹³ Schmidt E. F. Excavations of Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, pl. XXXVIII. Н. 5149; pl. XLII. Н. 2841, Н. 2840.

¹⁴ Casal G. M. Fouillis de Mundigak. Paris, 1961, fig. 48; fig 82, 293.

¹⁵ Tosi M. Excavations of Shahr-i Sokhta. a Chalcaethic Settlement in the Iranion Sistan, Preliminary Report on the first campaign, October-December, 1967, fig. 19, a, d, g, i; fig. 20, a, d.

¹⁶ Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., табл. II, 2.

¹⁷ Аскар ов А. Сапаллитепа..., табл. 23, 1, 4.

¹⁸ Там же, табл. 15, 5; табл. 16, 2, 3, 5, 9, 10, 12, 13.

¹⁹ Там же, табл. 14, 8.

²⁰ Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., табл. 11, 8.

²¹ Аскар ов А. Сапаллитепа..., табл. 17, 18, 19.

²² Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., табл. 11, 3.

²³ Аскар ов А. Сапаллитепа..., табл. 18, 1, 12, 13.

²⁴ Schmidt E. F. Excavations of Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, pl. CXIII, Н. 1000.

(рис. 4, 7), близкие по форме к горшкам с поселения Дашли I²⁵ и Сапаллитепа²⁶. Встречается горшкообразная хумча с отогнутым, крючкообразным венчиком, раздутым туловом и плавным переходом к плоскому дну (рис. 3, 7; 4, 10), имеющая прямые аналогии в материалах поселения Сапаллитепа²⁷ и дашлинского комплекса Северного Афганистана²⁸.

Чайники раннего Джаркутана — со слегка выделенным горлом и клювовидным коротким желобчатым носиком, с округлым туловом и плавным переходом к плоскому дну. Среди них встречаются сероглиняные лепные чайники с узким горлом, длинным лоткообразным сливом, округлым туловом и плавным переходом к плоскому дну. Реже, чем сосуды отмеченных выше типов, встречаются изделия других форм. Например, тарелки (лаган) с вогнутым краем венчика и плоским дном.

Таким образом, керамика раннего комплекса могильника Джаркутан, состоящая в основном из ваз, кувшинов, конусовидных сосудов, кубков и разнообразных горшков, сделанных на гончарном круге быстрого вращения, характерна для керамики высокоразвитой древнеземледельческой культуры Южного Узбекистана. Наряду с большим количеством глиняных сосудов в отдельных могилах встречались различные бронзовые изделия, такие как шпильки, браслеты, височные колечки. В могиле 192 обнаружены бронзовая печать с изображением орла с раскинутыми крыльями и так называемая бронзовая булавка-печать. Последняя изготовлена из длинной круглой в сечении проволоки с плоской шляпкой, оформленной в виде восьмилепестковой розетки с двумя кружками посередине. Подобные булавки-печати известны из погребений Сапалли, поселения Тахирбай 3²⁹, Ашхабадского могильника³⁰ и второго слоя Шах-тепе³¹.

Вторая булавка-шпилька с конической головкой обнаружена в могиле 207. Аналогичные шпильки известны из слоев Анау I и II³² и поселений Алтын-депе³³, Тахирбай 3³⁴, многих памятников Древнего Востока, датируемых временем с энеолита до поздней бронзы³⁵. Среди бронзовых украшений из раннего комплекса могильника Джаркутан часто встречаются височные колечки из круглой проволоки с несомкнутыми концами. Они находят широкую анало-

²⁵ Кругликова И. Т., Сарниди В. И. Древняя Бактрия... СА, 1971, № 4, рис. 4, 8; Сарниди В. И. Бактрия в эпоху бронзы. СА, 1974, № 4, с. 49—71, рис. 7, VII, 4.

²⁶ Аскарлов А. Указ. соч., рис. 33, IV, 4, 5, 6.

²⁷ Там же, табл. 19, 6; рис. 33, VI, 1—2.

²⁸ Сарниди В. И. Указ. соч., рис. 8, II, 4.

²⁹ Массон В. М. Указ. соч., табл. XIV, 2.

³⁰ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии, САИ, вып. В 4—9, М., 1966, с. 83, табл. XVI, 9.

³¹ Агне Т. Excavations of Shoh Tepe. Stockholm, 1945, fig. 608.

³² Кузьмина Е. Е. Указ. соч., табл. XVI, 6, 36, 37, 38, 46, 47.

³³ Там же, табл. XVI, 39.

³⁴ Массон В. М. Указ. соч., табл. XIV, 1.

³⁵ Аскарлов А. Сапаллитепа..., с. 111.

тию в памятниках эпохи бронзы Средней Азии³⁶ и в комплексе тепе Гиссар II и III³⁷, Библе в Ливане³⁸ и в Талыше в Иране³⁹.

В могилах 177, 183, 207 были обнаружены бронзовые браслеты с несомкнутыми концами, круглые в сечении. Они широко известны в древнеземледельческих памятниках Средней Азии⁴⁰. Браслет из могилы 183 был орнаментирован спиралевидными насечками. Два обломка подобных браслетов известны на поселениях Сапаллитепа⁴¹, Библе в Ливане⁴² и в тепе Сиалк в Иране⁴³.

Уникальна среди находок металлических изделий круглая бронзовая печать из могилы 192. На лицевой стороне печати — рельефное изображение орла с развернутыми в стороны крыльями. Две извивающиеся змеи на концах крыльев придают композиции законченность. На обратной стороне — петелька со сквозным отверстием на основании для подвешивания. Печать с изображением орла с раскинутыми крыльями, изготовленная из мергелистого известняка, найдена на поселении Сапаллитепа. Подобные печати и стиль их изготовления находят аналогии во многих памятниках древнеземледельческих племен южных районов Узбекистана, подгорной полосы Южного Туркменистана и северо-восточных районов Иранского Харасана первой половины II тыс. до н. э.⁴⁴

Подводя итоги типологического анализа бронзовых изделий из раннего комплекса могильника Джаркутан, можно констатировать, что традиция изготовления металлических изделий очень ранняя. Она встречается в памятниках Древнего Востока начиная с эпохи энеолита (Анау I и II) до позднего бронзового века.

В 4 могилах раннего комплекса могильника Джаркутан (163, 183, 192, 209) обнаружены каменные бусы из лазурита цилиндрической и бочонковидной формы, известные во многих памятниках эпохи бронзы.

В коллекции материалов выделены три каменных наконечника стрел, обнаруженных в могилах 149, 187, 205, из высококачественного камня. Один из них имеет листовидную форму со слабовыделенным черешком. С обеих сторон наконечник оформлен тщательной отжимной ретушью. Второй наконечник — подтреугольной формы с ярко выделенным черешком, также с обеих сторон оформлен отжимной ретушью. Третий наконечник ромбической формы, черешок его слегка выделен и утолщен. Обработка его, как и в пер-

³⁶ Там же, табл. 26, 2, 3; табл. 32, 5.

³⁷ Schmidt E. F. Excavations of Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, pl. CV, H. 1175; pl. XXII, 1021, H. 765, H. 401, H. 784.

³⁸ Schoeffler F. A. Stratigraphie Camparee et Chronologie de l'Asie Occidentale (III et II mje), London, 1948, fig. 59 e.

³⁹ Там же, fig. 232, 14, 17, 18; fig. 237, 6, 7.

⁴⁰ Аскарлов А. Сапаллитепа..., табл. 25, 8—12.

⁴¹ Там же, табл. 26, 8, 18.

⁴² Schoeffler F. A. Указ. соч., fig. 63, e.

⁴³ Там же, fig. 254, 3.

⁴⁴ Аскарлов А. Указ. соч., с. 109, 110.

вых двух, тщательная, двусторонняя. Наконечники листовидной и ромбической формы находят аналогии в слоях Шахри-Сохта⁴⁵. Кремневые наконечники стрел листовидной и подтреугольной формы с небольшим черешком в основании известны в третьем слое тепе Гиссар⁴⁶ и в Мургабском оазисе датируются временем Намазга VI⁴⁷, в раннем Тулхарском могильнике Таджикистана⁴⁸. В на-

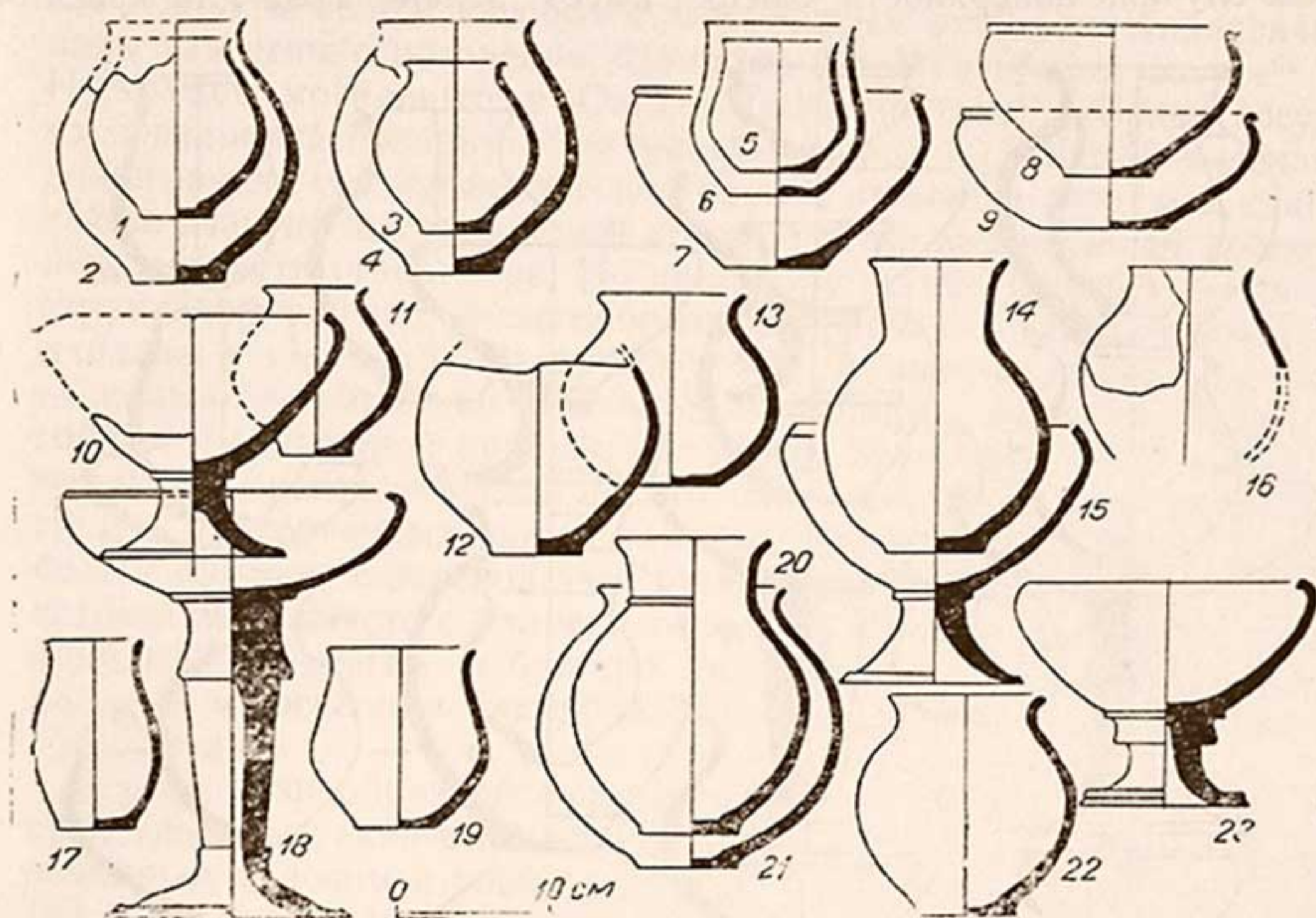

Рис. 5. Керамика позднего периода Джаркутана:

1—мог. 160, 6; 2—мог. 160, 7; 3—мог. 160, 8; 4—мог. 160, 12; 5—мог. 160, 5; 6—мог. 160, 4
7—мог. 160, 9; 8—мог. 160, 11; 9—мог. 160, 12; 10—мог. 160, 10; 11—мог. 160, 1; 12—мог. 160, 13
13—мог. 160, 2; 14—мог. 168, 4; 15—мог. 168, 3; 16—мог. 168, 2; 17—мог. 201, 3; 18—мог. 261, 1
19—мог. 201, 4; 20—мог. 168, 3; 21—мог. 168, 1; 22—мог. 201, 2; 23—мог. 206.

стоящее время хорошо разработана абсолютная хронология этих памятников В. М. Массоном⁴⁹ и А. А. Аскарковым⁵⁰. Основываясь на типологических сопоставлениях археологических материалов, ранний комплекс могильника Джаркутан можно датировать XV—XIV вв. до н. э.

⁴⁵ Tosi M. Указ. соч., fig. 22, 8; fig. 23, 1—14; fig. 24, 1—16; fig. 25, 1—16.

⁴⁶ Schmidt E. F. Указ. соч., pl. CXLIII, N. 725, N. 721, N. 724, N. 722, N. 726.

⁴⁷ Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., табл. XIII, 7, 8, 10, 11, 12.

⁴⁸ Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане, МИА, вып. 145, Л., 1968, табл. IX, 2, 3.

⁴⁹ Массон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. ЮТАКЭ, т. VII, с. 323.

⁵⁰ Аскарков А. Указ. соч..., с. 101—118.

Самый массовый погребальный инвентарь могил позднего Джаркутана — также керамика. Он состоит исключительно из парадно-столовой посуды, изготовленной из глины хорошего качества на гончарном круге быстрого вращения. Обжиг сосудов высокий, качественный, равномерный, черепок в изломе кирпичного цвета. Снаружи большая часть сосудов покрыта белым ангобом, в отдельных случаях поверхность черепка имеет зеленоватый или красно-

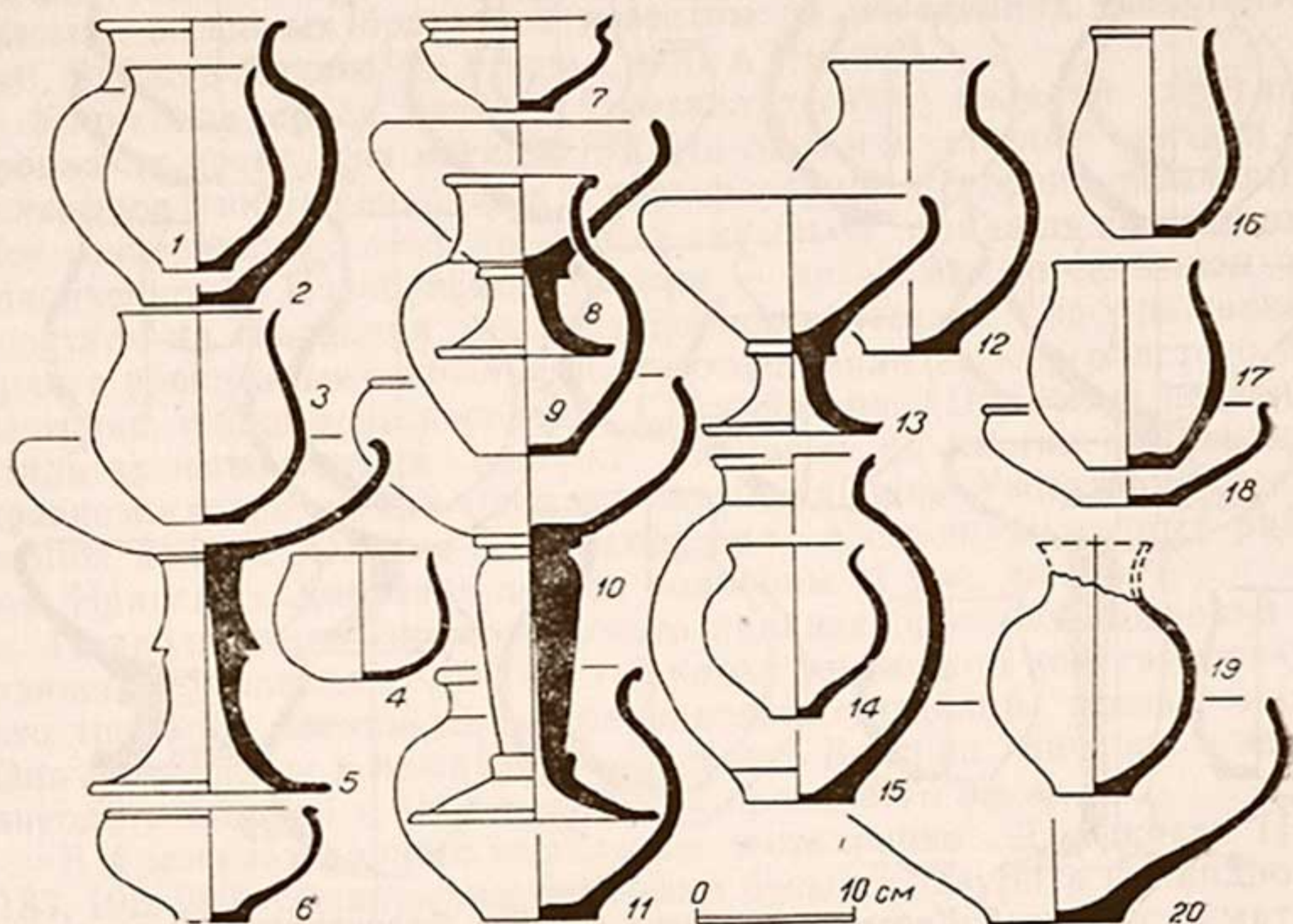

Рис. 6. Керамика позднего периода Джаркутана:

1—мог. 202, 3; 2—мог. 202, 8; 3—мог. 202, 4; 4—мог. 184, 4; 5—мог. 202, 2; 6—мог. 202, 5;
7—мог. 204, 5; 8—мог. 204, 8; 9—мог. 202, 8; 10—мог. 202, 1; 11—мог. 202, 7; 12—мог. 204, 2;
13—мог. 204, 4; 14—мог. 204, 6; 15—мог. 204, 7; 16—мог. 189, 5; 17—мог. 189, 2; 18—мог. 189, 1;
19—мог. 204, 8; 20—мог. 204, 7.

ватый оттенок. При раскопках 26 могил поздней группы найдено 100 самых разнообразных сосудов (рис. 5, 6). Наиболее интересную серию составляют вазы (21 экз.) нескольких вариантов. Широко представлены вазы на высокой балясинообразной ножке, с загнутым вовнутрь под острым углом краем венчика. Поверхность их сплошь покрыта белым ангобом (рис. 5, 18). Вазы с балясинообразной ножкой встречаются на поселении Тахирбай 3 в Мургабском оазисе Туркмении и датируются поздним этапом эпохи бронзы⁵¹.

Выделяется также ваза на высокой массивной ножке с мискообразной глубокой чашей и небольшим желобчатым открытым венчиком. Ножка перевернутая, балясинообразная, с круглым плос-

⁵¹ М а с с о н В. М. Древнеземледельческая культура..., табл. VII, 10.

ким основанием и профилированным перехватом (рис. 6, 10). Другой вариант ваз—с низкой профилированной ножкой и глубокой полусферической чашей с овально загнутым вовнутрь краем (рис. 5, 10; 6, 8, 13). На поверхности ствола ножки выступает кольцевой валик. У некоторых ваз по краю основания ножки есть небольшой узкий бортик (рис. 5, 23). Часть ваз красновато-розового цвета, другие покрыты белым ангобом с зеленоватым оттенком. Аналогичные вазы известны с поселения Тахирбай 3 в Мургабском оазисе⁵² и в Нурекском могильнике в Южном Таджикистане⁵³. Среди сосудов из могильника Джаркутан встречаются вазы на высокой массивной полый ножке с полусферической чашей, имеющей вогнутый край, а также вазы на высокой полый ножке с четко выраженным ребром в нижней части резервуара. По широкому отгибу венчика тупым инструментом нанесен зигзагообразный орнамент. Аналогичные вазы найдены в поселении Тахирбай 3⁵⁴. В Джаркутане обнаружено и несколько экземпляров кувшинов с высоким широким отогнутым горлом и скошенной придонной частью. Туловище у них вытянуто-овальной, иногда округлой формы. На плечиках многих из них две группы прочерченных горизонтальных линий. Все кувшины покрыты белым ангобом с зеленоватым оттенком. Интересно, что кувшины встречаются вместе с балясинообразной вазой и горшками на поддоне, причем всегда в богатых могилах. Аналогичные кувшины найдены в поселении Тахирбай 3⁵⁵ и могильнике Молали⁵⁶ на юге Узбекистана.

Среди разнообразной формы керамики позднего Джаркутана представлены также кувшины с широким невысоким горлом, шаровидным туловом и узким плоским поддоном (рис. 6, 2, 9, 11, 15, 19). Край у этих кувшинов сильно отогнут, часто заострен, иногда с утолщенным овальным краем венчика.

Встречаются также вытянутые кувшины с ярко выраженным широким горлом (рис. 5, 14; 6, 12), отогнутым полуовальным венчиком. Черепок покрыт зеленовато-светлым ангобом.

Интересную группу сосудов позднего комплекса Джаркутана составляют миски (12 экз.) нескольких вариантов. Одни имеют широко открытое устье и небольшое плоское дно, между плечиком и округлым венчиком узкий желобок (рис. 6, 6). Другие — со сфероконическим и коническим туловом и слегка выделенным венчиком, край которого уплощен (рис. 6, 7). Третьи — с ярко выраженным плечиком и вогнутым краем венчика. Переход от тулова к невысокому поддону придает им довольно изящную форму (рис.

⁵² Там же, табл. VII, 1.

⁵³ Пьянкова А. Т. Нурекский могильник эпохи бронзы. АО, М., 1968, с. 542—543.

⁵⁴ Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., табл. IX, 3.

⁵⁵ Там же, табл. VI, 1, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 11, 14.

⁵⁶ Беляева Г. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде. В сб. «Из истории античной культуры Узбекистана», Ташкент, 1973, с. 35—52, рис. 11.

б, 20). Все миски находят аналогии в раннем Тулхарском могильнике в Южном Таджикистане⁵⁷, в материалах Молали, а также Тахирбая⁵⁸. Одна миска последнего варианта была найдена в раннем комплексе могильника Джаркутан (см. 3, 8).

Подавляющая часть керамики позднего Джаркутана — горшки разнообразных вариантов (54 экз.). Джаркутанский горшок с округлым туловом и стройной придонной частью (рис. 5, 1, 2, 3, 4, 11, 12, 16; 6, 14) ничем не отличается от горшков раннего Тулхарского могильника⁵⁹ и могильника Молали⁶⁰.

Биконические горшки (рис. 5, 5; 6, 9) и горшки с шаровидным туловом и слегка выделенным горлом (рис. 5, 13, 21) довольно часто встречаются на поселении Тахирбай 3⁶¹. В коллекции позднего комплекса Джаркутана есть единственный экземпляр горшкообразного чайника без ручки, широко представленного в поселениях Сапаллитепа⁶², Дашли I⁶³, Аучин-депе⁶⁴.

Сопоставив типологический анализ керамики позднего комплекса Джаркутана с материалами синхронных памятников целого ряда областей, мы пришли к выводу, что его можно датировать концом 3-й и 4-й четвертью II тыс. до н. э.

Раскопки могильника Джаркутан продолжаются.

⁵⁷ Мандельштам А. М. Указ. соч...., табл. XIV, 3—7.

⁵⁸ Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., табл. VII, 8.

⁵⁹ Мандельштам А. М. Указ. соч., табл. XII, 6, 7, 8; табл. XIII, 1, 2, 3, 4; табл. XIII, 1, 2.

⁶⁰ Беляева Г. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники..., рис. 8.

⁶¹ Массон В. М. Там же, табл. XIII, 5; табл. IX, 1.

⁶² Аскарлов А. Сапаллитепа..., табл. 18, 3, 5, 7.

⁶³ Кругликова И. Т., Сариниди В. И. Указ. соч..., рис. 4 «б».

⁶⁴ Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., табл. IX, 2; табл. I, 5.

Т. К. ХОДЖАЙОВ, Х. ХАЛИЛОВ

ЧЕРЕПА ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ДЖАРКУТАН И БУСТАН (РАСКОПКИ 1975 г.)

Вдоль старого русла Бустаная — дельтового протока Шерабадарьи — сосредоточена большая группа памятников эпохи бронзы. Наиболее значительные из них — поселение Джаркутан и несколько одноименных грунтовых могильников, на одном из которых несколько лет подряд ведутся интенсивные археологические раскопки, давшие большой палеоантропологический материал.

В результате стационарных раскопок на могильнике эпохи бронзы Джаркутан в течение 1974—1975 гг. вскрыто 149 погребений, охватывающих три различных исторических периода: сапаллинский, жаркутанский и молалинский¹. Хронологическая разновременность могильника Джаркутан выявляется в керамическом материале и наборе погребального инвентаря, тогда как обряд захоронения, устройство грунтовых могил и т. п. одинаковы².

Хотя 88 из 149 погребений относятся к раннему периоду, синхронному культуре Сапалли, и 61 — к позднему (жаркутанскому), антропологическое изучение их отдельно по периодам из-за малочисленности палеоантропологического материала пока не представляется возможным.

Основной целью нашей работы был ввод в научный оборот важного палеоантропологического материала, освещающего вопросы расового состава и происхождения населения Древней Бактрии эпохи бронзы.

Пригодными к исследованию из раскопок 1975 г. оказались 5 мужских, 8 женских и 1 детский череп, не считая многочисленных фрагментов разрушенных черепов. Индивидуальные размеры черепов представлены в табл. 1.

Погребение 62. Женщина старческого возраста (50—60 лет). Череп долихокраний с очень большим продольным и малым поперечным диаметрами. Свод черепа средний. Мозговая коробка эллипсоидная с широким лбом и среднеразвитым надбровьем. Лицо ортогнатное, со значительным скуловым диаметром, высокое, со средней горизонтальной профилировкой, большим носовым указате-

¹ Аскар о в А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, с. 5

² Аскар о в А. Там же, с. 57.

Индивидуальные данные черепов из Джаркутана

Признак	Мужчины					Женщины							
	погр. 71	погр. 82	погр. 93	погр. 124	погр. 142	погр. 62	погр. 67(6)	погр. 68	погр. 69(6)	погр. 75	погр. 114	погр. 115	погр. 133
	45—50 лет	30—35 лет	35—40 лет	45—50 лет	45—50 лет	50—60 лет	45—50 лет	25—30 лет	25—30 лет	35—40 лет	25—30 лет	16—18 лет	25—30 лет
1 Продольный диаметр	—	194	193?	—	—	184	196	180?	197	—	—	178	186
8 Поперечный диаметр	137	136	143?	134	—	133	129	—	145	—	—	124?	131
17 Высотный диаметр (ba—br)	135	143	—	137	—	136	135	—	134	—	137	134?	123
20 Высотный диаметр (po—br)	—	—	115	—	—	110	—	—	113	—	—	113?	109
5 Длина основания черепа	—	109	—	—	105	108?	110	—	101	—	—	92	98
9 Наименьшая ширина лба	—	95	—	—	—	96	98	90?	96	—	—	91?	95
10 Наибольшая ширина лба	—	121	—	—	—	112	115?	97?	120	—	—	110?	112
11 Ушная ширина	116	—	126	—	—	120	110?	—	118	—	—	103?	114
12 Ширина затылка	112	—	—	—	—	106	—	—	113	—	—	—	109
45 Скуловой диаметр	—	132	130?	136?	138?	130?	128?	—	125	—	123	118?	121
40 Длина основания лица	—	98	—	—	100	94?	99	—	92	—	—	86	94
47 Полная высота лица	—	125	—	—	—	110	123	—	117	—	—	104	111
48 Верхняя высота лица	75	75	75?	73	67	73?	76	—	67	71	71	60	70
43 Верхняя ширина лица	—	107	—	—	—	112	104	—	103	104?	—	91?	101
46 Средняя ширина лица	—	98	—	—	—	96?	98?	—	—	92?	—	—	90
55 Высота носа	52	55	—	51	46	53	54	—	49	—	48	44	51
54 Ширина носа	25	26?	—	25	27	29	27	—	24	—	22	—	24
51a Ширина орбиты от d	46	40	—	—	39	43	42	—	39	41	35	—	38
51 Ширина орбиты от mf	—	44	—	—	43	45	44	—	42	43	38	—	42
52 Высота орбиты	—	35	37	—	31	35	33	—	35	32пр.	33	—	36
77 Назомалярный угол < Zm' Зигомаксиллярный угол	—	136	—	—	130	141	129	—	135	131	—	—	136
ДС Дакриальная хорда	—	133	—	—	—	—	118	—	—	118	—	—	119
ДС Дакриальная высота	—	20	—	—	28	—	21	—	19	18	20	19	22
SC Симотическая хорда	—	13	—	—	12	—	14	—	8	13	11	10	13
SS Симотическая высота	—	7	—	8	8	10	9	—	10	10	9	7	9
	—	5	—	6	3	6	4,5	—	4	6	5	3	5

—Глубина клыковой ямки, мм	2,5	3,5	—	—	3,5	4,0	4,0	—	4,1	—	—	—	4,2
32 Угол профиля лба (n—m)	—	86	—	—	—	79	80	—	88	—	88	—	86
—Угол профиля лба (g1—m)	—	73	—	—	—	75	74	—	83	—	85	—	79
72 Общий угол лица	—	89	—	—	—	85?	90	—	88	—	85	—	86
73 Угол средней части лица	—	89	—	—	—	88	88	—	89	—	87	—	89
74 Угол альвеолярной части лица	—	83	—	—	—	—	84	—	78	—	79	—	73
75 Угол носовых костей к горизонтали	—	54	—	—	—	54	58	—	53	—	52	—	52
75(1) Угол носовых костей к линии профиля	—	35	—	32	20	31	32	—	35	32	33	29	34
Форма черепной коробки	Овоид	Эллипс	Пент	—	—	Эллипс	Овоид	Овоид	Эллипс	—	—	Овоид	Овоид
Надпереносье (1—6)	5	4	—	5	3	3	3	4	2	4	2	—	2
Надбровные дуги (1—3)	2	3	—	3	2	2	2	2	1	2	2	2	2
Нижний край грушевидного отв.	F. pr.	Ant.	—	Ant.	Sul. pr.	Ant.	F. pr.	—	Ant.	F. pr.	—	Ant.	Ant.
—Переднениосовая ость (1—5)	4	—	—	4	—	—	3	—	—	—	—	—	5
Наружный затылочный бу- гор (0—5)	1	—	4	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	3	2	2	—	2	2	2	—	1	—	—	1	2
У к а з а т е л и:													
8:1 Черепной	—	70,1	73,3	—	—	72,3	65,8?	—	73,6	—	—	69,6	70,3
17:1 Высотно-продольный	—	73,7	—	—	—	72,3	68,4	—	68,2	—	—	81,4	66,0
17:8 Высотно-поперечный	98,5	105,1	—	102,2	—	102,2	104,6	—	92,4	—	—	108,0	93,9
20:1 Высотно-продольный	—	—	59,6?	—	—	59,8	—	—	57,3	—	—	93,5?	58,6
20:8 Высотно-поперечный	—	—	80,4?	—	—	82,7	—	—	77,9	—	—	91,1?	83,1
9:10 Лобный	—	78,5	—	—	—	85,7	84,4?	98,7?	80,0	—	—	91,0	84,8
48:45 Верхнелицевой	—	56,7	57,7	53,6	48,6?	56,1?	61,8?	—	53,6	—	57,7	50,0	57,8
47:45 Лицевой	—	94,7	—	—	—	84,6?	96,1	—	93,5	—	—	80,0	91,7
48:17 Вертикальный кранио- фациальный	55,5	52,4	—	56,3	53,7	54,9	56,6	—	50,1	—	51,8	44,8	56,9
40:5 Выступания лица	—	89,2	—	—	95,2	87,0?	90,0	—	91,2	—	—	93,4	95,9
54:55 Носовой	48,0	47,2?	—	49,0	58,7	54,5?	50,0	—	49,0	—	45,9	—	47,4
52:51 Орбитный (mf)	—	79,5	—	—	72,1	77,8	75,0	—	83,3	74,4	86,8	—	85,7
55:S1a Орбитный (d)	—	87,5	—	—	79,5	81,4	78,0	—	89,7	78,0	94,3	—	94,7
S2:ДС Дакриальный	—	65,0	—	—	66,7	—	66,7	—	42,1	72,2	55,0	52,6	59,1
ДС:SC Симотический	—	71,4	—	75,0	37,5	60,0	50,0	—	40,0	60,0	55,6	42,8	55,6

лем. Угол носовых костей большой, нижний край грушевидного отверстия заостренной формы. Орбиты широкие и высокие, по указателю мезоконхные.

Погребение 66. Подросток 9—11 лет. Лоб средненаклонный со слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Нос узкий и средневыступающий к профилю лица. Орбиты низкие (27 мм).

Погребение 67 (костяк Б). Женщина старческого возраста (46—50 лет). Череп ультрадолихокраний, с большими продольным и поперечным и средним высотным диаметрами, с широким лбом, по общей форме овоидный. Лоб средненаклонный, с выше среднего развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицевая часть лептопрозопная, очень высокая, с сильной горизонтальной профилировкой. Скуловой диаметр малый. Орбиты очень широкие и средневысокие, по указателю хамеконхные (низкие). Нос мезоринный, угол выступания сравнительно большой.

Погребение 68. Женщина молодого возраста (25—30 лет). Сохранность черепа плохая. Черепная коробка овоидная, с большим продольным диаметром. Лоб узкий, с довольно сильно развитыми надпереносьем и надбровными дугами.

Погребение 69 (костяк Б). Женщина молодого возраста (25—30 лет). Черепная коробка долихокраний, эллипсоидная, с очень большими продольным, поперечным и высотным диаметрами. Наименьший лобный диаметр очень большой. Рельеф черепа слабо развит. Лицевая часть ортогнатная, средних размеров. Горизонтальная профилировка лица, судя по назомалярному углу, сильная, глубина клыковой ямки средне развита. Нос выступает очень сильно. Глазницы очень широкие и средневысокие, по указателю гипсиконхные.

Погребение 71. Мужчина зрелого возраста (45—50 лет). Черепная коробка овоидная, узкая и высокая, с сильно выраженным рельефом. Лицевая часть высокая, со значительной горизонтальной профилировкой. Нос мезоринный. Глубина клыковой ямки малая. Нижний край грушевидного отверстия fossae praenasales.

Погребение 75. Женщина зрелого возраста (35—40 лет). Сохранность черепа плохая. Надпереносье и надбровные дуги развиты выше среднего. Лицевая часть неширокая, но высокая и сильно профилированная в горизонтальной плоскости. Глазницы очень широкие и низкие, по указателю хамеконхные. Угол выступания носа большой.

Погребение 82. Мужчина молодого возраста (30—35 лет). Череп долихокраний, крупный, с большими продольным и высотным и средним поперечным диаметрами. Мозговая коробка эллипсоидная с относительно широким лбом, по указателю эуриметопная с сильно развитым надбровьем. Лицевая часть со значительным скуловым и верхнелицевым диаметрами, по указателю лептопрозопная. Нос мезоринный, значительно выступающий, нижний край грушевидного отверстия заостренный. Орбиты очень широкие и средневысокие, по указателю мезоконхные. Назомалярный угол не-

большой (136°), зигомаксиллярный значительный (133°), что свидетельствует о некоторой уплощенности лицевого скелета в подносовой области.

Погребение 93. Мужчина зрелого возраста (35—40 лет). Череп долихокраний, пентагоноидный, крупный по абсолютным размерам, с сильно развитым рельефом. Лицо высокое и узкое, по указателю мезопрозопное, значительно профилированное в горизонтальной плоскости. Глазницы высокие.

Погребение 114. Женщина молодого возраста (25—30 лет). Свод черепа высокий. Лицо ортогнатное, среднеширокое и высокое, по указателю лептопрозоное. Визуально горизонтальная профилировка лица сильная. Нос лепторинный, значительно выступающий. Глазницы относительно высокие, неширокие.

Погребение 115. Женщина молодого возраста (16—18 лет). Черепная коробка гипердолихокраний, овоидная. Лоб средней ширины со среднеразвитым надбровьем. Лицевая часть ортогнатная, исключительно узкая и низкая, с несколько ослабленной горизонтальной профилировкой подносовой области, со значительным выступанием в верхней части. Выступание носа сильное, нижний край антропинный.

Погребение 124. Мужчина зрелого возраста (45—50 лет). Мозговая коробка узкая и высокая со значительно выраженным рельефом. Лицо средней ширины и высоты. Нос мезоринный, сильно выступающий. Нижний край грушевидного отверстия заостренный.

Погребение 138. Женщина молодого возраста (25—30 лет). Черепная коробка овоидной формы, долихокраний. Лоб среднеширокий, средненаклонный, со среднеразвитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо ортогнатное, узкое и высокое, по указателю лептопрозоное, сильно профилированное в горизонтальной плоскости. Глазницы широкие и высокие, по указателю скорее всего гипсиконхные. Нос мезоринный, сильно выступающий. Нижний край грушевидного отверстия антропинный.

Погребение 142. Мужчина зрелого возраста (45—50 лет). Свод черепа низкий, надпереносье и надбровные дуги средне развиты. Лицо ортогнатное, широкое и низкое, в горизонтальном плане сильно профилировано. Угол выступания носа к профилю лица небольшой (20°). Нос платиринный. Нижний край грушевидного отверстия *sulcus graenasales*. Глазницы широкие и низкие.

Таким образом, мужские черепа исключительно долихокраний с большим продольным, малым поперечным и средним высотным диаметрами. Наклон лба средний, надпереносье развито средне, рельеф затылочной области выражен нерезко. Лицевой скелет сильно профилированный в горизонтальной плоскости, со средним и большим верхнелицевым скуловым диаметром. Орбиты средневысокие и широкие. Нос средневысокий, узкий, по указателю мезоринный. Угол выступания носа большой. Переносье и носовые кости, судя по симотическому и дакриальному указателям, высокие.

Сравнительные данные мужских черепов

Признак	Узбекистан				Таджикистан			Туркменистан	
	Джаркутан	Сапал-литена	Заман-Баба	Дальварзин	Ранний Тулхар	Тигровая Балка I-IV	Макоши-Мор	Кара-депе	Алты-депе
1 Продольный диаметр	189,0(3)	187,7	188,5	193,0	196,0	188,2	188,2	194,8	185,5
8 Поперечный диаметр	138,6(6)	136,3	140,5	140,0	138,0	136,4	137,7	134,9	139,1
17 Высотный диаметр	134,5(6)	133,5	131,0	138,0	142,0	138,0	—	143,7	135,4
9 Наименьшая ширина лба	93,6(3)	96,9	101,0	97,0	97,8	97,2	97,0	95,2	96,8
5 Длина основания черепа	102,6(3)	103,2	101,0	104,0	114,0	110,0	113,0	107,3	98,8
40 Длина основания лица	98,0(4)	97,8	—	99,0	103,5	102,0	—	101,8	97,3
48 Верхняя высота лица	75,2(8)	71,5	76,5	70,0	77,0	68,0	72,4	72,6	68,1
45 Скуловой диаметр	131,7(7)	130,5	128,5	133,0	139,0	130,7	131,2	129,9	131,1
< Zm' Зигомаксиллярный угол	125,0(3)	122,9	134,6	129,0	127,7	125,0	122,0	126,0	125,3
77 Назомалярный угол	137,7(4)	135,6	132,3	134,0	133,6	136,2	138,7	134,2	139,1
54 Ширина носа	24,8(7)	25,2	24,2	25,0	25,4	25,0	24,8	26,6	25,5
DS Дакриальная высота	12,5(4)	15,35	—	14,1	—	12,0	—	13,44	12,50
SS Симотическая высота	4,83(6)	6,16	—	3,7	6,2	4,7	4,4	5,55	5,22
52 Высота орбиты	34,1(6)	33,6	36,5	31,0	34,0	31,0	31,6	31,8	32,2
32 Угол лба от назиона	81,3(3)	81,6	—	87,5	73,3	—	—	82,5	82,2
72 Общий угол лица	84,6(3)	85,4	—	85,5	88,0	82,0	80,0	83,9	82,1
75 (1) Угол носа	29,5(6)	34,1	—	25,0	39,6	43,0	32,0	31,4	34,7
8:1 Черепной указатель	73,5(3)	73,3	74,6	72,5	70,2	71,7	73,2	69,4	75,2
40:5 Указатель выступания лица	92,5(4)	95,0	—	95,2	90,5	(92,7)	—	94,9	98,6

Сравнительные данные женских черепов

Признак	Узбекистан				Таджикистан			Туркменистан	
	Джаркутан	Бустан	Сапалан-т.па	Дальварзин	Ранний Тулхар	Тигровая Балка I-IV	Макони-Мор	Кара-депе	Алтын-депе
1 Продольный диаметр	181,6(14)	189,0(1)	181,1	181,7	181,2	184,0	183,7	183,0	182,8
8 Поперечный диаметр	132,8(13)	134,0(1)	133,1	131,8	135,0	136,0	137,7	132,1	134,8
17 Высотный диаметр	131,9(13)	133,0(1)	128,9	131,5	131,0	129,5	130,0	134,9	133,0
9 Наименьшая ширина лба	93,4(14)	101,0(1)	93,4	94,5	97,8	93,0	91,0	92,2	94,2
5 Длина основания черепа	102,2(12)	103,0(1)	99,0	95,0	94,0	92,5	99,3	100,0	97,0
40 Длина основания лица	94,2(12)	99,0(1)	93,9	91,0	87,0	94,0	96,0	95,6	90,0
48 Верхняя высота лица	68,5(16)	76,0(1)	68,7	66,7	70,6	65,5	71,0	67,5	67,4
45 Скуловой диаметр	122,4(14)	121,0(1)	121,8	123,8	128,0	121,0	125,7	123,8	118,0
< Zm ¹ Зигомаксиллярный угол	125,4(8)	122,0(1)	121,3	125,5	128,2	127,2	124,5	126,1	120,8
77 Назомалярный угол	136,8(11)	129,0(1)	135,0	138,3	141,5	138,5	129,5	36,9	140,0
54 Ширина носа	24,9(12)	22,0(1)	34,6	24,2	23,2	24,0	24,8	24,7	24,2
DS Дакриальная высота	11,1(14)	15,0(1)	12,74	9,8	—	—	—	11,65	12,6
SS Симотическая высота	4,9(15)	5,0(1)	5,26	4,3	3,9	4,5	5,0	4,61	4,87
52 Высота орбиты	33,5(14)	37,0(1)	32,50	32,4	32,8	31,5	32,2	32,0	33,3
32 Угол лба от нагнона	86,7(13)	75,0(1)	85,2	83,2	76,0	—	—	86,6	85,4
72 Общий угол лица	85,8(12)	84,0(1)	86,4	85,3	—	83,0	86,0	81,9	86,6
75(1) Угол носа	30,4(16)	30,0(1)	32,5	29,4	30,3	30,0	37,5	25,8	34,7
8:1 Черепной указатель	72,6(13)	71,0(1)	73,5	72,6	74,5	74,0	73,8	72,2	73,5
40:5 Указатель выступания лица	91,9(12)	96,1(1)	95,5	95,8	92,0	(101,6)	(96,7)	96,6	92,9

Женские черепа в основном имеют аналогичные показатели с присущими для полового диморфизма отклонениями.

В целом серия может быть отнесена к восточной ветви средиземноморской расы. Самые близкие аналогии (табл. 2 и 3) джаркутанской серии встречаются как в самой Средней Азии (Сапалли-тепа, Миршоди, Заман-Баба, Муминабад, Макони-Мор, Тигровая Балка и др.), так и на сопредельных территориях (Северный Афганистан, Северо-Восточный Иран, Индия). М. Каппиери на большом палеоантропологическом материале среди восточных средиземноморцев выделяет 6 типов-комплексов: троянский, анатолийский, палестинский, месопотамский, иранский и индийский³. Серия из Джаркутана наиболее близка к индийскому и иранскому комплексам. Следует отметить, что люди из Джаркутана отличались сравнительно высоким ростом, по этому показателю наиболее близки населению эпохи энеолита и бронзы Южной Туркмении (Кара-депе и Геоксюр) и долины Инда. Для них характерна умеренно слабая массивность скелета при довольно большой длине трубчатых костей.

Хотелось бы подчеркнуть следующие обстоятельства. Высказанное нами ранее предположение о примеси северных европеоидов на Джаркутане по-прежнему остается в силе. Кроме того, на Джаркутане обнаружены отдельные черепа с малыми размерами мозговой коробки, заметно выраженным альвеолярным (редко общим выступанием лица) прогнатизмом, невысоким переносьем и довольно широким грушевидным отверстием. Именно этот комплекс на среднеазиатских краниологических сериях признается Т. А. Трофимовой в качестве экваториальных особенностей, позволивших ей выделить в составе населения южной акчадарьинской дельты группу с экваториальными чертами⁴. Индивидуумы с такими особенностями приурочены к раннему и позднему периодам Джаркутана.

В сезоне 1975 г. было раскопано 38 погребений подбойно-катакомбного типа на могильнике эпохи бронзы Бустан, расположенном рядом с могильником Джаркутан⁵. Материальная культура, способы захоронения и типы погребения в них не имеют резких различий, что позволяет включить могильник Бустан в число памятников культуры Сапалли. Сохранность антропологического материала исключительно плохая. Удалось извлечь один хорошо сохранившийся череп и фрагменты нескольких других костяков (см. табл. 3).

П о г р е б е н и е 9. Женщина молодого возраста (18—20 лет). Череп долихокраний, с очень большими продольным и высотным, и средним поперечным диаметрами.

Череп восточносредиземноморского типа, расовыми и морфологическими особенностями не отличается от черепов из Джаркутана.

³ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. с. 51—52.

⁴ Трофимова Т. А. Население Средней Азии в эпоху энеолита и бронзового века и его связи с Индией (по данным краниологии). Труды Московск. об-ва испытат. природы, т. XIV, М., 1964.

⁵ Аскарлов А. Указ. соч., с. 57—59.

Х. ДУКЕ

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ЗОНЕ ТУЯБУГУЗСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА В 1976 г.

В августе 1976 г. туябугузская группа Шаш-Илакского археологического отряда продолжала исследование памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа — памятников бургулюкской культуры¹.

В 1974—1975 гг. было вскрыто 29 землянок², в 1976 г. раскопано еще 12 на обоих берегах Ахангарана. На правобережье раскопали 4 землянки в объекте № 3. Все они были перекрыты более поздними отложениями. До начала раскопок на объекте было собрано более 3 тыс. фрагментов керамики и одна терка для растирания красок. Вся керамика, кроме 32 фрагментов, относящихся к раннесредневековому времени, лепная, бургулюкского типа.

Землянка № 30 находится в 20 м к восток-северо-востоку от землянки № 1. Форма прямоугольная, ориентация с запада на восток. Длина 4,6, ширина 3,05 м, глубина 60 см. Хорошо сохранились северная, восточная и большая часть южной стен. Точно определить удалось лишь толщину южной стены, которая равнялась 85 см. Эта стена, прослеженная в юго-восточной части до глубины 55—60 см, идет на запад и постепенно сходит на нет — юго-западная часть размыта водами Туябугузского водохранилища. Западная стена вместе с входом в землянку также размыта. В заполнении землянки — лёсс темно-коричневого цвета, рыхлый, сырой. В этом слое и на полу найден 21 фрагмент лепной керамики бургулюкского облика, один, сделанный на гончарном круге раннесредневекового времени; кроме керамики, найдено два фрагмента костей животных.

Землянка № 31 примыкает к землянке № 30 с юга. Размеры даются ориентировочно, так как южная и западная стены не сохранились. Примерная длина с севера на юг 4,40, ширина с запада на

¹ Работы проводились автором под руководством Ю. Ф. Бурякова, в состав отряда, кроме автора, входили лаборанты В. Аминов, Н. А. Дуке, Э. Дуке, Г. Гречкина.

² Дуке Х. К вопросу о Бургулюкской культуре. ОНУ, вып. 8, 1976, с. 48—51; Он же. Раскопки памятников Бургулюкской культуры в 1975 году. ИМКУ, вып. 13, 1976, с. 48—54; Алимов К. [и др.]. Работы в Ташкентской области. Сб. «Археологические открытия 1974 года», М., 1975, с. 495; Алимов К. [и др.]. Исследования в Ташкентской области. Сб. «Археологические открытия 1975 года», М., 1976, с. 524—525.

восток 3,5 м, глубина 55 см. Относительно хорошо сохранились северная и восточная стены. Длина последней 4,10, толщина 0,95 м. Вплотную к этой стене, вдоль нее, проходит суфа. В северной части суфа отрыта на глубине 0,25, в остальной — 0,5 м. Ширина ее в северной части 0,35, в остальной — 0,8 м. В северо-восточном углу землянки найден большой фрагмент хума (венчик и часть плечика) в перевернутом виде. Пол выявлен довольно четко. В заполнении землянки — рыхлый лёсс светло-коричневого цвета. Обнаружено 119 фрагментов керамики, большая часть (84 фрагмента) принадлежит разбитому хуму. Хум сделан на гончарном круге. Остальные фрагменты керамики лепные, бургулюкского типа. Найдено также два обломка костей животных.

В 22 м к югу от землянки № 31 при зачистке местности на глубине 15 см от дневной поверхности обнаружен бронзовый миниатюрный сосудик — сурмадон, в 2 м к северо-востоку от него — погребение. Контуры погребения выявлены на глубине 15 см. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по линии север—юг. Южная ее часть не сохранилась. Длина ямы 2 м, ширина 75, глубина 25 см. Скелет лежал на спине в вытянутом положении, головой на север, лицом к западу. Фаланги пальцев рук находились в области таза. Сохранность костей удовлетворительная, но череп раздавлен. Между ног костяка, в 10 см южнее таза, лежала кость барана — астрагал, западнее — невыразительный фрагмент венчика лепного сосуда.

Землянка № 32 расположена в 4 м к юго-востоку от землянки № 31. Форма прямоугольная, ориентация с востока на запад. Здесь сохранилась западная стена с входом, обращенным к реке, ширина входа 85 см. Все стены, кроме южной, выявлены четко, но пол не выделен. Заполнение землянки — рыхлый лёсс, темно-коричневого цвета. Длина с запада на восток 3,35, ширина 2,3 м, глубина 60 см. Около северной стены, почти посередине землянки, на полу обнаружено скопление фрагментов керамики, сделанной на гончарном круге. У входа в землянку выявлено обгоревшее пятно коричневого цвета длиной с запада на восток 65, шириной 35 см. Толщину удалось установить лишь у западной стены (52 см). Около скопления средневековой керамики, западнее, находился полуразрушенный очаг размером 55×80 см. Очаг почти овальной формы, восточная его часть округлая, западная разрушена. Большая часть керамики относится к средневековому времени, лишь несколько стенок, сделанных от руки, относятся к бургулюкской культуре. В насыпи и на полу встречаются толстые фрагменты красной обожженной глины от полуразрушенного очага.

Землянка № 33 обнаружена у самого начала всхолмления в северо-западной части объекта № 3. От нее сохранились только южная стена и северо-западный угол западной. Судя по обломкам, последняя была сооружена из сырцовых кирпичей, остальные стены размыты. Южная стена простиралась на 3,8 м. Пол землянки выявлен довольно четко. Длина ее 3,8, ширина 3,1 м, глубина 25 см.

В заполнении землянки — рыхлый лёсс темно-коричневого цвета. В заполнении и на полу найдено 36 фрагментов керамики, большая часть которых бургулюкского облика, незначительная часть относилась к раннему средневековью.

На левобережье р. Ахангаран на объектах № 1 и 1а раскопано 8 стерильных землянок (по 4 в каждом объекте), относящихся к бургулюкской культуре. Они не перекрыты, как на правобережье, более поздними наслоениями.

На объекте № 1 в 1975 г. были раскопаны землянки № 1—4³.

Землянка № 5 находится в 7 м к северо-западу от землянки № 3, в 18 м от края Ташкентского моря. По форме овальная, вытянута с юго-востока на северо-запад. Длина 3,5, ширина 2,6, глубина 0,5 м. Северо-восточная часть землянки размыта водами Ташкентского моря, вход в землянку выявить не удалось.

Грунт рыхлый, темно-коричневый, с небольшим количеством керамики и зольными пятнами. Выявлено 14 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика, среди них два венчика; кроме керамики, найдено 4 кости животных, среди них 2 крупных зуба травоядного животного.

Землянка № 6 расположена южнее землянки № 5 и имеет общую с ней стену. Форма прямоугольная, ориентация с юго-востока на северо-запад. Длина 5,4, ширина 2,3, глубина 0,4 м. Северо-восточная часть вместе с входом размыта водами Ташкентского моря. В юго-западной части землянки на полу выявлены остатки печи с золой и фрагментами обожженной до красного цвета глины. В северо-западной части сохранились остатки твердой пахсы, возможно, от небольшой суфы. В заполнении — рыхлый грунт черноватого цвета с зольными пятнами. Юго-восточная часть землянки насыщена фрагментами керамики. На одном из фрагментов есть роспись красновато-бурой краской, орнамент геометрический. Вся керамика лепная — бургулюкского облика; найдены также десятки фрагментов костей животных.

Землянка № 11 обнаружена в 20 м к юго-востоку от землянки № 3. Форма ее почти квадратная, ориентация с севера на юг. Длина 4,2, ширина 4, глубина 0,4 м. Пол неровный. Заполнена рыхлым лёссом темно-коричневого цвета. Землянка, как и другие, врыта в материковый лёсс. Восточная стена вместе с входом размыта водами Ташкентского моря. Вдоль северной стены землянки с востока на запад выявили 6 ям разного назначения, из них 3 хозяйственные.

Хозяйственная яма № 1 (восточная). Диаметр 85, глубина 25 см. Заполнена рыхлым лёссом темно-коричневого цвета, с золой и мелкими угольками. При вскрытии найдено 13 костей животных и их фрагменты; 17 фрагментов лепной керамики бургулюкского обли-

³ Дукее Х. Раскопки памятников Бургулюкской культуры в 1975 г. ИМКУ, вып. 13, 1976, с. 48—54.

ка, среди них большой венчик с закопченной наружной поверхностью и целая зернотерка (35×20×12 см).

Хозяйственная яма № 2 находится западнее ямы № 1, имеет общую с ней стену. Диаметр 1,2 м, глубина 70 см. Заполнена рыхлым темно-коричневым лёссом с включением золы и угольков. В яме найдены сломанная очажная подставка, фрагменты большой толстостенной жаровни, фрагмент зернотерки, 27 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика, 59 костей животных и их обломки.

Хозяйственная яма № 3 вырыта в 35 см к западу от ямы № 2. Диаметр 1,4, глубина 0,9 м. Заполнена мягким лёссом темно-коричневого цвета с большим количеством золы и угольков. В яме обнаружены 7 простых камней, 21 фрагмент лепной керамики бургулюкского типа, 17 костей животных и их обломки.

Яма № 4 расположена в 35—38 см к югу от хозяйственной ямы № 2. Диаметр и глубина — по 25 см. В заполнении — лёсс темно-коричневого цвета. Найдены лишь отдельные кости животных.

Яма № 5 находится в 20 см к юго-западу от ямы № 4. Диаметр 50, глубина 30 см. Заполнена рыхлым лёссом темно-коричневого цвета. Найдены лишь 2 мелкие стенки от лепного сосуда и 2 маленьких обломка костей животных.

Яма № 6 — предположительно лунница для плавки металла. Расположена в 30 см к западу от ямы № 5. Диаметр и глубина — по 15 см. Находок не было.

В 45 см к югу от ямы № 3 обнаружен очаг овальной формы, вытянутый с востока на запад. Восточная часть загнута наружу под углом. Длина с запада на восток 1,35 м, ширина с севера на юг 90, глубина 12, толщина стен 15 см. Западная часть очага заполнена большими фрагментами керамики бургулюкского облика.

Землянка № 12 расположена в 12 м к югу от землянки № 11. Сохранились западная стена полностью, небольшие части северной и южной стен. Восточная стена вместе с входом размыта водами Ташкентского моря. Землянка квадратной формы. Длина с запада на восток 3,45, ширина с севера на юг 3,4 м, глубина 18—20 см. В пределах землянки обнаружены 4 хозяйственные ямы, часть которых размыта, находок не было.

Яма № 1 находилась около края южной стены. Диаметр 80, глубина 70 см.

Яма № 2 расположена в 95 см к юго-востоку от ямы № 1. Диаметр 85, глубина 20 см.

Яма № 3 находится в 75 см к северу от ямы № 1. Диаметр 40, глубина 8 см.

Яма № 4 расположена в 1,2 м к северу от ямы № 2. Диаметр 40, глубина 10 см.

На полу землянки найдены десятки булыжников и 189 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика, среди них один расписной.

Объект 1^а находится в 28,5 м к югу от объекта № 1. Представляет собой невысокое всхолмление, которое тянется с севера на юг

на 238, с запада на восток на 37 м. До начала раскопок на поверхности объекта собрано 312 фрагментов керамики бургулюкского облика.

Землянка № 7 расположена в 80 м от южного края объекта, в 3 м от берега Ташкентского моря. Форма почти круглая. Длина 5, ширина 4 м, глубина 50 см. В северной части хорошо прослеживается вход в землянку № 10, ширина входа 75 см. К северо-западу от входа найдены остатки очага в виде скопления золы, угольков и обожженной глины. В землянке выявлено 4 хозяйственные ямы.

Хозяйственная яма № 1 — в западной части землянки. Форма округлая, длина 80, ширина 75, глубина 20 см. Заполнена рыхлым грунтом темно-коричневого цвета с зольными прослойками. Найдены 3 небольших булыжника, 12 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика и 28 обломков костей животных, небольшой фрагмент стерженька железного предмета. С учетом небольшой глубины ямы можно полагать, что он попал в нее случайно.

Хозяйственная яма № 2 расположена в 10 см к югу от хозяйственной ямы № 1. Форма округлая, диаметр 70, глубина 45 см. Заполнена рыхлым грунтом серовато-бурого цвета. В ней найдены 13 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика, 3 булыжника, 57 костей животных и их обломков, а также несколько кусков обожженной глины темно-коричневого цвета.

Хозяйственная яма № 3 — в юго-восточной части землянки. В плане почти круглой формы, длина 90, ширина 100, глубина 65 см. Грунт рыхлый, сероватого цвета. Найдено 9 булыжников, 22 фрагмента лепной керамики бургулюкского облика, 112 костей животных и их обломков.

Хозяйственная яма № 4 находится у края юго-западной части западной стены в 15 см к юго-востоку от хозяйственной ямы № 2. Форма округлая, диаметр 68, глубина 32 см. Грунт рыхлый, темно-серого цвета. Обнаружено 8 булыжников, 13 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика и 245 костей животных и их обломков.

Землянка № 10 расположена севернее землянки № 7, имеет общую с ней (южную) стену. В стене находится вход из землянки № 7. Форма почти овальная, ориентирована по линии север—юг. Длина с севера на юг 5,9, ширина с запада на восток 3,75 м, глубина 55 см. Основной вход в землянку № 10 находился с восточной стороны, со стороны Ташкентского моря. Ширина его 85 см. Удалось определить толщину лишь южной части землянки — 1,5 м.

В северо-восточной части землянки сохранились остатки какой-то печи в виде пятна из золы и сильно прокаленной до красного цвета глины. Размеры пятна с севера на юг 1,3 м, с запада на восток 90 см, глубина пятна 20 см.

Землянка заполнена рыхлым лёссом светло-коричневого цвета с вкраплениями золы и мелких угольков. Пол и стены выявлены довольно четко. Обнаружено 52 фрагмента лепной керамики бургулюкского облика (40 стенок и 12 венчиков).

Землянка № 8 расположена в 4 м к югу от землянки № 7. Форма почти овальная. Восточная стена полностью размыта водами Ташкентского моря, вход выявить не удалось. Длина землянки с севера на юг 3,3 м; сохранившаяся часть ширины землянки около 2 м, глубина 0,25 м. Грунт рыхлый светло-коричневого цвета с небольшим количеством зольных пятен. В заполнении и на полу найдено 11 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика, среди них 4 венчика и 7 обломков костей животных плохой сохранности.

В северной части землянки рядом со стеной находилась хозяйственная яма. В плане округлой формы, диаметром 1,5 м, глубиной 55 см. Грунт в яме рыхлый, темно-коричневого цвета с небольшими фрагментами обожженной до красного цвета глины от разрушенной печи. В яме обнаружено 5 фрагментов керамики (один расписной), а также 11 обломков костей животных плохой сохранности.

Землянка № 9 находится западнее землянки № 8. Восточная стена общая для землянок № 8 и 9: в ней был вход из одной землянки в другую шириной 75 см. Землянка овальной формы. Длина с севера на юг 2,6, ширина с запада на восток 1,8, глубина 0,25 м. Грунт рыхлый серовато-зеленоватого цвета. В северной части у стены сохранились остатки очага. Пол возле него обожжен до темно-коричневого цвета. В заполнении и на полу найдено 19 фрагментов лепной керамики бургулюкского облика (17 стенок и 2 венчика).

Из описания землянок видно, что подавляющее большинство найденного материала составляет керамика. Бронзовых вещей, в отличие от раскопок 1974—1975 гг., не найдено⁴.

Бургулюкская керамика подразделяется на две группы: керамика неорнаментированная (более 99%) и с расписным орнаментом (около 1%).

Ведущие формы керамики первой группы уже описаны нами⁵. Среди неописанной следует выделить жаровни округлой или овальной формы разных размеров. Одна (объект № 1, землянка № 11, хозяйственная яма № 2) довольно больших размеров — 60×40 см. Жаровни изготовлены из глины с небольшим включением крупнозернистого песка. Черепок довольно толстый, иногда достигает 10 мм толщины, венчик прямой, глубина 3—4 см. Все фрагменты сильно закопченные внутри.

К бургулюкской культуре относится и свыше 30 дисковидных крышек, часть которых снабжена дугообразными ручками. Особый интерес представляет немногочисленная расписная керамика, собранная как в культурных слоях землянок, так и вокруг них. Роспись производилась красновато-коричневой или коричневой крас-

⁴ Дукее Х. К вопросу о Бургулюкской культуре. ОНУ, вып. 8, 1976, с. 49—51; Он же. Раскопки памятников Бургулюкской культуры в 1975 году. ИМКУ, вып. 13, 1976, с. 48—54.

⁵ Дукее Х. К вопросу о Бургулюкской культуре, с. 49—50; Он же. Раскопки памятников..., с. 48—54.

кой разных оттенков по светлому, серому или красному фону. Краска на некоторых фрагментах низкого качества, легко стирается. Роспись покрывает в большинстве случаев верхнюю часть сосуда, иногда плечики и тулово. Обычно украшалась только внешняя поверхность сосуда. Ниже приводим описание основных мотивов орнамента.

1. Закрашенный сплошной заливкой треугольник, обращенный вершиной вниз.

2. Треугольники, расположенные в ряд под венчиком сосуда, обращенные вершинами вниз, просветы между ними заполнены круглыми точками или кружочками. Треугольники и кружочки закрашены сплошной заливкой.

3. Треугольники, расположенные под венчиком сосуда, обращенные вершинами вниз, заполненные овальными кружочками и ломаными линиями.

4. Закрашенные сплошной заливкой треугольники, расположенные под венчиком сосуда, обращены вершинами вверх.

5. Закрашенные сплошной заливкой треугольники обращены вершинами друг к другу.

6. Широкая сетка расположена наклонно по венчику, горловине и тулову сосуда.

7. Широкие полосы, идущие горизонтально под венчик сосуда.

8. Ломаные линии, расположенные под венчиком и туловом сосуда.

9. Широкие параллельные линии, между которыми проходят на определенном расстоянии друг от друга короткие вертикальные полосы, образуя фигурки типа лежащей горизонтально «лестницы».

10. Узкие параллельные линии под венчиком сосуда, между которыми на определенном расстоянии друг от друга проходят узкие вертикальные полосы, расположенные наклонно.

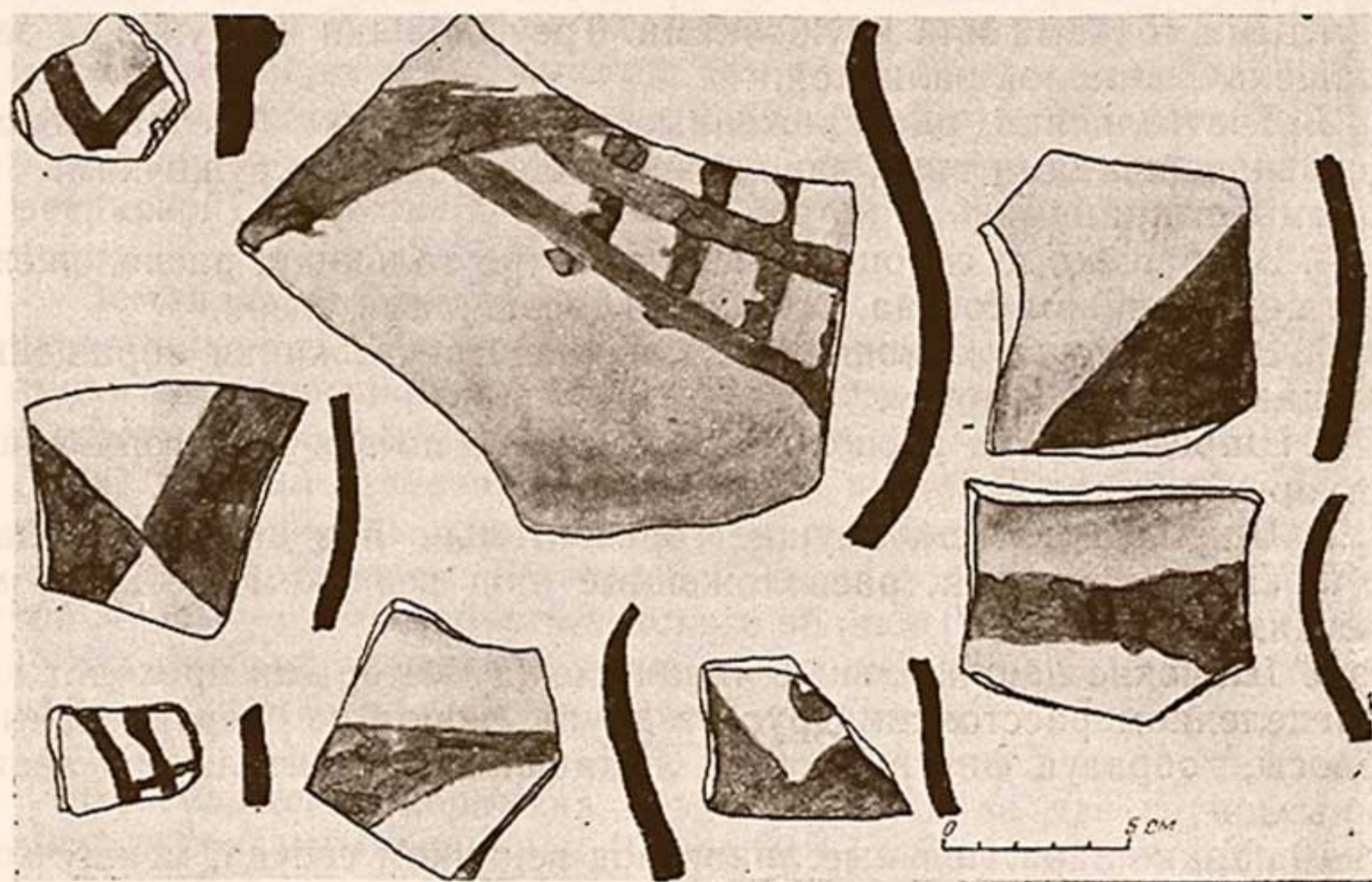
Наряду с господствующей красной росписью двумя экземплярами венчиков бокалообразных или банкообразных сосудов представлена керамика с черной росписью. На них по светло-коричневой лощеной поверхности под венчиком нанесен орнамент черной краской в виде сравнительно мелких сеточек.

Формы сосудов с красной росписью несколько повторяют формы лепных сосудов первой группы (неорнаментированные). Это круглодонные миски с чуть вогнутым венчиком, круглодонные горшки со слегка отогнутым венчиком. Найден также фрагмент с красной росписью от небольшого сосудика с петлевидной ручкой. Такие сосуды также известны среди бургулюкской керамики. На мисках орнамент, как правило, нанесен под венчиком сосуда, иногда и на тулово, на горшках — в основном под венчиком и на тулово, на сосуде с петлевидной ручкой — только под венчиком. Для установления датировки бургулюкской культуры большое значение имеет расписная керамика, которую можно разделить на три группы.

1. Лощеная тонкостенная высокого качества с черной росписью чувского типа, найденная вне землянок.

2. Местная расписная, довольно грубая, низкого качества с красной и темно-коричневой росписью. Основные формы: горшко-видные сосуды, небольшие сосуды с петлеобразной ручкой, миски, найденные в культурных слоях землянок и за их пределами.

3. Высокого качества тонкостенная керамика, иногда сделанная на гончарном круге, с красной и темно-коричневой росписью. Вся эта группа найдена вне землянок.

Расписная керамика 3-й группы.

На современном этапе изучения бургулюкской культуры мы предполагаем, что часть расписной керамики из бугулюкских поселений была привозной. На чем основывается наше предположение? Керамика с черной росписью и орнаментом в виде мелких сеточек до того близка чувской, что легко ошибиться при определении, какие фрагменты происходят из Ташкентской области, какие из Ферганской долины⁶. Роспись на бургулюкских фрагментах, как и на чувских, занимает верхнюю часть сосуда.

⁶ Спришевский В. И. Чувское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 г.). КСИИМК, вып. 69, 1957, с. 46, рис. 13, 1, 2; Он же. Чувская стоянка эпохи бронзы (раскопки 1953 г.). СЭ, 1954, № 3, с. 71, рис. 5, 6; Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 202, табл. X; Заднепровский Ю. А. Дальверзинское селище. КСИИМК, вып. 69, 1957, рис. 16, 6; Он же. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 1962, № 118, с. 26, табл. XVII, 1—7, табл. XVIII, 1, 4, 5, 7, 10, 13, 15, 17, 18.

Большая часть расписной керамики второй и третьей (рисунок) групп находит близкие аналогии в комплексе Яз I в Южной Туркмении⁷, Кучуктепе⁸, Миршаде⁹, позднем Джаркутане¹⁰ на юге Узбекистана и Тилля-тепе на территории Северного Афганистана¹¹, а также среди расписной керамики из комплекса Ак-Танги в Таджикистане¹². Орнамент на керамике этих памятников наносили на светлый или розовый фон черепка красной или коричневой краской разных оттенков. Мотивы росписи также совпадают, встречаются преимущественно разнообразные треугольники с разным заполнением, в том числе и со сплошной заливкой. Совпадают и основные формы сосудов. Роспись, как и на бургулюкских фрагментах, занимает в большинстве случаев верхнюю часть сосуда, иногда плечики и тулово. Но в перечисленных памятниках встречается керамика и с более сложным и разнообразным орнаментом и более высокого качества, чем бургулюкская. Следует, однако, подчеркнуть, что расписная керамика каждого из упомянутых районов имеет локальные особенности. Керамика первой группы и бронзовый инвентарь бургулюкских поселений, по существу, находят близкие параллели в тех же комплексах, что и расписная керамика¹³.

Таким образом, археологические исследования 1976 г. еще раз подтвердили обоснованность предложенной нами предварительной датировки бургулюкской культуры IX—VII вв. до н. э.¹⁴

⁷ М а с с о н В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 1959, № 73, с. 36—37; Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, М.—Л., 1966, с. 188.

⁸ А л ь б а у м Л. И. Поселение Кучуктепе в Узбекистане. В сб. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР» (тезисы докладов), Баку, 1965, с. 59—60.

⁹ Б е л я е в а Т. В., Х а к и м о в З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде. В кн. «Из истории античной культуры Узбекистана», Ташкент, 1973, с. 35—38.

¹⁰ А с к а р о в А. А. Новые памятники эпохи бронзы на территории Северной Бактрии. Сб. «Археологические открытия 1974 года», М., 1975, с. 496—497.

¹¹ С а р и а н и д и В. И. Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. В сб. «Материалы археологической карты Северного Афганистана», вып. I, М., 1972.

¹² Л и т в и н с к и й Б. А., Р а н о в В. А. Раскопки навеса Ак-Танги в 1961 г. В сб. «Археологические работы в Таджикистане», вып. IX, Душанбе, 1964, с. 15, 16, 20.

¹³ Д у к е Х. К вопросу о Бургулюкской культуре. ОНУ, вып. 8, 1976, с. 50—51. Он же. Раскопки памятников..., с. 48—54.

¹⁴ Д у к е Х. К вопросу..., с. 51; Он же. Раскопки памятников..., с. 48—54.

Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ, М. ТУРЕБЕКОВ

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ФОРТИФИКАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ЕРКУРГАНА

Оборонительные сооружения в течение всей древней и средневековой истории обеспечивали существование и развитие городских организмов вместе с богатствами, концентрировавшимися в них. Изучая остатки древних и средневековых городов, мы сталкиваемся прежде всего с грандиозными укреплениями, на которые были затрачены громадные силы.

В археологической литературе Средней Азии немало работ, посвященных вопросам фортификации¹. В статье приводятся результаты предварительного исследования оборонительных сооружений городища Еркурган.

Городище Еркурган — один из крупнейших памятников античности Средней Азии — расположено в 10 км к северу от г. Карши, в низовьях р. Кашкадарьи. В свое время оно предварительно обследовалось С. К. Кабановым, затем М. Е. Массоном, не проводившими, однако, раскопок фортификационных сооружений².

Широкие и планомерные раскопки были начаты в 1973 г. Кашкадарьинским археологическим отрядом Института археологии АН УзССР. Важное место в изучении городища занимают объекты его фортификации. В 1974 г. К. Сабировым было произведено несколько разрезов внутренней оборонительной стены, которые не были доведены до материка. Было установлено, что первоначальная кладка внутренней стены относится к середине I тыс. до н. э., а самые верхние кладки датируются серединой I тыс. н. э. Начиная с 1975 г. изучение оборонительных сооружений городища носит целенаправленный характер, на обширных остатках его фортификации заложено 5 раскопов.

¹ Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах, КСИИМК, 1956, № 64; Кошеленко Г. А. Парфянская фортификация. СА, 1963, № 2; Сабиров К. Кушанская фортификация в свете раскопок на городище Зар-тепе. В кн. «Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана», Л., 1976; Тургунов Б. А. Приемы фортификации античного Чаганиана. СА, 1968, № 1.

² Кабанов С. К. Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе. Сб. «Материалы по археологии и этнографии Узбекистана», т. II, Ташкент, 1950; Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973.

Внешний вал стен, окружающий всю площадь древнего города, достигает 4,5 км в длину, имеет неправильную конфигурацию, в восточной части сильно разрушен. В юго-западной и северной частях стена сnivelирована в недавнем прошлом. В остальных местах она удовлетворительной сохранности, тянется в виде оплывшего широкого вала с отдельными невысокими буграми по гребню примерно через каждые 60 м. Высота их 2—4, диаметр 10—15 м. Это остатки башен внешней стены, имевшей несколько ворот. Внутренние стены в виде громадного пятиугольного в плане вала впервые были возведены при закладке города. Эта стена общей длиной около 2 км и ограждающая площадь около 34 га неоднократно ремонтировалась и возобновлялась. Она имела развитую систему фортификаций в виде неприступного бастиона, грозно возвышавшегося в юго-восточном углу, и обширной цитадели на северной стене, в мощных оплывших контурах которой проявляются очертания башен, обращенных внутрь города. Кроме того, стена была снабжена системой фланкирующих оборонительных башен, которые выступали по фасаду и обеспечивали фланговый обстрел подступов к стене. Остатки этих башен прекрасно читаются в рельефе стены и по сей день в виде торчащих конусовидных бугров через каждые 20 м с внешней стороны. Всего их насчитывается около 60. Внутренняя стена имела не более трех ворот, на месте которых вал прерывается. Одни ворота были на восточном фасаде, вторые — у юго-восточного бастиона к северу от него. Также заложены были, видимо, в свое время ворота непосредственно к западу от бастиона, где явственно выступает небольшой вал оплывшей кладки. Третьи ворота, видимо, были в южной стене, в 50 м к западу от бастиона. По предположению С. К. Кабанова, в этом месте в город поступала вода³.

По микрорельефу видно, что внутренняя стена была окружена рвом. Внешняя и внутренняя стены городища были прорезаны железной и асфальтированной дорогами, соединяющими Карши с Касаном и Бухарой.

На внутренней стене, близ полотна железной дороги, были произведены раскопки на башнях № 1, 2 и 3. Раскоп (Р-12) углублен до 12 м от вершины вала и доведен до материка (рис. 1). Материк, состоявший из песчанистого темно-серого грунта, был ниже уровня подземных вод. Над ним залегал 90 см толщины темно-бурый слой местами зеленовато-илистого цвета с отдельными песчанистыми линзами. Выше вскрыт слой толщиной 0,9 м плотного насыпного грунта коричневого цвета, в который было погружено конически расширяющееся основание кладки первоначальной стены городища. Высота сохранившейся части более 7 м, толщина в верхней части 1,15, в нижней более 3 м. Стена состоит из рядов плотно уложенного прямоугольного сырцового кирпича (48—54×32—36×10—15 см) из глины красновато-пылевого цвета. Толщина швов раствора по горизонтали 1—10, по вертикали 1—15 см. Кирпичи с

³ Кабанов С. К. Там же, с. 108.

примесью самана, некоторые из них с клеймом в виде пары параллельных полос, проведенных вдоль или поперек. С внутренней стороны крепостной стены сохранилась глиняная штукатурка толщиной до 3 см. К основанию стены с внутренней стороны примыкает небольшой культурный слой более 20 см, состоящий из рыхлой земли с золой и углем. С внешней стороны линия фасада, образуя небольшой выступ, направляется вниз. Видимо, под стеной был неглубокий ров. Во всех описанных выше слоях, залегающих в основании кладки стены, в кладке самой стены, а также в примыкающем к ней участке культурного слоя был обнаружен немногочисленный,

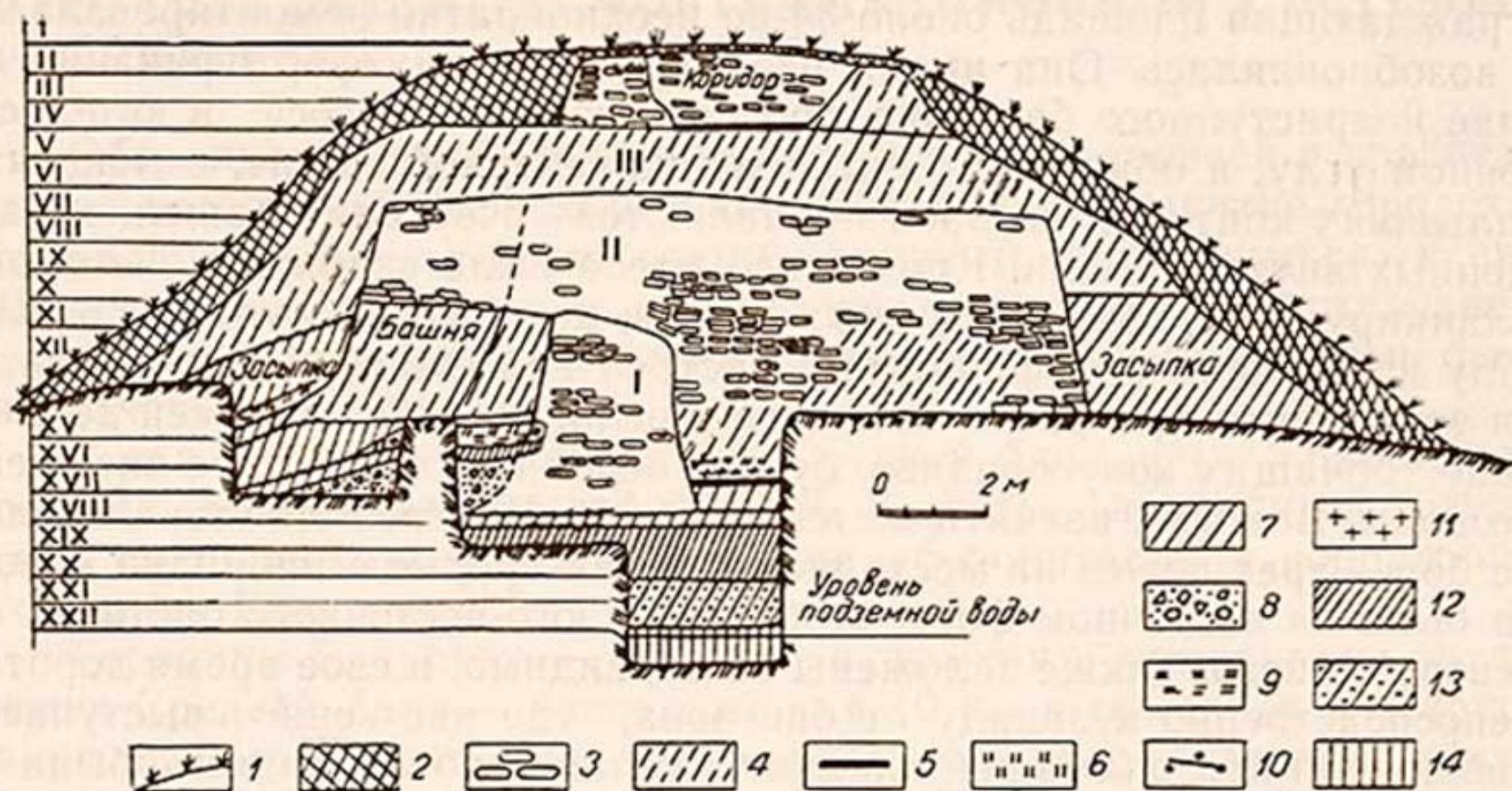

Рис. 1. Разрез I вала и внутренней оборонительной стены Еркургана:

1—дерновый слой; 2—оплыв; 3—кирпичная кладка; 4—пахсовая кладка; 5—пол; 6—износная земля; 7—рыхлая земля; 8—завал стены; 9—натечные прослойки; 10—уголь; 11—прослойка золы; 12—плотная глина; 13—темно-бурый слой; 14—материк.

но чистый и выразительный комплекс керамического материала середины I тыс. до н. э. (рис. 2, 1—7).

Во II строительный период к внешней стороне первой кладки примкнула пахсовая кладка толщиной 2 м, высотой более 7 м. Датировочного материала в кладке не обнаружено. Затем с внешней и внутренней стороны I и II кладки стены насыпается обширная утрамбованная площадка. Все это перекрывает мощнейшая III кладка стены с толщиной у основания 11 м. В раскопе 12 выявлены остатки прямоугольной башни III строительного периода. Это башня № 2, выступающая из стены на 2 м, протяженностью по фасаду 12,5 м. Башня в плане не прямоугольная, а трапециевидная, в основании близ куртин на 60 см шире по сравнению с фасадной частью. Таким образом, фланговые грани башни несколько скошены. Расстояние между башнями № 2 и № 3 равно 21,5 м. Стены башни и куртины III строительного периода сохранились до высоты 5—6 м. Кладка башни № 2 отделяется от кладки стены швом. Стена и башня сооружены из сырцового кирпича размером 48—52×30—36×

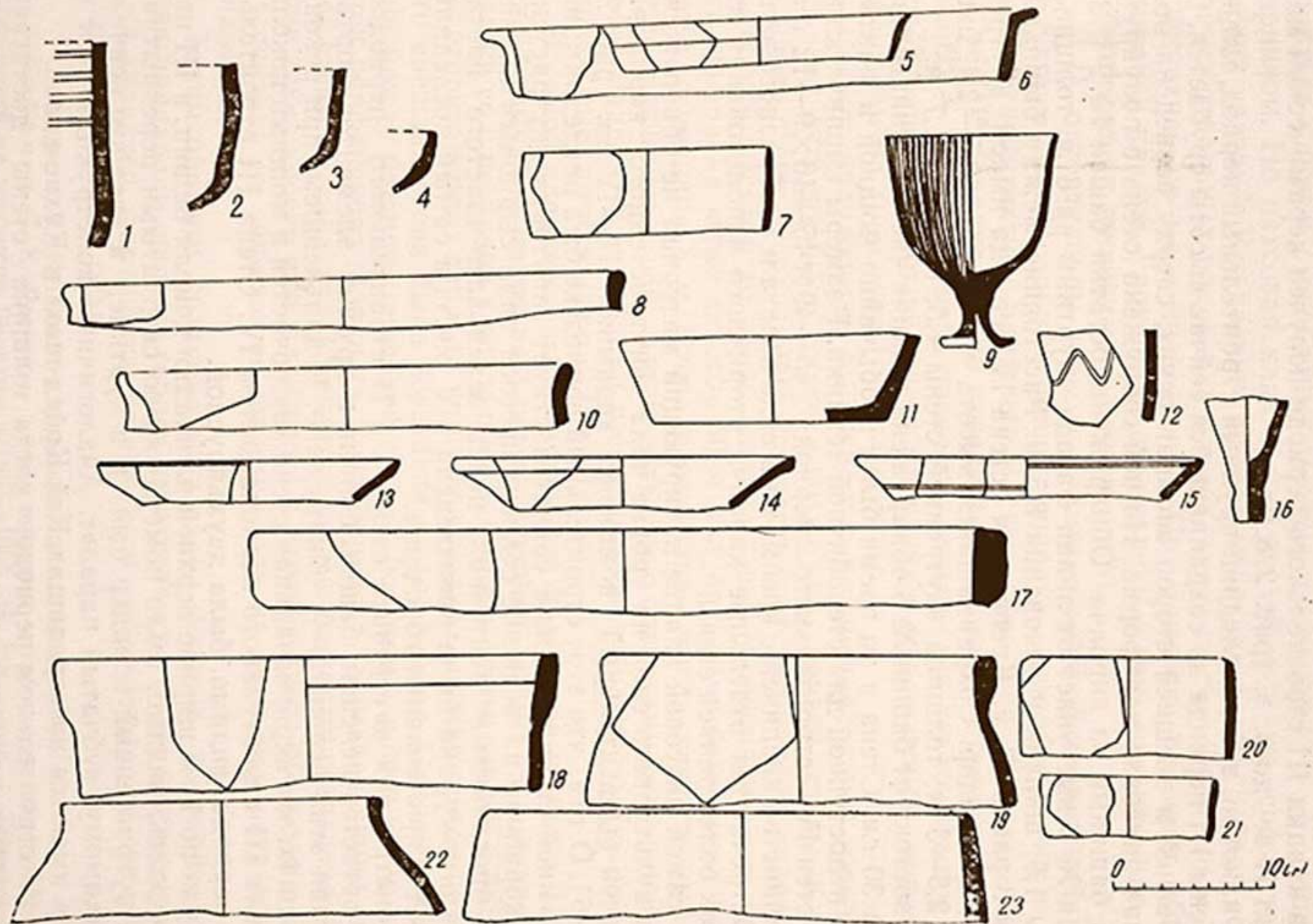

Рис. 2. Керамика из кладок внутренней и внешней стен.

10—12; 42×38×10; 35×32×12; 38—39×38—39×10—12 см. На отдельных участках, не имеющих особого значения для прочности стены, в частности с внутренней стороны, третья стена сложена из битой утрамбованной глины.

Из кладки III строительного периода получен керамический материал II в. до н. э. (рис. 2, 8, 9).

И наконец, в IV, последний крупный строительный период, кладка стены III периода до сохранившейся сейчас высоты срубается. С внутренней и внешней сторон засыпан грунт, сверху возведена обширная пахсовая платформа. На ней сооружена стена с полукруглыми башнями из кирпича. Обнаружены остатки башен № 2 и 3. Башня № 3 выступает от линии фасада куртины на 6 м, толщина стены 1,5, ширина у основания 8,5 м. Расстояние между башнями № 2 и 3 равно 27 м. Крепостная стена IV периода имеет внутристенный коридор. Сохранившаяся высота его от пола 0,5—2,4, ширина 2,5—3 м, толщина внутренней стены 1,5, внешней 1,7 м.

К востоку от башни № 3 обнаружена нижняя часть бойницы шириной 30 см. Стена в то время была необычайно мощной и фактически недоступной для стенобитной техники. Размеры кирпича кладок стен IV строительного периода 45—49×45—46×9—12 см. Большинство кирпичей с клеймами в виде креста и V-образного знака. Встречаются отдельные кирпичи вторичного использования из кладок более ранней стены.

В самой пахсовой кладке датирующий материал не обнаружен, но из культурного слоя на уровне пола внутристенного коридора извлечен выразительный комплекс керамики III—IV вв. (рис. 2, 10—16). О том, что этот строительный период не был последним, на внутренней стене городища свидетельствует забутовка внутристенного коридора на вершине сохранившегося вала сырцовым кирпичом с прослойками ленточной пахсы зеленовато-илистого цвета. По-видимому, она была произведена в V в.н.э., в самый последний период существования городища.

Конструкция внутренней стены I и II строительного периодов пока остается неясной, башен, бойниц и других элементов фортификации этих периодов не обнаружено. В дальнейшем, при реконструкциях, эта первоначальная стена заключается в мощный цоколь сначала III строительного периода, затем IV. Стена III строительного периода, видимо, была двухъярусной.

Судя по 11 м ширине верхней площадки цоколя башни, в III периоде здесь, видимо, были помещения со сводчатыми перекрытиями. Внутристенный коридор был и в куртине, и все это венчал, по-видимому, зубчатый парапет. Аналогичные конструкции стен и башен имеются на городищах Кей-Кобад-шах⁴ и Кухне-кале⁵.

В IV строительном периоде, когда толщина стены достигает грандиозных размеров, конструктивные особенности ее меняются. На мощном пахсовом цоколе располагалась система галерей с бой-

⁴ Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения..., с. 83.

⁵ Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе). КСИИМК, вып. 64, 1956, с. 68—72.

адреса из цувсерта?

ницами и зубчатым парапетом наверху, служившая надежным прикрытием для защитников города.

Кладка из пахсы в цокольной части, несомненно, лучше противостояла ударам стенобитных машин по сравнению с сырцовым кирпичом. Но пахсовая кладка требует соблюдения особых технических условий. Все древние пахсовые кладки Средней Азии состояли из отдельных рядов или блоков, которые последовательно просушивались по мере возведения. При слишком большом объеме глиняной кладки, уложенной в один прием, она, как правило, трескается, теряя прочность и монолитность.

В IV строительном периоде прямоугольные башни заменяются полукруглыми. Подобные башни широко распространены в крепостной архитектуре Ближнего Востока: Зар-тепе⁶, Варахше⁷ и Беграме III⁸. Кладка башни отделяется от кладки стены швом. Этот способ — известная мера предосторожности против возможной просадки башни, что отмечено у Витрувия. Аналогичный прием мы встречаем на городище Чичанлык-тепе⁹.

Раскоп, заложенный на южном фасае внешней стены городища, показал, что она была сложена позже внутренней стены. Кладка внешней стены в сохранившейся части состояла из трех рядов пахсы общей высотой до 4,5 м, ширина стены у основания 9 м. Стена фланкирована через каждые 60 м полукруглыми башнями с шириной у основания 8 м. Стена у основания имела характерный выступ, перекрытый небольшим оплывом с остатками ремонтной пахсовой кладки. В основании стены залегают культурные слои середины I тыс. до н. э. (рис. 2, 17—23).

В самой кладке стены датирующего материала не было. Но судя по тому, что пахсовая кладка внешней стены и полукруглые башни ее с шириной у основания 8 м аналогичны кладке и башням IV строительного периода внутреннего вала, можно предположить, что внешняя стена была возведена в этот период. Однако расстояния между башнями внешней стены (куртины) равны 60 м, как у стен парфянского городища Дура-Европос¹⁰. Ломаная линия внешней стены вместе с далеко выступающими башнями создавала большие возможности для флангового и перекрестного обстрела и была рассчитана на поражение штурмующих из мощных метательных снарядов.

Таким образом, создание двух рядов мощных оборонительных стен придавало обороне города стратегически более эшелонированный характер, фортификация его была рассчитана на штурмы и более длительные осады.

⁶ Сабиров К. Кушанская фортификация..., с. 46—50.

⁷ Кабанов С. К. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахше в 1953—1954 гг. МКУ, вып. 1, Ташкент, 1959, с. 140.

⁸ Girshman K. M. Begram, recherches archeologiques et historiques sur les Kushans. MDAFA, t. 12, 1946.

⁹ Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, с. 62.

¹⁰ Gerkan A. von. The Fortification. The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of 5 season of Work. New-Haven, 1934.

С. К. КАБАНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ПРИДАРГОМСКОЙ СТЕПИ

По планам работ Института истории и археологии АН УзССР с середины 50-х годов велись археологические исследования в Придаргомской степи¹, преимущественно в объеме разведок. В 1961 г. в них принял участие автор настоящего сообщения: по предложению руководителя экспедиции В. А. Шишкина были обследованы памятники небольшого участка степи площадью около 25 км² со сбором подъемного материала, съемкой планов памятников, фотографированием; на одном из памятников были произведены раскопки². В связи с составлением свода археологических памятников Узбекистана можно было использовать материалы этой разведки, однако потребовался повторный обход памятников обследованного ранее участка, что и было осуществлено в 1975 г.

Обследован участок степи (рис. 1), расположенный вдоль дороги Самарканд — Шахрисабз начиная от потока Даргом³ в 8 км к югу от Самарканда, на расстоянии до 2 км по обе стороны дороги; длина участка 6 км. Дальше вдоль дороги вплоть до кишлака Каратепе (в 30 км от Самарканда), расположенного уже в предгорьях Зарафшанского хребта, древних искусственных бугров нет. На обследованном участке выявлено 19 памятников, из них лишь один — Каракчитепа, самый южный из обследованных бугров, — был внесен в рукописный отчет И. А. Сухарева и нанесен на составленную им археологическую карту⁴. Кроме того, на этом участке расположены уже известные в научной литературе памятники — городище

¹ Шишкин В. А. Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР. ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, с. 35—36.

² Работы велись с 27 сентября по 2 ноября с участием лаборанта А. Н. Златомрежева.

³ До недавнего времени в научной литературе было принято считать Даргом искусственным сооружением — каналом. М. Е. Массон обосновал другое, высказывавшееся ранее мнение о том, что Даргом — поток естественного происхождения — боковое русло Зарафшана. См.: М а с с о н М. Е. Прошлое Самаркандского Даргома. ОНУ, 1976, № 7, с. 40—48.

⁴ Сухарев И. А. Отчет об археологической разведке в Самаркандской группе районов (1935—1936 гг.). Архив Самаркандского музея культуры и искусства узбекского народа, № 252.

Кафиркала⁵, безымянный бугор возле него⁶ и развалины дворца Тимура Давлятабад⁷.

Вначале приведем краткое описание обследованных памятников с ориентировочной их датировкой; почти все бугры — безымянные,

Рис. 1. Схема расположения археологических памятников.

поэтому описаны и нанесены на схему (см. рис. 1) под номерами, в порядке обследования. В статье освещаются и результаты раскопок, проведенных нами на самом небольшом из обследованных бугров.

⁵ Шишкин В. А. Узбекская археологич. экспедиция..., с. 35—36.

⁶ Шишкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. ИМКУ, вып. 2, с. 192—222.

⁷ Сухарев И. А. Дворец-сад Тимура Давлятабад. Труды УзГУ, нов. сер., т. 14, вып. 2, 1940, с. 1—7; Алимов У. Сад-дворец Тимура Давлят-Абад. ИМКУ, вып. 10, Ташкент, 1973, с. 103—107.

Тепе 1 находится на южном берегу Даргома, к востоку от дороги Самарканд—Шахрисабз. Памятник сильно разрушен. Можно предположить, что тепе было концентрического плана, состояло из вышки и окружавших ее прямоугольных в плане развалин поселения размером 120×90 м, вытянутого с севера на юг. Центральный бугор высотой 9 м, с размером у основания 24×24 м.

В обнажении западной стороны вышки видна мощная стена из сырцового кирпича ($37 \times 37 \times 10$ см); близкий по размерам кирпич был выявлен в кладке стен древнего здания на Афрасиабе, датированного II—III вв. н. э.⁸ Из подъемного материала наиболее характерны сосуды типа кринок с волнистым орнаментом на плечи-

Рис. 2. Тепе 2 (вид с северо-востока).

ках, датированных V—VI вв.⁹ Следовательно, выявлено два периода в обживании поселения.

Тепе 2 также расположено на берегу Даргома, на противоположной — западной стороне дороги. Это более крупный памятник, площадью приблизительно 200×100 м, вытянутый с востока на запад. Центральный бугор (рис. 2) высотой 12 м окружен глубокими оврагами, подъем на него возможен только с южной стороны. Тепе в плане — вышка в виде двух частично совмещенных окружностей, общей длиной верхней площадки 40 м, наибольшей шириной 30 м. В одном из обнажений обнаружены две параллельные стены одного помещения шириною 215 см; кладка стен комбинированная из блоков пахсы, перемежающихся рядами сырцового кирпича размером $48—50 \times 25—30 \times 8$ см. Блоки пахсы высотой 56, длиной 80 см. По комбинированной кладке и размерам кирпича верхний слой можно датировать V—VI вв. Из подъемного материала наибо-

⁸ Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. Сб. «Афрасиаб», вып. II, Ташкент, 1973, с. 39, 45.

⁹ Шишкина Г. В. Раннесредневековая..., с. 209, рис. 9, 7, с. 212.

лее характерны фрагменты кринок со сливами под венчиком, также датированные этим временем. Вал, окружающий вышку, сильно разрушен, но в высоту достигает 4 м.

Тепе 3 — небольшой бугор, примерно в 1 км к юго-востоку от тепе 2, возле западной стороны дороги. Бугор в плане круглый, диаметром около 30, высотой 5 м, сильно разрушенный с юго-западной стороны. При расчистке обнажения на высоте 1,5 м найден фрагмент кубка. На этом же уровне в другом месте расчищен кирпич размером $38 \times 38 \times 12$ см. Эти находки датируют слой — самое позднее II—III вв. н.э. Найден фрагмент кринки со сливом под венчиком; эта находка свидетельствует о существовании слоя V—VI вв. Таким образом, несмотря на небольшие размеры, памятник по крайней мере двухслойный — поселение существовало во II—III и в V—VI вв. н.э. Памятник не сохранился.

Тепе 4 находится примерно в 1 км к югу от тепе 2, по размерам более крупное: округлое в плане, диаметр у основания 40 м, высота 8 м, склоны крутые. Несомненно, это развалины довольно капитального отдельного здания.

Тепе с южной стороны повреждено вырытой в склоне землянкой. На полу землянки заложили шурф до глубины 3,5 м. На глубине около 3 м в стене здания обнаружена щель шириною 10—12 см, напоминающая продухи, раскрытые в здании близ Кафиркалы¹⁰, однако для уточнения следовало бы провести довольно крупные раскопочные работы.

Общий облик найденных в шурфе обломков керамических изделий позволяет сделать вывод, что здание было оставлено не позднее V—VI вв.

Тепе 5 и 6 расположены к юго-западу от тепе 4. Первое из них — в виде расплывшегося бугра, диаметром около 40 м, высотой всего 3 м. Тепе плотно задерновано, никаких датирующих материалов не найдено. Второе — округлое, диаметром 30 м. Южная его часть распахана, северная изрыта ямами. Высота тепе всего 2 м над окружающей пахотой. Этот самый небольшой в округе памятник и был избран как объект раскопок. Вскрыты руины небольшого, но весьма капитального здания: толщина его внутренних стен (внешние не сохранились) достигала 3—4 м.

Тепе 7 и 8. Примерно в 2 км к югу от Даргома, по западную сторону дороги, находится группа памятников, состоящая из четырех бугров сложной планировки. Наиболее характерный из них расположен в 400 м от дороги, называется он Кургантепе (рис. 1, 7). Памятник площадью 120×100 м с вышкой в середине (рис. 3), окруженной широким валом (теперь уже почти полностью разобранным на удобрения). Вышка подквадратная, размером в плане 50×40 м, высотой 10 м. Из наслоений вала извлечен такой же чашевидный кубок, как из наслоений уже упоминавшегося здания

¹⁰ Шишкина Г. В. Там же, с. 196—197.

близ Кафиркалы¹¹, что позволяет датировать последний период существования поселения V—VI вв. н. э.; другие находки фрагментов керамики не противоречат этой датировке.

Три бугра (рис. 1,8), подпрямоугольные в плане, расположены рядом вдоль дороги. Наиболее крупный из них средний, высотой 9 м, размером 40×40 м. Никаких материалов для датировки бугров не найдено.

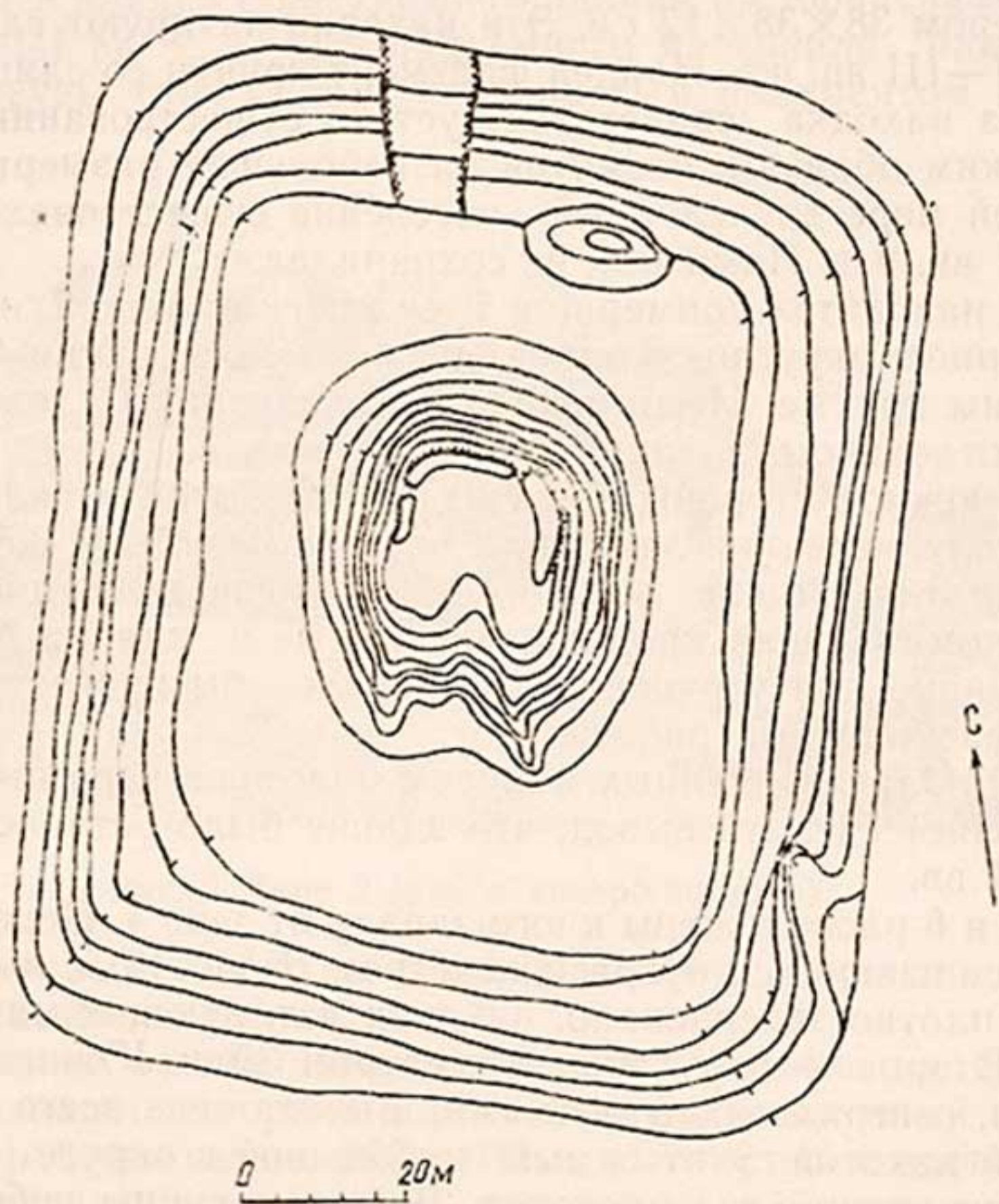

Рис. 3. Кургантепе (план).

Тепе 9—10. В 2 км к западу от дороги обследовано два небольших тепе, расположенных близ берега Даргома. Более крупное из них — тепе 10, в плане прямоугольное, размером 40×36 м, высотой 6 м. Верхняя площадка слегка бугристая. С севера и запада — овраги, в обнажениях которых много керамики, видимо, первых веков н. э. Еще два небольших бугорка находятся у его юго-западного угла.

Бугор 9 расположен южнее описанного, округлый в плане, размером 34×28 м, высотой 4 м. Подъемной керамики на всех этих буграх не найдено.

¹¹ Шишкина Г. В. Там же, с. 207, рис. 8, 7—9.

Тепе 11—12. В 3 км к югу от Даргома обследованы два тепе, расположенные, как видно, на краю орошенных в древности земель. Далее к югу бугров до самого гористого обрамления степи, за исключением Каракчитепе, не видно. Восточное из этих двух тепе (рис. 1, 11) — в плане в виде оплывшего прямоугольника, вытянутого с севера на юг. Размеры тепе у основания 52×36 , высота 5 м. Наиболее возвышенная часть — северо-восточная, на ее краю зачищено обнажение, в котором выявлены сырцовые кирпичи размером $26 \times ? \times 8,4$ см. Из керамики найдено лишь два фрагмента, один из них — фрагмент кувшина с ложбинкой под горлышком.

К западу от этого тепе, в 20 м, находится небольшой бугорок высотой 2, длиной около 20 м, на его поверхности найден фрагмент сосуда типа кринки с прямым венчиком (VII в.?).

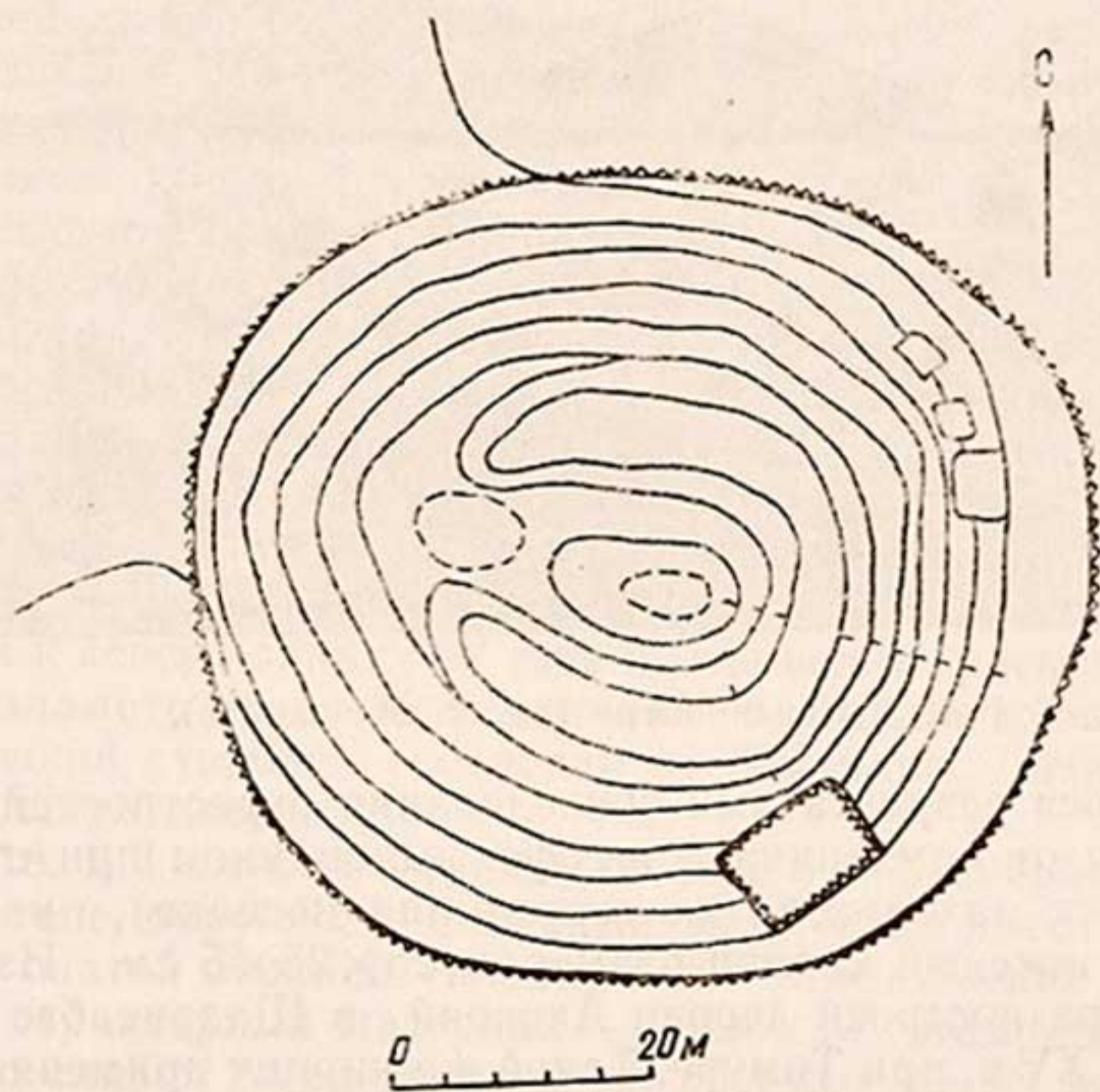

Рис. 4. Каракчитепе (план)

Тепе 12 находится в 120 м к западу от описанного. В плане памятник прямоугольный, размер у основания 38×40 , высота до 5 м. Памятник углами ориентирован по странам света. Края верхней площадки приподняты в виде вала, что служит признаком стен. На поверхности найдено несколько кусков жженого кирпича, а также куски гончарного шлака на самом тепе и в 15 м к востоку от него; один кусок — шлака железного.

Видимо, это памятники времени раннего средневековья (VI—VII вв.).

Каракчитепе (тепе 13), упоминавшееся выше, находится в 2,5 км южнее тепе 11 и 12, примерно в 15 км от Самарканда. В плане оно

круглое (рис. 4), диаметром 68—70, высотой 9 м. По всей окружности у основания тепе обнажен слой мелкого камня высотой до 2 м, выше — насыпь из песка. Верхняя поверхность в плане имеет вид подковы, вершиной к востоку, в которую вписана впадина глубиной 3,7 м, с крутыми склонами и выходом к западной стороне тепе. Внешние склоны бугра крутые (рис. 5).

Подъемной керамики почти не было: найден лишь один обломок толстостенного сосуда.

Весьма странное сооружение такого типа нам ранее не встречалось. В нем нет признаков тепе как развалин обычного земледельческого поселения. Для разгадки назначения этой насыпи можно

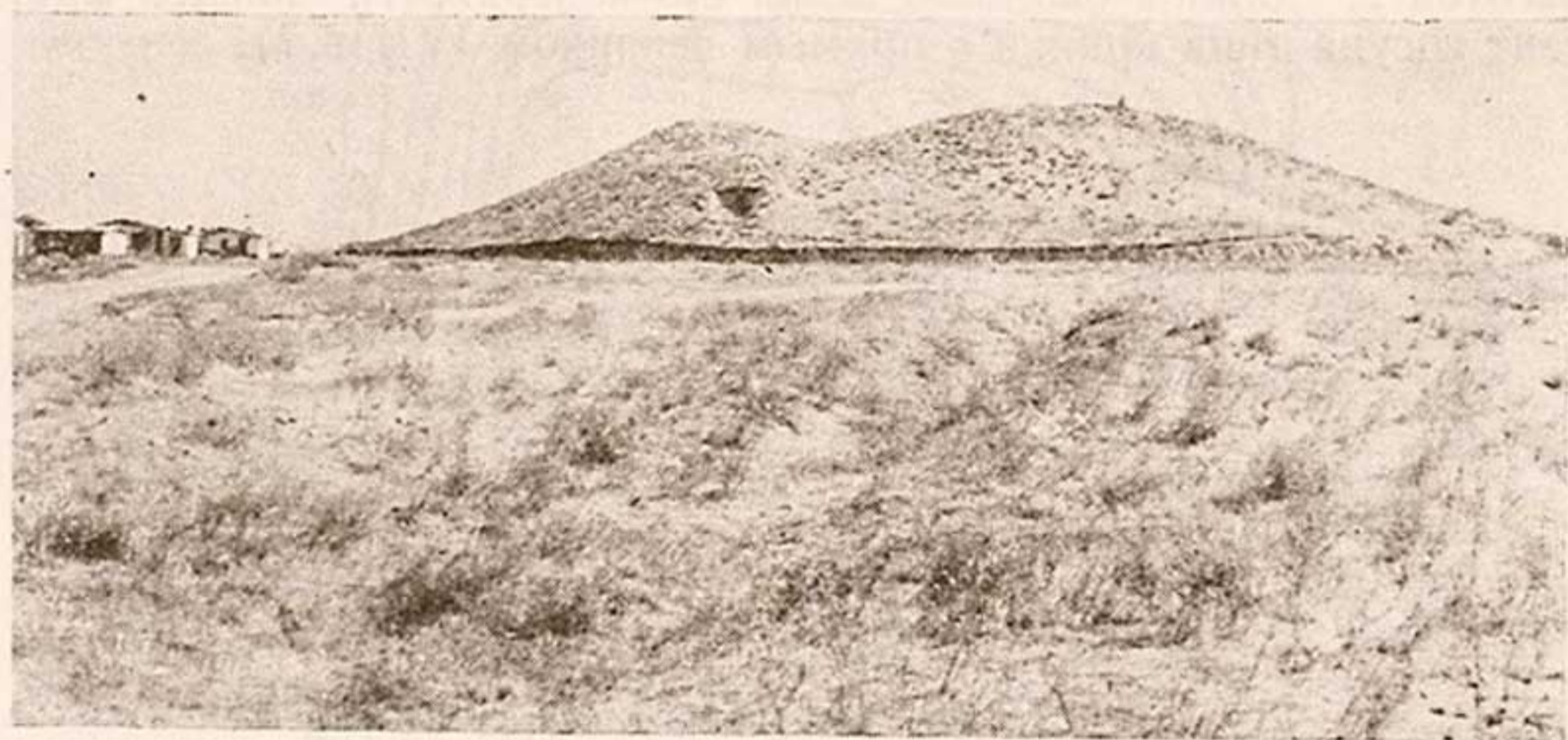

Рис. 5. Каракчитепе (вид с юго-запада).

воспользоваться результатами обследования окрестностей. В 250 м к юго-востоку от памятника в шурфе, выкопанном при строительстве (памятник находится на территории поселка), на глубине 1,1 м найден жженный кирпич размером $25 \times 25 \times 5$ см. Из кирпича такого размера построен дворец Аксарай в Шахрисабзе в конце XIV—начале XV в. при Тимуре. Такой же кирпич применялся и при постройке мечети Биби-Ханым в Самарканде.

Следует иметь в виду, что кирпич времени Тимура найден вблизи описываемого памятника, расположенного всего в 3 км к югу от дворца Тимура Давлятабад. Не является ли этот бугор развалинами сторожевой вышки или укрепления, выстроенного для защиты дворца от возможного нападения с юга — со стороны перевала Тахтакарача? Этот вывод тем более вероятен, что и к северу от дворца, как предполагается, был укрепленный наблюдательный пункт — на вершине бугра Кафиркала¹².

¹² Ш и ш к и н В. А. Узбекистанская экспедиция АН УзССР. ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, с. 36.

Тепе 14. Примерно в 0,5 км к югу от Кафиркалы зафиксирован бугор длиной 60, шириной до 20 м, вытянутый с востока на запад, с двумя вершинками (западная высота 3, восточная 2 м). Подъемная керамика малохарактерная, но возле восточной вершинки, с северной стороны, найдены фрагменты оссуария. Возможно, в сопоставлении с несколько необычной планировкой памятника эта находка даст основание предположить, что под плотным дерновым слоем скрываются руины сооружения культового назначения.

Возле бугра, всего в 25 м от него, проходит вал от стены, окружавшей сад Тимура Давлятабад. Толщина у основания вала около 5 м, высота снаружи около 1,5, внутри — 1 м, почва внутри вала (со стороны сада) слегка приподнята по отношению к окружающей местности.

Тепе 15 находится в 120 м к северо-западу от тепе 14. Памятник — небольшой бугор, окруженный оврагами, размером 36×36, высотой до 5 м. На поверхности найдены обломок ручного жернова, обломок чашевидного кубка V—VI вв. и кусок жженого кирпича толщиной 3,6 см. Это тепе также находится вблизи вала от разрушенной стены сада, с северной его стороны.

Тепе 16. Возле западной стороны стен сада Тимура обследовано тепе, видимо, сильно разрушенное при возведении ограды. Остатки тепе представляют собой продолговатый бугор, вытянутый с севера на юг, длиной 30, наибольшей шириной 20, высотой до 3 м. В обнажениях видна пахсовая кладка. Из находок можно отметить только плоское днище сосуда на трех ножках.

Тепе 17 — небольшой бугор высотой 4 м, находящийся примерно в 1 км к северо-западу от тепе 6, где велись раскопки. Бугор округлый, диаметр около 35 м; верхняя площадка смещена к северу. На восточной стороне — котлован от землянки. Датированной керамики не встретилось.

Тепе 18. В 1 км к юго-западу от тепе 6 зафиксировано довольно большое тепе, округлое в плане, диаметром 60, высотой около 6 м, с продолговатой верхней площадкой. В обнажении у основания выявлен характерный материал — обломки чашевидных кубков, кринок со сливом под венчиком, датированные V—VI вв.

Тепе 19. В западной части обследованного участка, около Даргома, обнаружено небольшое тепе, частично срезанное оврагом. Тепе округлое в плане, диаметром 38—40, высотой 4 м. Датированной керамики не встретилось.

Тепе 20 — Хышттепе (кирпичное тепе) — бугор, являющийся развалинами загородного дворца Тимура Давлятабад. Дворец находился в южной части обширного сада. Высота тепе 12—14, размер у основания 65×65 м. На верхней площадке тепе сохранились кирпичные кладки.

В 1935—1936 гг. памятник исследовал без раскопок И. А. Сухарев, давший подробное описание руин дворца и сада¹³, использовав

¹³ Сухарев И. А. Дворец-сад Тимура..., с. 1—7.

исторические источники. В 1967 г. на Хышттепе провел раскопки У. Алимов, восстановивший план дворца¹⁴.

Тепе 21 находится возле юго-восточного угла городища Кафиркала. Памятник полностью вскрыла Г. В. Шишкина в 1956—1957 гг.¹⁵.

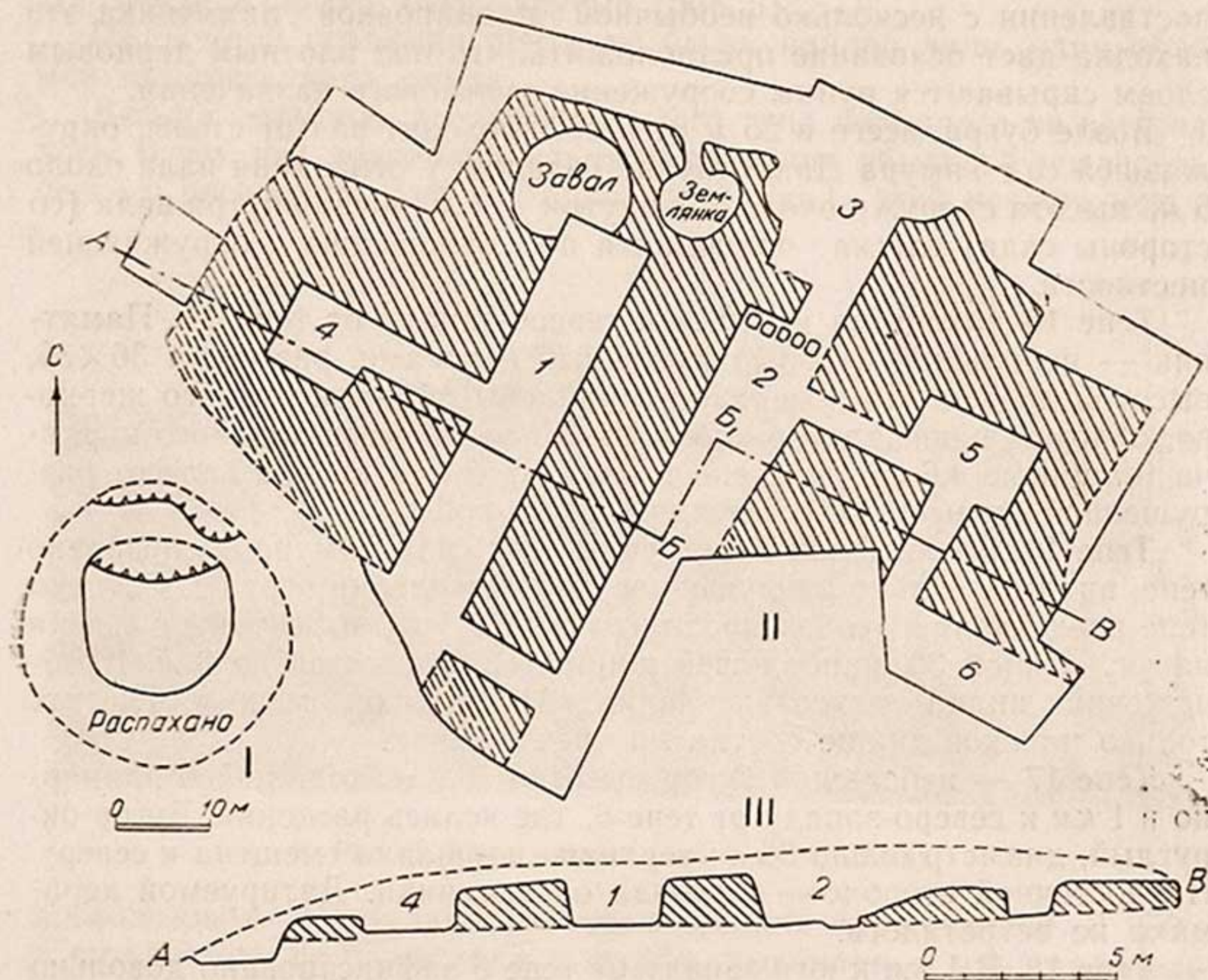

Рис. 6. План тепе 6 (I), план (II) и разрез (III) раскопа.

На рис. 6 приведены план и разрез раскопа на тепе 6. Раскопки были начаты возле северного края верхней площадки тепе, обозначенного невысоким обрывом (рис. 6, I). Уже на глубине 25—30 см обнаружены две мощные стены, сложенные из плотной туюнной (болотной) глины. Между ними вскрыта северная часть узкого помещения, обозначенного на плане как помещение 1 (рис. 6, II). Ширина его на уровне пола 2,25 м, выше несколько шире, поскольку стены, сохранившиеся до высоты 175 см, не вертикальные, а слегка наклонные.

До глубины 1 м помещение было заполнено рыхлым грунтом серого цвета; ниже обнаружен завал из желтой глины и комков пахсы. Толщина слоя 70 см. На полу обнаружены тонкие натечные прослойки.

¹⁴ Алимов У. Сад-дворец Тимура..., с. 105.

¹⁵ Шишкина Г. В. Раннесредневековая..., с. 192—222.

К востоку от помещения 1 открыто помещение 2, почти такой же ширины (2,5 м). Помещения разделены необычайно массивной для внутренней планировки зданий стеной — толщиной 2,8 м (рис. 7). Помещение 2 также заполнено рыхлым завалом; на полу расчищена кладка в один ряд из сырцового кирпича размером $40 \times 40 \times 11-12$ см, не связанная конструктивно со стенами.

Из помещения 2 один проем вел к северу, второй к востоку. От помещения 3 (рис. 6, II), находящегося севернее, сохранился только один угол; видимо, оно было разрушено погребением, обнаруженным в этом помещении, также плохо сохранившимся. Голова

Рис. 7. Северная часть раскопа. Слева—помещение 1, справа—помещение 2.

покойника обращена к востоку, слегка склонена к правому плечу; руки на животе, ноги раскинуты в стороны. Никаких данных для датировки погребения не найдено. Отдельные кости из погребений встречались и в других помещениях, в верхних частях прикрывавших их завалов.

К востоку от помещения 2 вскрыта соединенная с ним узким проходом небольшая камера (помещение 5), размером $3,2 \times 2,2$ м, включенная в очень массивные стены. Из этой камеры еще один узкий проем вел на юг, в помещение 6, вскрытое частично уже на грани выклинивания стен здания. Другая камера, размером $2,3 \times 2,2$ м, раскрыта в противоположной — западной стороне руин здания (помещение 4). Узким проходом она соединена лишь с помещением 1. Камера включена в еще более массивные стены — толщиной до 3,2 м.

При расширении раскопа к югу выяснилось, что помещения 1 и 2 сильно вытянуты в длину, похожи на коридоры и, видимо, служили осью планировки всего здания. Южные концы этих коридорообразных помещений не сохранились, длина же сохранившихся частей довольно значительна — 12,5 и 14 м, оба помещения соединены проемом в их южной части.

Расположение длинных помещений посередине бугра позволяет предположить, что они находились в центре здания; видимо, нами вскрыта центральная часть его нижнего этажа. Поражает толщина внутренних стен этого монументального сооружения. Они сложены, как уже указано, из крупных блоков болотной глины. Блоки уложены горизонтальными рядами, высота их 95—98 см. Между рядами блоков — тонкая прослойка глины. В одном месте, на высоте 2-го ряда блоков, выявлен фрагмент кладки из сырцового кирпича размером 36×36×12 см. По значительной толщине стен у основания можно считать, что существовал и второй этаж, где, видимо, были расположены жилые помещения. В нижнем этаже не обнаружено ни очагов, ни других признаков хозяйственной деятельности.

Площадь раскопа доведена до 400 м², все или почти все сохранившиеся элементы планировки здания раскрыты. Собран небольшой комплекс керамических материалов.

Найдены обломки довольно крупных красноглиняных сосудов, покрытых плотным желтовато-серым ангобом. Почти все сосуды станковой работы, наиболее характерные из них — типа горшков (рис. 8, 1—6) с широким устьем, прямым или профилированным наружу венчиком, чаще в виде закругленного валика. Плечики сосудов покатые или крутые, иногда украшены круговыми волнистыми линиями или полосками в обрамлении прямых ложбинок. Некоторые сосуды покрыты еще темно-коричневой краской, наложенной внаброс, с потеками; подобным же образом украшены сосуды, найденные в курганах III—IV вв. близ кишл. Сазаган¹⁶. Диаметр венчиков сосудов 16—20 см, толщина стенок 0,5—0,7 см.

Более крупные широкогорлые сосуды (рис. 8, 8—10) также украшены волнистыми полосками, иногда с круговым рядом углублений. На одном из сосудов — проушная пластинчатая ручка с продольной ложбинкой на внешней поверхности. Один из сосудов (рис. 8, 10) оказался с большой примесью в глине частиц белого цвета, видимо, кварцита, примешанного для придания сосуду жаростойкости; возможно, это был котел. Поверхность сосуда покрыта внаброс темно-коричневым ангобом.

Из узкогорлых сосудов типа кувшинов найдены (из различных) только два фрагмента (рис. 8, 12, 13). Сосуды с коротким горлышком, профилированным наружу венчиком, округлым в срезе; на меньшем из кувшинов — ложбинка на верхней поверхности венчи-

¹⁶ Обельченко О. В. Сазаганские курганы. ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966, с. 68—69.

ка. Более крупный сосуд находит аналогию в материалах Пянджикента¹⁷.

Встретился один сосуд с закругленным дном, типа миски (рис. 8, 11), из розовой глины, без ангоба.

Наиболее крупные сосуды — хумы с диаметром устья 35—40 см характеризуются невысоким вертикальным венчиком, наложенным

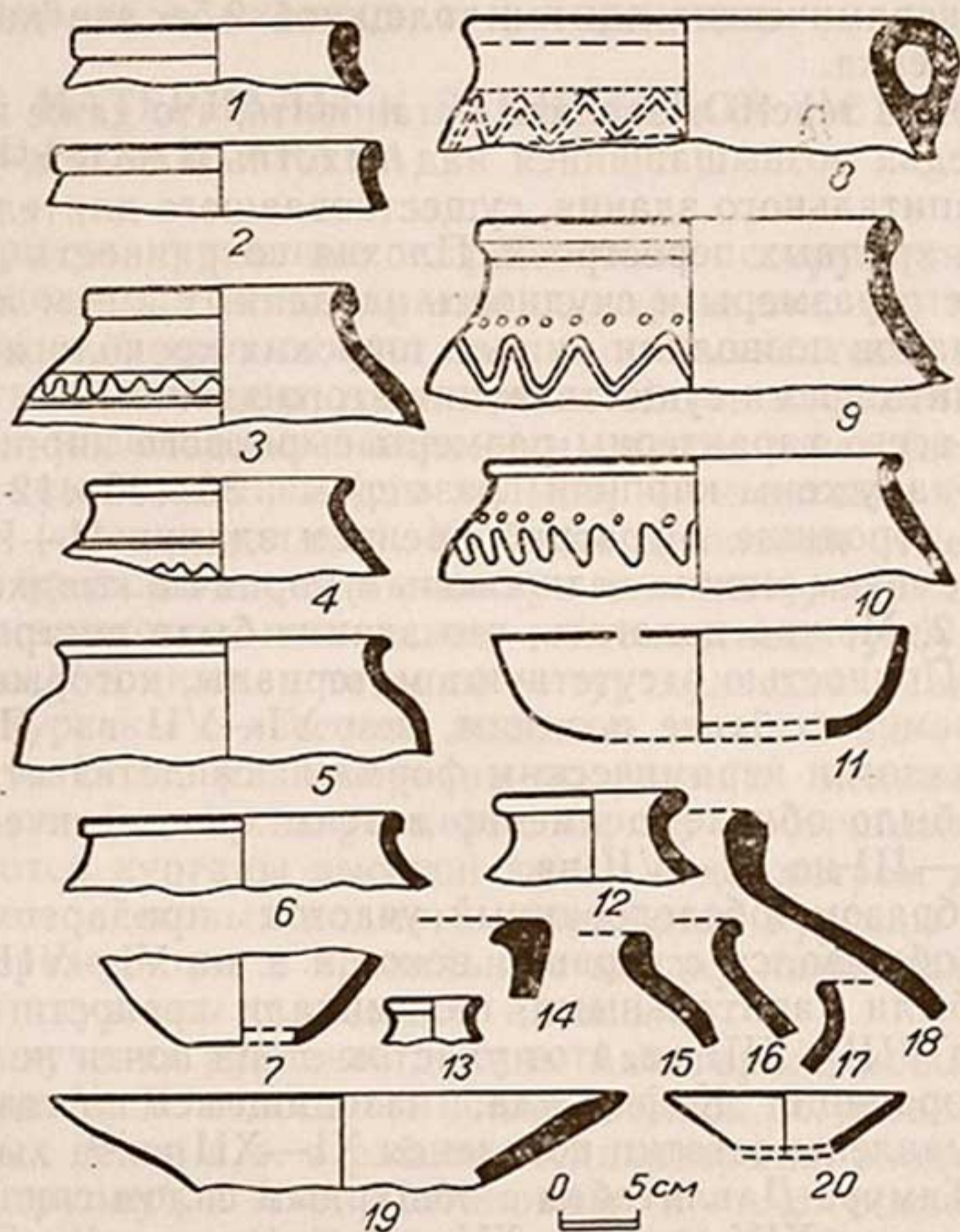

Рис. 8. Таблица керамических форм.

прямо на корпус сосуда, с отлогими плечиками (рис. 8, 15, 16, 18). Подобные хумы с венчиком, наложенным на корпус, из наслоений Пянджикента датируются VI—началом VII в.¹⁸

На одном из фрагментов хума, на внешней поверхности расширенной части корпуса, видны два круговых ряда углублений, похожих на след от веревки. Возможно, веревки применялись при изготовлении сосуда для стягивания после формовки, но следы их остались, напоминая орнамент. Характерны сосуды типа тарелок, с пря-

¹⁷ Тереножкин А. И. Раскопки в кухендизе Пянджикента. МИА, вып. 15, М.—Л., 1950, с. 91, табл. 41, 4-й.

¹⁸ Тереножкин А. И. Там же, с. 91, табл. 41, 4-г.

мыми полого расходящимися в стороны стенками (рис. 8, 19, 20). Похожие сосуды встретились нам на одном из памятников Нахшеба, датированном II—III вв. н. э.¹⁹

Из сосудов лепной работы найден только один фрагмент котла из жаростойкой глины, густо насыщенной кварцевыми частицами; венчик котла образован простым отгибом края устья (рис. 8, 17).

Кроме описанных фрагментов сосудов, обнаружены только два фрагмента керамических плиток толщиной 2,5 см и каменная шестигранная терка.

Раскопки на тепе 6 позволили установить, что даже наименьший из бугров, едва возвышавшийся над пахотным полем, — развалины довольно капитального здания, существовавшего длительное время, видимо, без крупных перестроек. Плохая сохранность памятника, небольшие его размеры и скудность найденных в нем археологических материалов позволили лишь в широких хронологических рамках определить время существования этого здания.

Прежде всего характерны размеры сырцового кирпича: в кладке стены обнаружены кирпичи размером $36 \times 36 \times 12$ см, как и в отрытом на городище Афрасиаб древнем здании II—III вв. н. э.²⁰ Этим же временем можно датировать и кирпич в кладке над полом помещения 2. Можно полагать, что здание было построено во II—III вв. н. э. Полностью отсутствуют материалы, которые можно датировать временем более поздним, чем VI—VII вв. Приведенные немногие аналогии керамическим формам свидетельствуют о том, что здание было обитаемо именно в этих хронологических пределах — со II—III по VI—VII вв.

Таким образом, обследованный участок придаргомской степи интенсивно обживался с первых веков н. э. по VI—VII вв. Жилые постройки были капитальными, напоминали крепости.

В период VIII—XIII вв. этот участок степи почти не обживался: только на городище Кафиркала, находящемся на самом берегу Даргома, выявлены остатки поселения XI—XII вв.²¹

Дворец Тимура Давлятабад с обширным садом свидетельствует о том, что в конце XIV—начале XV в. была сделана крупная попытка оросить эти уже давно заброшенные земли. Видимо, работы были связаны с устройством загородного дворца могущественного завоевателя, использовавшего огромные трудовые ресурсы из завоеванных стран²². К редким памятникам можно отнести Каракчитепе как руины сторожевой крепости для охраны дворца.

¹⁹ Кабанов С. К. Руины жилища земледельца II—III эв. ИМКУ, вып. 11, Ташкент, 1974, с. 80, рис. 2, 8.

²⁰ Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. Сб. «Афрасиаб», вып. II, Ташкент, 1973, с. 39.

²¹ Шишкин В. А. Указ. соч., с. 36.

²² Признаки оросительных работ времени Тимура и тимуридов выявлены и на другом участке — по трассе строительства Искиангарского канала. См.: Кабанов С. К. Археологические наблюдения на строительстве Искиангарского канала. ИМКУ, вып. I, Ташкент, 1959, с. 159—160, 173—174.

В. АМИНОВ, Ю. Ф. БУРЯКОВ, Т. К. ХОДЖАЙОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДОЛИНЫ АХАНГАРАНА

Характеризуя курганные погребальные сооружения Средней Азии, исследователи неоднократно подчеркивали, что по насыщенности ими одно из первых мест занимает Ташкентский оазис¹. Наиболее богата ими долина Ахангарана. Здесь выявлены и небольшие цепочки, называемые населением «жетты тепе» (семь холмов), и более крупные «юзтепе» (сто холмов) и гигантские скопления — «минг тепе» (тысяча холмов). Крупные скопления отмечены в верховьях реки близ сел. Акча (акчинское мингтепе), в среднем (карахатское, алмалыкское, пскентское, тойтепинское, туябугузское или алимкентское)² и нижнем течении — турткульское³. Чаще всего это небольшие курганы с лёссовой насыпью высотой 0,5—1,5, диаметром 10—15 м. Более разнообразны по формам мелкие скопления. Во-первых, колеблются их размеры: наряду с обычными небольшими встречаются курганы высотой до 2,5 и диаметром до 25 м; во-вторых, кроме лёссовых холмов, попадаются курганы с каменной насыпью, переходящие в правильную кладку каменных наусов, но преобладают курганы с лёссовой насыпью.

Начало изучения курганов долины Ахангарана можно отнести к 1928 г., когда М. Е. Массоном исследовались погребальные сооружения первых веков н. э. в районе Ислахатарыка, входящие в Тойтепинскую группу⁴, а А. А. Потаповым и М. В. Всеводским при участии В. Д. Жукова, Т. Г. Оболдуевой и И. Н. Луцкевич в 1929—1930 гг. было вскрыто 77 курганов Пскентского могильника, включавших разнообразную группу погребений от грунтовых ям до наземных склепов, датируемых в пределах первых веков до н. э.—XIV в.н.э.⁵ Около ста курганов и наусов было раскопано в 1957—

¹ Смирнов Е. Т. Древности в окрестностях Ташкента. Ташкент, 1896, отдельный оттиск; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н. э. М., 1971, с. 163.

² Массон М. Е. Ахангаран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, с. 19.

³ Выявлено в 1974 г. К. Алимовым, Ю. Ф. Буряковым и Х. И. Дуке. Материал не опубликован.

⁴ Массон М. Е. Ахангаран..., с. 19—25; Он же. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1976, с. 26—51.

⁵ Потапов А. А. Пскентский курганный могильник. Архив ГУОПМК Министерства культуры УзССР, 1930, № 31.

1960 г. Т. Агзамходжаевым. Значительная часть их относится к Туябугузскому мингтепе⁶. С 1972 г. исследования были продолжены К. Алимовым⁷. Наусы с погребениями и оссуарными захоронениями в Пскентском мингтепе вскрывались Ю. Ф. Буряковым⁸, а в верховьях Ахангарана погребения с каменной выкладкой и подземные наусы изучаются О. М. Ростовцевым⁹. Однако не все работы содержали информацию для этногенеза населения Ташкентского оазиса, так как антропологические останки были либо плохой сохранности, либо не изучались.

Вместе с тем при освоении земель под распашку или городскую застройку многие курганные группы подверглись уничтожению. Эта участь постигла в частности накпайское мингтепе в устье Алмалык-сая, которое разрушается при расширении г. Алмалыка¹⁰. Частично уничтожены и небольшие курганные скопления в устье Каракияся на периферии древнего городища Кульата, отождествленного с Туккетом, известным металлургическим центром Ташкентского оазиса поры средневековья¹¹. Обследование показало, что с трех сторон, кроме северной, к городищу примыкали 4 могильника с лёссовыми курганами. В связи с освоением северо-восточной периферии городища под производственные нужды Алмалыка в 1977 г. одновременно с раскопками было осуществлено наблюдение за вскрытием курганов к северо-востоку от городища. Большинство курганных насыпей с nivelировано распашкой площади под поля, что затруднило выявление границ могильника, но по оставшимся насыпям можно считать, что высота курганов 0,5—1,5, диаметр до 15—20 м. В описанном могильнике вскрыто 9 взрослых и 3 детских погребения. Кроме того, одно детское погребение вскрыто в цитадели Кульата, одно взрослое в юго-восточном рабаде.

Погребение 1 (рис. 1,1). Подбойное, в плане прямоугольной формы размером 160×50 см. Глубина дромоса 1,15 м. Погребальная камера расположена к юго-западу от дромоса, ориентирована с северо-запада на юго-восток. Входное отверстие закрыто 6 сырцовыми кирпичами размером 50×25×10 см, положенными в один ряд. Погребение вытянуто, костяк слегка повернут на правый бок, головой на северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Около лицевой части стоял плоскодонный горшочек (рис. 2,2) с ручкой, завершающейся стилизованной фигуркой барана.

⁶ Агзамходжаев Т. Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I—VIII вв. н. э. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1966.

⁷ Буряков Ю. Ф., Алимов К., Бурякова Э. Ю. Исследования в зоне Туябугузского водохранилища. Археологические открытия 1972 г., М., 1973, с. 456; Алимов К., Буряков Ю. Ф., Дукее Х. И. Исследования в Ташкентской области. Археологические открытия 1975 г., М., 1976, с. 525.

⁸ Буряков Ю. Ф. Пскентские наусы. «Советская археология», с. 196.

⁹ Материалы не опубликованы.

¹⁰ Нами осматривались некоторые материалы, собранные краеведом И. В. Печуркиным. Они представлены лепными крупными и мелкими горшками каунчинского типа и украшениями, среди которых интересны золотые серьги с ажурной накладкой и инкрустацией красного стекла.

¹¹ Массон М. Е. Ахангаран..., с. 93—96.

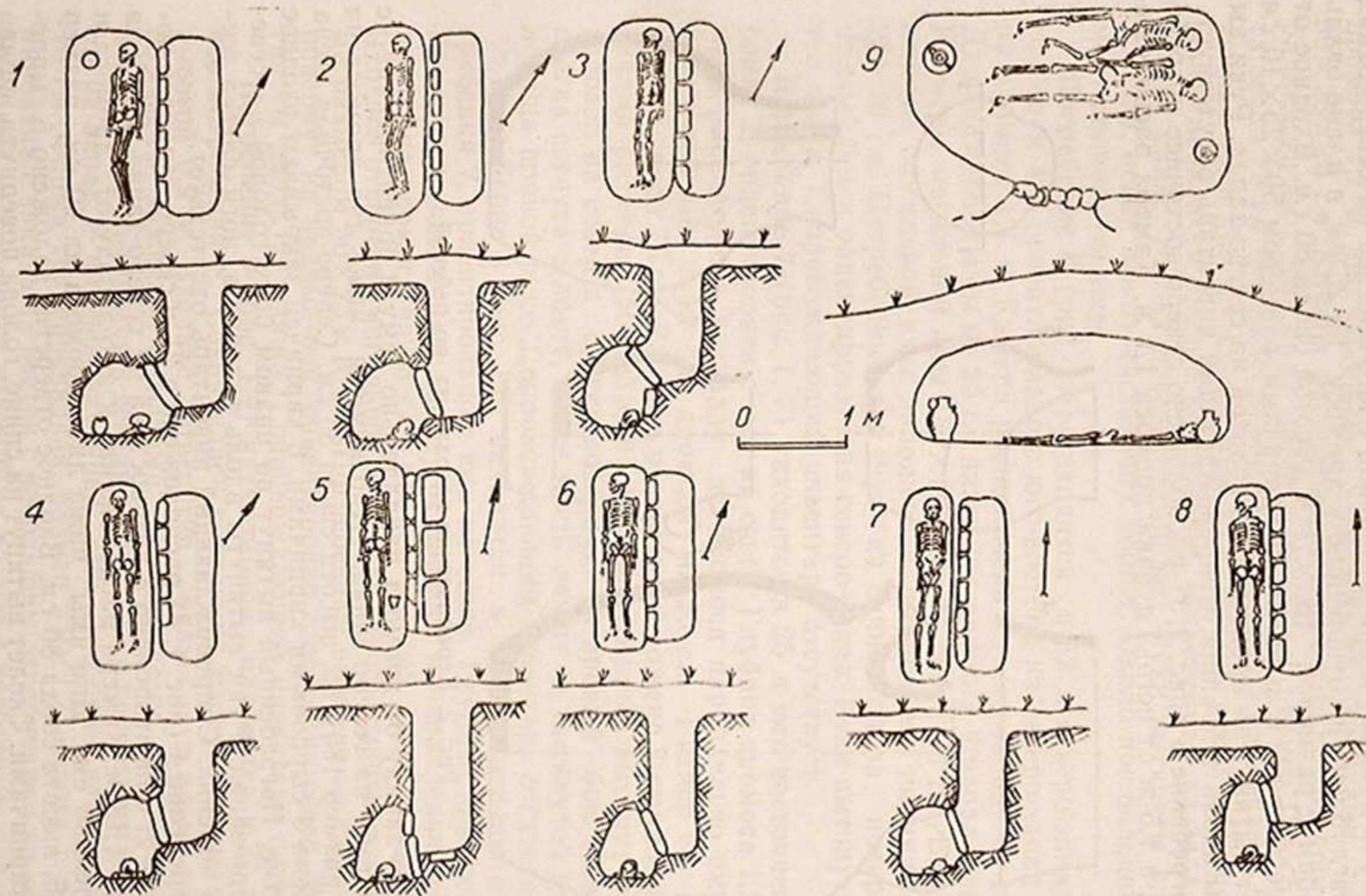

Рис. 1. Погребальные курганы (планы и разрезы).

Погребение 2 (рис. 1,2). Подбойное, расположено в 40 м севернее погребения 1. Глубина дромоса 1,25 м. Камера расположена параллельно дромосу и ориентирована с юго-востока на северо-запад. Она заглублена по отношению к дромосу на 25 см, в плане овальной формы, размером 180×70 и высотой свода 80 см. Входное отверстие закрыто 6 сырцовыми кирпичами размером 50×25×10 см. Скелет вытянут на правом боку, головой на северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Погребение 3 (рис. 1,3) расположено северо-восточнее погребения 2, в 1,5 м от него. Глубина дромоса 1,1 м. Камера расположе-

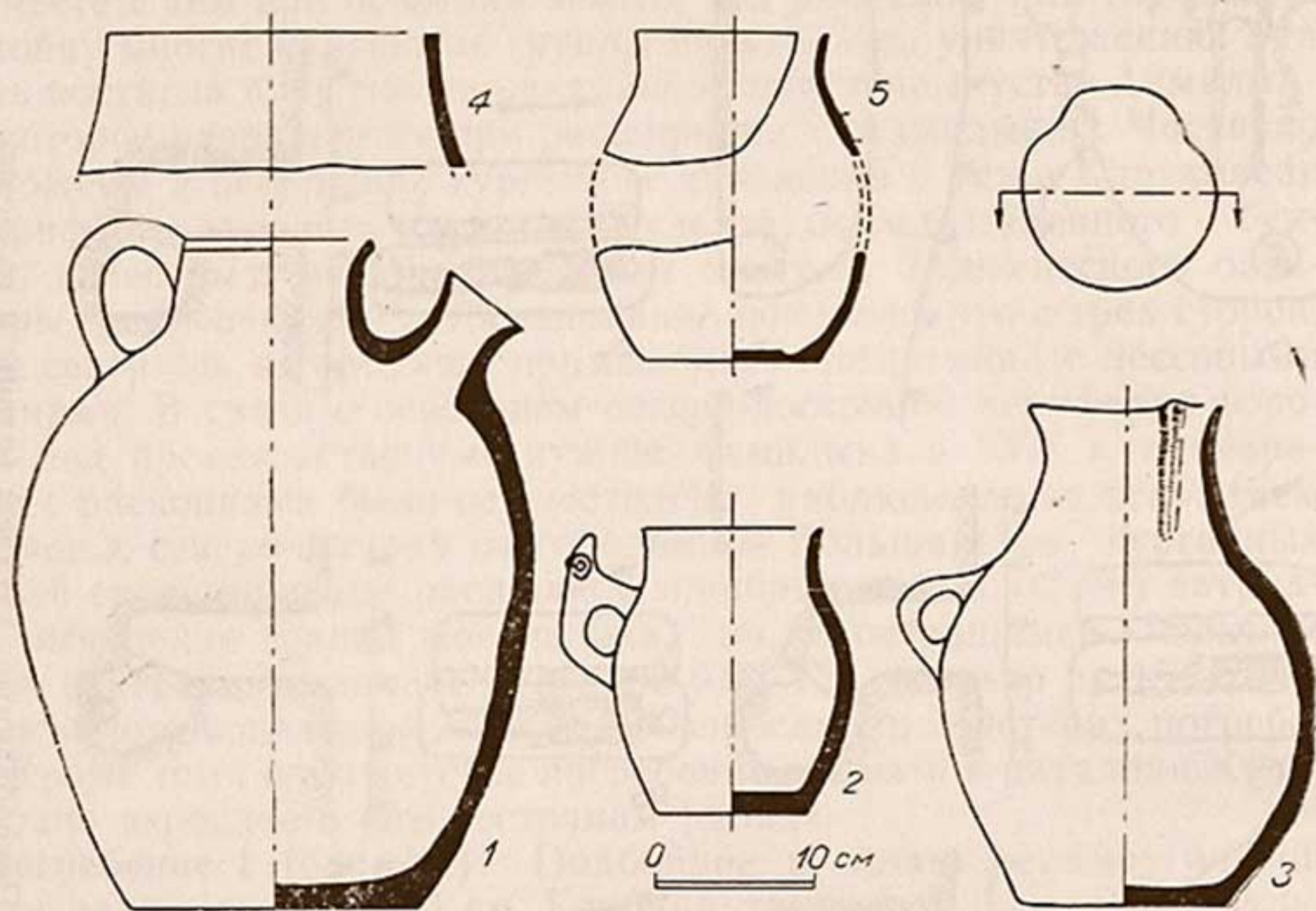

Рис. 2. Керамические находки из погребений.

на к юго-западу от дромоса параллельно ему и ориентирована с юго-востока на северо-запад. Дно камеры ниже дна дромоса на 45 см, размер 180×65, высота свода 80 см. Северо-восточная стена выложена 3 сырцовыми кирпичами, 6 кирпичей закрывают входное отверстие. Погребенный вытянут на правом боку головой на северо-северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленях. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Погребение 4 (рис. 1,4) расположено в 21 м северо-западнее погребения 2, ориентировано с юго-востока на северо-запад. Глубина дромоса 1,15 м. Камера расположена к юго-западу от дромоса и параллельно ему. Дно ямы ниже дна дромоса на 40 см, размер 180×55, высота свода 80 см. Входное отверстие заложено 6 сырцовыми кирпичами. Скелет вытянут на спине, голова повернута вправо и ориентирована на северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Погребение 5 (рис. 1, 5) находится в 54 м южнее погребения 2, ориентировано с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Глубина дромоса 1,7 м, дно выложено 3 сырцовыми кирпичами размером $50 \times 25 \times 10$ см. Камера расположена к юго-западу от дромоса параллельно ему. Дно ниже дромоса на 32 см, размер 180×55 , высота свода 75 см. Входное отверстие заложено 9 кирпичами, 6 из них упираются в дно могильной ямы, 3 положены сверху. Погребенный ориентирован на север с небольшим отклонением на запад, вытянут на спине, голова повернута вправо. Руки вытянуты вдоль туловища, левая лежит на тазовых костях. Около ног большой фрагмент лепного горшка.

Погребение 6 (рис. 1, 6) находится в 52 м северо-западнее погребения 4 и ориентировано с юго-востока на северо-запад. Глубина дромоса 1,4 м. Камера расположена к юго-западу от дромоса. Дно могильной ямы на 25 см ниже дна дромоса и параллельно ему. Размеры могильной ямы 180×50 , высота свода 70 см. Входное отверстие могильной ямы заложено 6 сырцовыми кирпичами $50 \times 25 \times 10$ см. Погребенный вытянут на спине, голова повернута на правый бок и ориентирована на северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Погребение 7 (рис. 1, 7) находится в 25 м юго-восточнее погребения 2, ориентировано с юга на север. Глубина дромоса 1,2 м. Камера расположена к западу от дромоса параллельно ему. Дно могильной ямы ниже дна дромоса на 20 см. Размер ее 180×40 , высота свода 75 см. Входное отверстие заложено 6 сырцовыми кирпичами размером $50 \times 25 \times 10$ см. Погребенный вытянут на спине головой на север и слегка повернут на правый бок. Левая рука слегка согнута в локте, левая кисть лежит на вытянутой вдоль туловища правой руке. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Погребение 8 (рис. 1, 8) находится в 3 м северо-восточнее погребения 7, ориентировано с юга на север. Глубина дромоса 80 см. Камера расположена к западу от дромоса и параллельна ему. Дно ниже дна дромоса на 35 см, размер 185×45 , высота свода 80 см. Входное отверстие могильной ямы заложено 6 сырцовыми кирпичами размером $50 \times 25 \times 10$ см. Погребенный вытянут на спине, слегка повернут на правый бок, ориентирован головой на север. Руки вытянуты вдоль туловища. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Погребение 9 (рис. 1, 9) катакомбное, находится в 27 м севернее погребения 8. Сохранилась курганная насыпь диаметром 5 и высотой 0,5 м. Входное отверстие овальное в плане размером 80×60 см, заложено большими булыжниками. Глубина дромоса 4 м. Камера находится к северу от дромоса с небольшим отклонением на запад и перпендикулярна ему. Дно ниже дна дромоса на 10 см. Форма трапециевидная, размер $2,9 \times 1,7$, высота 1 м, ориентирована с запада на восток с небольшим отклонением на север. На полу два погребенных головой на восток с некоторым отклонением на север. Первый погребен на левом боку, руки согнуты в локтях, левая кисть находится под правой рукой второго. Кости правой

ноги вытянуты вдоль края могильной ямы, левая слегка согнута. Второй погребен в центре камеры, вытянут на спине, голова повернута влево. Руки вытянуты вдоль туловища. Чуть выше тазовых костей остатки железного предмета овальной формы, толщиной 0,3 см, размером 2,5×2,8 см. Вероятнее всего — поясная пряжка.

В северо-западной части камеры найден кувшин (рис. 2,1) с петлеобразной ручкой и носиком-сливом, снаружи покрыт беловатым ангобом. Часть кувшина закопчена до черного цвета. В юго-восточной части камеры находился второй кувшин (рис. 2,3) с ручкой, сливом и полосчатым лощением поверхности.

Кроме взрослых, здесь вскрыто 3 детских захоронения, располагавшихся на глубине 0,7—0,8 м от поверхности. Однако сохранность их настолько плоха, что ни ориентации погребенных, ни границ могильных ям установить не удалось. Несколько лучше сохранилось детское погребение, вскрытое при раскопках в цитадели (раскоп 1), на глубине 11 м от современной поверхности и в 1 м от древней поверхности. Погребение в материковом лёссе, катакомбное, рассчитать целиком конструкцию не удалось, так как она уходила за пределы раскопа. Камера вытянута с севера на юг, размером 140×80 см, дромос подходил к длинной стороне ямы около ног и, вероятно, ступенями. Входное отверстие заложено комьями глины красноватого оттенка. У входа на полу камеры расчищена выстилка из галечника со следами сильного обжига. Погребенный ребенок лежал на спине, головой на север, лицом вверх. Слева у головы целый лепной плоскодонный сосуд в слоях завала, около ног — приземистый, чернолощенный горшок, разбитый в древности. Помимо этого, в северо-восточном рабаде обследовано еще одно погребение, совершавшееся по мусульманскому обряду. Погребение разрушено, но по стандарту кирпича закладки может быть отнесено к X—началу XI в.

Таким образом, выявлено три этапа погребальных комплексов. Погребение в цитадели стратиграфически относится к поре, предшествующей городищу, или ко времени его становления. Могильник же в северной части пригорода связывается с ранними этапами жизни города, и погребение из северо-восточного рабада относится к поре X—начала XI в. н. э.

Инвентарь из погребений, помимо невыразительной железной пряжки, представлен керамикой. Посуда вся лепная. В могильной камере погребения в цитадели, как отмечалось, найдено два сосуда — невысокий груболепной красноглиняный плоскодонный кувшинообразный сосуд с раздутым туловом и небольшой петлевидной ручкой. По венчику и плечу внутри и снаружи полосы потеки черно-коричневой росписи. Высота 14,7, диаметр венчика 7,5×8,5, диаметр дна 8,5×9 см. Тип характерен для поры Каунчи I и может быть датирован первыми веками до н. э. — первыми веками н. э.¹² Сосуд, попавший в ноги, иного типа. Это черноглиняный

¹² По форме к нему близки, например, сосуды из Актобе-2. Сводку материалов см.: Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи. С. 173—175, рис. 57, 15—17.

горшок андроновской формы с плоским дном, округлым туловом и прямо поставленным венчиком. По верхней части тулова—процарапанный орнамент (точечная полоса между двух ломаных линий). Точечный горизонтальный пояс проходит и под венчиком, и по самой широкой части тулова. Сосуд, вероятно, переотложен и во фрагментарном разбитом состоянии попал в засыпку погребения. Само же погребение раннекаунчинского периода. Более выразителен комплекс из основного могильника в северном рабаде. Керамика представлена сосудами двух типов.

Первый тип — крупные одноручные кувшины с вертикальной петельчатой ручкой, прилепленной чаще к плечу сосуда, но в одном случае нижним концом к плечу, верхним к закраине. Венчики, слегка отогнутые наружу, лепестковидные. Один сосуд с носиком цилиндрической формы с раструбом. Орнамент только на кувшине с носиком. Он представлен росписью в виде растекающихся полос.

Для датировки погребений интересны и ручки. У сосуда с носиком она неправильной формы в разрезе, у сосуда с лепестковидным венчиком — пластинчатая, у третьего кувшина пластинчатая с вертикальным желобком-разрезом по наружной стороне. Последний прием считается характерным для Каунчи II¹³. Фрагменты сосудов с аналогичными ручками найдены в XII—XIV ярусах раскопа I Кульаты. Сосуды с носиком, орнаментированные потеками, встречаются с поры Каунчи I, но у них более широкие приземистые формы¹⁴, сосуды же из Кульатинского кургана более яйцевидной формы, что характерно для поры перехода от Каунчи I к Каунчи II¹⁵. Однако в целом донце широкое, со следами песчаной подсыпки при формовке. Формовались сосуды в три приема — отдельно донце, тулово (иногда даже из двух частей) и горловина с венчиком. Ручка лепилась отдельно. Пропорции сосудов следующие (в см.):

	<i>a</i>	<i>b</i>	<i>v</i> *
Диаметр донцев	20,5	17,5	14
Диаметр венчиков	12,5	12,0	11
Высота сосудов	39,5	40,0	32

* *a* — сосуд с ручкой с желобком; *b* — сосуд с носиком; *v* — сосуд с лепестковидным венчиком.

Второй тип — небольшие лепные кувшинчики, вероятно, одноручные, красноглиняные, хорошего обжига. Один из погребения сохранился хорошо. Высота его 17 см, диаметр донца 9, устья 10,5 см. Дно со следами подсыпки песка. На плечике — вертикаль-

¹³ Левина Л. М. Керамика нижней..., с. 123.

¹⁴ Там же, с. 59, 76—78.

¹⁵ Там же, рис. 59, 231.

ная ручка в виде фигурки стилизованного животного, но со жгутиками завитых рожек, характерных для барана¹⁶. От второго сохранились фрагменты, но тип и пропорции аналогичны. В целом материал характерен для периода конца Каунчи I и Каунчи II, т. е. для первой половины I тыс. н. э. Раскопки Кульаты показали, что этот же материал связывается с нижними культурными наслоениями городища. Таким образом, расположение могильника на окраине города неслучайно. Некрополь оставлен первыми насельниками Кульаты¹⁷.

Полученный краниологический материал принадлежит преимущественно взрослому населению. Основная часть материала происходит из курганного могильника, датируемого I половиной I тыс. н. э., лишь один — из средневековых слоев северо-восточного рабада. Все черепа брахикранные, на всех прослеживаются характерные следы уплощения в затылочной области. Выделяется череп из погребения 3 — долихокранный. Черепа в целом небольших размеров со слабым наружным рельефом и слабо выраженным половым диморфизмом.

Череп из погребения 3 принадлежит мужчине зрелого возраста, долихокранный, затылок округлый, резко выступающий. Черепная коробка эллипсоидной формы. Лоб средненаклонный, слабо развиты надпереносье и надбровные дуги. Глазницы очень широкие и очень высокие. Лицо ортогнатное, широкое и средневысокое. Горизонтальная профилировка лица средняя. Угол носа 10°. Обращает внимание очень широкое переносье (дакриальный и симотический указатели исключительно малы). Ширина грушевидного отверстия очень большая. Расовый тип смешанный — превалируют монголоидные черты.

Остальные черепа плохой сохранности, резких различий между собой не имеют. Все брахикранные, черепная коробка овоидной формы с характерным уплощением в затылочной области. Черепа сильно монголизированы. Особняком стоит подъемный средневековый череп из северо-восточного рабада. Он брахикранный, с сравнительно узким и высоким лицом, высокими глазницами и резко выступающим носом. Лицевая часть в горизонтальном плане сильно выступающая. Расовый тип европеоидный. По погребальному обряду и сопровождающему инвентарю этот тип захоронения характерен в целом для широкого района кочевых и осевших на землю племен каунчинского круга, ядром которого являлся древний Чач. Поэтому наиболее близкие аналогии и антропологические, и для сопровождающего инвентаря мы находим в каунчинских по-

¹⁶ Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935, с. 16, рис. 16.

¹⁷ Факт расположения курганных могильников каунчинского времени рядом с поселениями и городищами этого времени в Ташкентском оазисе отмечен в литературе. См.: Левина Л. М. Керамика..., с. 163; Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 97.

гребениях Туябугузского водохранилища, Хантепинского мингтепе из Кавардана Среднечирчикского района¹⁸ и погребений Янгиюля и Вревской¹⁹, которые также датируются первыми веками н. э. Особенность кулятинского населения этой эпохи — ярко выраженная монголоидность. Это несомненный показатель тесной связи с кочевыми племенами засырдарьинских степей. Нарастание монголоидности у населения Средней Азии, особенно ее северных районов, начавшееся в раннежелезном веке, особенно резко увеличивается в каунчинскую пору. Этот процесс доказывается и кулятинскими погребениями. Не исключено, что Ташкентский оазис влиял не только культурно, но и антропологически на соседнюю Фергану, особенно северную, которая более тяготела к Ташкентскому оазису, чем к центральной и восточной Фергане²⁰. Однако состав населения Куляты не был одинаков на различных этапах. В этом отношении интересен череп, упоминавшийся в перечне находок из средневековых слоев IX—XII вв. северо-восточной части рабада, найденный в подъемном материале. Слои потревожены бульдозером, снесшим и погребение. О характере захоронения мы судить не можем, но сам череп отличается от краниологического материала более раннего периода. По расовым особенностям он напоминает черепа раннефеодалного Пенджикента в Согде и черепа из могильника Дашти Урдакон, принадлежавшего городскому населению Пенджикента и его земледельческой округи. В то же время следует отметить, что этот тип широко распространен у населения Ферганской долины с I тыс. н. э.

Таким образом, мы можем констатировать определенное пополнение населения в пору развития феодализма за счет иного расового типа — согдийцев и ферганцев. Это подтверждается и политическими, и экономическими данными, которые свидетельствуют о повышении роли согдийской культуры в развитии городской жизни Ташкентского оазиса. Та же картина происходит в Фергане (особенно с конца VII—нач. VIII в.), вплоть до ухода части согдийского населения в период борьбы с арабами в восточные области — Чач и Фергану, что влило новый компонент в состав населения городов этих владений.

¹⁸ Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов..., с. 89.

¹⁹ Воронец М. Э. Археологические исследования 1937—1938 гг. в УзССР. ВДИ, 1940, № 3—4, с. 335—337; Он же. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых вв. н. э. возле станции Вревской в 1947 г. Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. I, Ташкент, 1951, с. 43—46; Оболдуева Т. Г. Курганы каунчинской и джунской культуры в Ташкентском оазисе. КСИИМК, т. XXIII, 1948, с. 102; Агзамходжаев Т. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской. ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, с. 223—235. О дате этих курганов см.: Левина Л. М. Керамика нижней..., с. 172.

²⁰ Литвинский Б. А. Джунский могильник и некоторые аспекты Кангюйской проблемы. СА, 1967, № 2, с. 32—33; Он же. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы. Сб. «История и культура народов Средней Азии», М., 1976, с. 55.

Т. К. ХОДЖАЙОВ, В. Н. ЯГОДИН

ОПЫТ ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ МИЗДАХКАНА

Палеодемографическое изучение древнего населения на обширных пространствах Евразии начато сравнительно недавно. Правда, последние годы заметна активизация исследований в этой области, что выразилось в появлении серии работ, посвященных палеодемографической тематике¹.

Для Средней Азии пока нет попыток систематического палеодемографического осмысления накопленного археологического и антропологического материала ни в среднеазиатском, ни в региональном разрезах. Нам представляется, что попыткам рассмотрения палеодемографического состояния населения в общесреднеазиатском плане должны предшествовать узкорегиональные палеодемографические исследования и прежде всего крупных археологических комплексов, включающих и поселения, и могильники, позволяющие рассматривать вопросы палеодемографии на базе теснейшей корреляции археологических, антропологических и исторических (письменные источники) данных.

Один из таких благоприятных для палеодемографического изучения древнего населения Хорезма объектов — археологический комплекс Миздахкан², расположенный близ районного центра Каракалпакской АССР г. Ходжейли.

Насколько позволяет имеющийся материал, изучаются вопросы половозрастных соотношений, средняя продолжительность жизни, уровень детской смертности, вопросы численности населения и его динамика. Для того чтобы вычислить эти данные, могильник должен быть раскопан полностью. Обязательное условие работы — сбор всего костного материала и изучение его на предмет определения возраста и половой принадлежности.

¹ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963; Алексеев Б. П. Палеодемография СССР. «Советская археология», 1972. № 1; Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. М., 1973; Масимов М. Гончарное производство раннегородского центра эпохи бронзы (по материалам раскопок Алтын-депе). Древний город Средней Азии, Л., 1973; Байпаков К. М. Жилые кварталы позднесредневекового Отрара и вопросы исторической демографии. Тезисы докладов сессии, посвящ. итогам полевых археол. и этнограф. исследов. 1972 г. в СССР, Ташкент, 1973.

² Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

Биологический³ возраст взрослых людей определяется на основании степени облитерации швов черепной коробки и стертости зубов, половая принадлежность — по степени развития области глабеллы, сосцевидного отростка, а также по размерам черепа и длинных костей конечностей и таза в целом.

Расчет среднего возраста производится в соответствии с обычно принятой в палеоантропологии градацией: детский I — до появления первых постоянных коренных зубов (0—7 лет), детский II — до появления вторых постоянных коренных зубов (до 12—13 лет), юношеский — до закрытия основного затылочного синостоза (до 19 лет), возмужалый — до 35 лет, зрелый — до 55 и старческий — 55 лет и выше.

Общая численность населения Миздахкана исчислялась, во-первых, по материалам раскопок некрополя (подсчет количества погребений определенного исторического периода на единицу площади); во-вторых, по площади поселения в данный исторический период (на основании изучения поселения), характеру внутренней застройки (жилье, производственные, культовые, парадные и т. п. помещения). Определялись площадь, занятая жилыми постройками, по возможности количество этих построек или помещений и максимальное количество жителей, которое могло жить в отдельном жилище или помещении. Для корректировки полученных данных число жителей города для определенного исторического периода вычислено и по некрополю.

Основой для работ послужили материалы исследования топографии памятника, в особенности данные о площади поселения и могильника в разные исторические периоды. Богатый материал для изучения вопросов палеодемографии получен в ходе раскопок некрополя.

Индивидуумы, у которых определены пол и возраст, распределяются по периодам следующим образом:

III—VI вв. н. э.	— 13 костяков
VII — середина VIII в.	— 137
Вторая половина VIII—XII вв.	— 133
XIII — XIV вв.	— 207
XVII — начало XIX в.	— 38

В V—I вв. до н. э. площадь Миздахкана равнялась 4—5 га. Очень скудные материалы не позволяют судить о численности и средней продолжительности жизни населения Миздахкана этого периода.

В III—VI вв. н. э. Миздахкан уже занимал 8 га. Средняя продолжительность жизни 29 лет. Значит, в течение 400 лет здесь прожило 14 поколений, одно поколение охватывало 86—257 человек.

В некоторых частях города на 1 га проживало 2—32 человека. Уровень детской смертности равнялся 30,8%, т. е. одна треть жителей Миздахкана умирала в детском возрасте. 15,4% населения со-

³ Биологический возраст иногда может несколько отличаться от календарного (паспортного).

ставляли дети до 7 лет, 15,4% — от 8 до 12—13 лет. 55,8% — молодые (до 35 лет) и 15,4% пожилые люди. Людей, переживших 60 лет, в этот период вообще не обнаружено. Мужчин было несколько больше женщин (66% всего взрослого населения; таблица). Определение этого показателя иногда проливает свет на некоторые исторические явления. На памятнике X—XI вв. Бранешты, расположенном в Прутско-Днестровском междуречье, 70% взрослого населения составляли женщины. Дальнейшие поиски привели к тому, что мужское население города вело военные действия вдали от родных мест, т. е. погибших хоронили в чужих краях, чем и объясняется малое число мужских погребений в Бранешты.

Сведения палеодемографического характера о населении Миздахкана

Показатель	III-VI вв.	VII—сере- дина VIII вв.	Вторая по- ловица VIII—XII вв.	XIII—XIV вв.	XVII—на- чало XIX в.
Общая численность, чел. населения некрополя (по данным поселения)	83—257	360—600	85	3429	—
Средняя продолжительность жизни, лет	—	—	460	—	—
Уровень детской смертности, %	29	28	29	30	33
Возрастное соотношение, %	30,8	20,5	32,3	35,2	17,2
дети до 7 лет	15,4	7,2	27,0	21,2	10,3
с 7 до 14—15	15,4	13,3	5,3	14,0	6,9
юноши	7,7	3,6	0,8	2,5	—
возмужалые	46,1	46,1	47,4	36,2	20,7
зрелые	15,4	29,2	19,5	23,2	51,6
старческие	—	0,7	—	2,9	10,3

VII — середина VIII в. В течение 150 лет на Миздахкане прожило 5 поколений. На протяжении жизни одного поколения здесь проживало 360—600 человек. По сравнению с предыдущим периодом численность населения Миздахкана несколько увеличилась, плотность его на 1 га — 30—50 человек.

Средняя продолжительность жизни в данном периоде с учетом детей — 28 лет. Уровень детской смертности несколько падает — 1/5 всех умерших. В основном люди умирали сравнительно молодыми — в пределах 15—30 лет (46,8%) и в зрелом возрасте (29,2%). Старики составляли 1% общего числа умерших. Мужчин насчитывалось 61,1%.

Палеодемографические сведения получены и для населения Токкалы (Каракалпакская АССР) этого периода⁴. Дети в подавляющем большинстве умирали, не дожив до 7 лет (26,3%). В возрасте 30—50 лет умирало 60% людей. Старые люди составляли 6%. Мужчин и женщин было одинаковое число.

⁴ Ходжаёв Т. К. К антропологии населения Токкалы. Сб. «Антропология и культура Кердера», Ташкент, 1973.

Вторая половина VIII—XII в. За 450 лет на Миздахкане прожило 15 поколений. В течение жизни одного поколения проживало 85—460 человек. Плотность населения на 1 га — 48 человек. Средняя продолжительность жизни 29 лет. По-прежнему довольно высок уровень детской смертности — 32,3%. В основном среди погребенных преобладали люди молодого возраста (30—40 лет) — 67% всего населения. Мужчин было значительно больше (72,4%), чем женщин.

XIII—XIV вв. Население Миздахкана резко возрастает — до 3429 человек. Средняя продолжительность жизни 30 лет. На протяжении 200 лет здесь проживало 7 поколений людей. По-прежнему высок уровень детской смертности (35,2%). На антропологическом материале установлено, что людей, доживших до 60 лет и выше, мало (3%). Мужчин и женщин в городе равное число.

XVII — начало XIX в. Средний возраст населения увеличивается до 33 лет. Уровень детской смертности падает до 17,2%, увеличивается численность стариков — уже 10,3%.

Таким образом, средняя продолжительность жизни в Миздахкане на протяжении последних двух тысячелетий была относительно стабильной. Следует отметить, что ближе к современности она несколько повысилась. Уровень детской смертности в эпоху античности и средневековья значительно высокий, что, очевидно, связано с плохой санитарно-гигиенической обстановкой. Резкую диспропорцию в соотношении мужского и женского населения Миздахкана объяснить пока трудно.

Обращаясь к вопросу о динамике численности населения Миздахкана, можем отметить на доступном нам для анализа историческом промежутке неуклонное прогрессивное нарастание. Во второй половине VIII—XII в. отмечается некоторый спад городского населения. В то же время, согласно данным ал-Макдиси⁵, в районе города Миздахкана существовал большой земледельческий рустак с «...12 тысячами замков», под которым, очевидно, необходимо подразумевать усадьбы сельского поселения.

Освещая вопросы социально-экономической истории этого периода, С. П. Толстов отмечает сокращение количества городов и резкий рост сельского населения. Вполне вероятно, что падение численности населения для города Миздахкана обуславливается теми же причинами.

Резкое взрывообразное нарастание населения характерно для XIII—XIV вв. Хорезм этого периода входит в состав улуса Джучи. Монголы проводили политику, направленную на сосредоточение большого количества ремесленного населения в городах, часто создавая последние практически на пустом месте. Надо полагать, что резкое возрастание численности населения Миздахкана этого периода объясняется этими причинами. Этот процесс находит отражение в топографической динамике Миздахкана.

⁵ Ал-Макдиси. Ахсан ат-такасим фи-ма рифат ал-акалим. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., 1939, с. 187.

М. СААДИЕВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СОБОРНОЙ МЕЧЕТИ АФРАСИАБА

Соборная мечеть — монументальное сооружение домонгольского Самарканда — привлекала внимание многих исследователей. Местоположение мечети на основании данных средневековых авторов впервые установлено акад. В. В. Бартольдом, который в 1904—1905 гг. совместно с В. Л. Вяткиным произвел первые археологические раскопки. Было обнаружено капитальное сооружение четырехугольного плана. Изучение памятника было возобновлено в 1959 г. Основные результаты раскопок 1969—1971 гг. уже опубликованы¹, в ходе вскрытий 1971—1974 гг. получены новые важные материалы по истории и архитектуре соборной мечети, являющиеся предметом данной публикации.

Вскрытие объекта велось в наиболее интересной северо-западной части мечети (рис. 1).

Соборная мечеть расположена в северной части городища Афрасиаб, в 40 м от Сиаба к западу от цитадели древней территории города. В западной части мечети нами вскрыто помещение с наружной частью 7×7 м² и внутренней 6×6 м². Помещение восточной частью примыкает с внешней стороны к михрабной стене. Стены основательно разрушены, ширину их удалось установить примерно — 45—60 см. Все четыре стены имели ганчевую штукатурку, несли следы росписи (голубая, коричневая и розовая краска). Площадь пола 6×4 м², вымощен жженым кирпичом, уложенным плашмя (размеры $32 \times 32 \times 4$, $29 \times 16 \times 4$, $30 \times 16 \times 4,5$ см).

На северной и южной сторонах помещения есть входы. При расчистке пола в завале найдено много шлифованных малоформатных кирпичиков, а также фрагменты резной терракотовой плиты с геометрическим орнаментом. По-видимому, открытое нами квадратное здание — остатки известного мавзолея Караханидов, о чем свидетельствуют три сагана (захоронение) на кирпичном полу. Еще в 1929 г. В. Л. Вяткин при раскопках юго-западной части территории соборной мечети обнаружил несколько десятков разбитых и целых терракотовых плиток различной формы, покрытых высокой рельефной орнаментацией геометрического, растительного и

¹ Буряков Ю. Ф., Садиев М., Федоров М. Н. Соборная мечеть Самарканда XI—начала XIII веков. Сб. «Афрасиаб», вып. IV, Ташкент, 1975, с. 77—99.

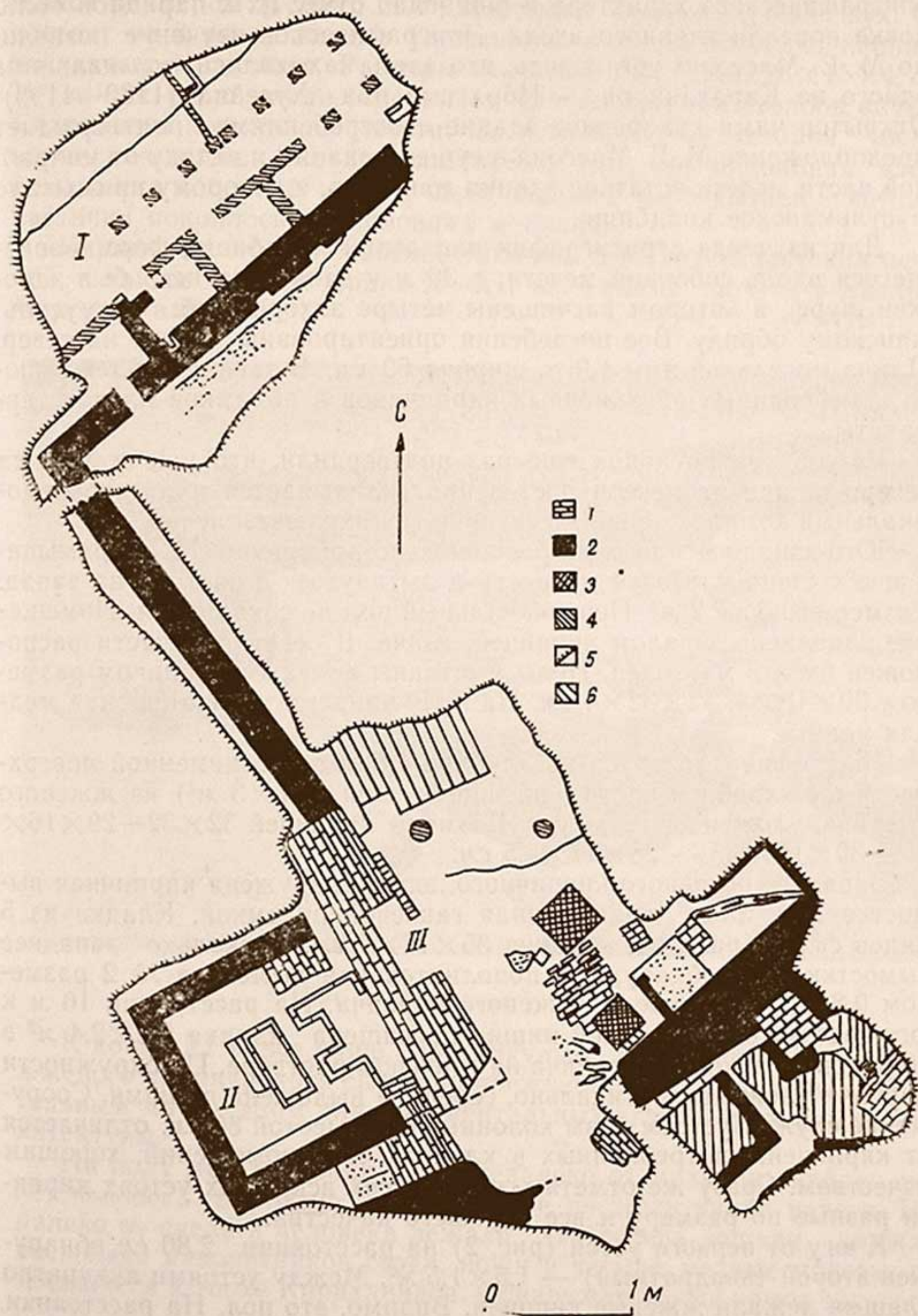

Рис. 1. План соборной мечети X—XII вв.

I—айван; II—мавзолей; III—мехраб. 1—кирпичная кладка; 2—пахсовые стены; 3—базы колонн; 4—ямы; 5—граница раскопа; 6—суфа.

эпиграфического характера и ошибочно отнес их к парадной облицовке портала главного входа. Эпиграфическое изучение позволило М. Е. Массону² установить, что здесь находилась усыпальница одного из Караханидов — Ибрагима ибн Хусейна (1180—1198). Открытое нами квадратное здание с погребениями подтверждает предположение М. Е. Массона о существовании к западу от михрабной части мечети остатков здания мавзолея, к которому примыкало мусульманское кладбище.

Для изучения стратиграфии наслоений кладбища, формировавшегося вдоль соборной мечети, в 30 м к западу от нее был заложен шурф, в котором расчищены четыре захоронения по мусульманскому обряду. Все погребения ориентированы с юга на север. Длина могильной ямы 1,9 м, ширина 60 см. В завале найдено много шлифованных обожженных кирпичиков и обломков плиток терракоты.

Результаты раскопок еще раз подтвердили, что уже в X в. на северо-западе от мечети постепенно складывается культово-мемориальный комплекс с примыкающей группой мавзолеев.

Юго-западнее мавзолея расположено помещение № 3, примыкающее к стене мавзолея и мечети и вытянутое с востока на запад. Размер его $3 \times 2,2$ м². Первоначальный пол не сохранился. Помещение заполнено завалом кирпичей, ганча. В северной части расположен вход в мавзолей. Полы выстланы жженым кирпичом размером $30 \times 18 \times 4$, $32 \times 32 \times 4$ см. На полу найдена караханидская медная монета.

На уровне 3-го яруса на глубине 1,5 м от современной поверхности в михрабной части расчищен пол ($6,7 \times 3$ м²) из жженого кирпича, уложенного плашмя. Размеры кирпичей $32 \times 32 - 29 \times 16 \times 4 - 30 \times 16 \times 4,5 - 28 \times 17 \times 4,5$ см.

Западнее основного кирпичного пола обнаружена кирпичная вымостка $2,6 \times 1,5$ м², окаймленная ганчевой окаемкой. Кладка из 5 рядов сырца, размеры кирпича $35 \times 17 \times 7$ см. Несколько западнее вымостки № 1 обнаружена дополнительная вымостка № 2 размером $0,8 \times 1,2$ м², тоже из жженого кирпича. На расстоянии 10 м к юго-востоку от михрабной ниши расчищена кладка $2,2 \times 2,4$ м² в 10 рядов из жженого кирпича на ганчевом растворе. По окружности кирпичи уложены вертикально, середина выложена плашмя. Сооружение служит устоем базы колонны № 1 высотой 80 см, отличается от кирпичей, употребленных в кладках стен помещений, хорошим качеством. Сразу же отметим, что во всех вскрытых устоях кирпичи разные по размеру и все хорошего качества.

К югу от первого устоя (рис. 2) на расстоянии 2,80 м обнаружен второй (квадратный) — $1,5 \times 1,5$ м². Между устоями аккуратно плашмя лежали жженные кирпичи. Видимо, это пол. На расстоянии 2,70 м (восточнее) от второго устоя обнаружен третий, отличаю-

² Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4, с. 164.

щийся размером (1,20×1,20м²) и формой от предыдущих двух. Он состоит из 8 рядов кладки уложенного плашмя жженого кирпича на ганчевом растворе. Размеры кирпичей 29×17×4, 28×15×4 см. Устои как бы служили основанием для колонн или столбов внутри михрабного помещения мечети. Во всяком случае находка — основание для колонн — свидетельствует о том, что михрабная часть помещения соборной мечети было здание с перекрытием, которое частично покоилось на колоннах и балках.

Кирпичные столбы особенно типичны для среднеазиатских мечетей, а также мечетей Ирана X—XII вв. Таковы мечети в Хазаре³, Чорсутун в Термезе⁴.

Рис. 2. Основание устоя колонны.

К концу XI в. все чаще практикуется сооружение мечетей из жженого кирпича, хотя сырец по-прежнему остается главным строительным материалом для монументальных зданий гражданской архитектуры.

На полу мечети, среди руин, недалеко от михраба найден скелет человека. Вероятно, это был один из защитников мечети. Недалеко от скелета человека лежали два черепа лошади, кинжал, несколько наконечников стрел, ножи и четыре медные монеты, относящиеся к эпохе Караханидов. Обнаружен также комок засохшей

³ Якубовский А. Ю. Археологическая экспедиция в Зеравшанскую долину в 1934 г. ТОВЭ, т. II, 1940, с. 137.

⁴ Шишкин В. А. Курган и мечеть Чор-Сутун в развалинах старого Термеза. Труды АН УзССР, сер. I, т. 2. История археологии. 1945, с. 139.

материи. Исследования показали, что материя тканая, волокно растительного происхождения.

К исключительным находкам нужно отнести три больших фрагмента резьбы по дереву, почерневшие от огня, найденные в завале на полу михраба. Несмотря на то, что длина и ширина фрагментов около 20 см, можно представить композицию всего рисунка. В верхней части сохранилась разнообразная орнаментальная резьба, нижняя украшена западающими крестиками. Боковая поверхность декорирована поясом пятилепестковых пальметт и стилизованными листьями.

Кстати, орнамент с пятилепестковой пальметтой характерен для резьбы по дереву в Пенджикенте⁵ и Шахристане. Подобные же элементы резного орнамента находят в искусстве народов Ближнего и Среднего Востока.

К западной михрабной стене мечети, севернее михраба, примыкала суфа квадратной формы (320×320 см). Уровень основания суфы на 30 см выше уровня пола двора мечети. Сохранность очень хорошая, поверхность обмазана толстым слоем глиняной штукатурки и обожжена. С южной стороны к суфе примыкает ступень.

Над суфой был довольно рыхлый слой (до 60 см) пережженной земли, угля от деревянных частей. При расчистке суфы и устоев в завалах на всем участке выяснилось, что кирпичи положены на ребра, и предстает картина рухнувшего свода или куполка.

Встреченные в раскопе жженные кирпичи в основном розового цвета, самых разных размеров: 21×21×4; 24×24×4; 32×18×4; 34×19×4; 28×16×4 см. Таким образом, нами обнаружены разно-размерные кирпичи, какие встречаются в постройках X—XIII вв. в Самарканде. Мощение всей площади михрабной части мечети и пола мавзолея крупными кирпичами весьма характерно для мечетей как ранних (например, мечеть ибн Тулуна в Каире IX в.), так и поздних (мечеть Биби-Ханым XV в.).⁶

При расчистке устоев в завалах встречаются фигурные шлифованные резные кирпичики. Отмечено 10 типов кирпичей, служивших для украшения наружных стен. Много Z-образных, С-видных и бантиков встречается в мечети Астан-Баба (XI—XII вв.)⁷, в мечети Башана (Масжиди ас-сагит IX—X вв.) Употребление фигурных кирпичей в качестве архитектурного оформления характерно для Средней Азии XI—XII вв., и на основании аналогии фигурные кирпичи из соборной мечети можно датировать этим же временем. Л. И. Ремпель отмечает, что фигурные резные кирпичики представляют собой новый вид облицовок, едва ли не самый характерный для средневековой архитектуры времени Караханидов. Они применялись для сложной фигурной кладки. Штучные изделия резались по сырой глине или формовались тиснением, обжигались и

⁵ История таджикского народа. Т. II, кн. 1, М., 1964, с. 216.

⁶ Маньковская Л. И. Биби-ханум. М., 1963, с. 14.

⁷ Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники в селении Астана-Баба. КСИИМК, № 61, 1956.

шлифовались, приобретали приятный цвет терракоты⁸. Фигурные маломерные кирпичики, вероятно, использовались в верхних частях кладок устоев и сводов мечети.

В 1973 г. было вскрыто три помещения в южной части михраба. Несомненно, что два из вскрытых здесь помещений имели непосредственную связь с мечетью. Помещение № 4 (430×320 см) расположено к юго-востоку от михраба. В помещение ведет проем шириной 70 см в западной стене помещения, заложённый сырцовым кирпичом (29×8×5 см.). Стены сохранились на высоте около 60 см, южная стена примерно на 50 см ниже. Толщина стен 1,3 м. Штукатурка местами сохранилась только на юго-западной стене. Пол вымощен жженым кирпичом, имеет плавный скат с востока к центру и общее понижение в западном направлении, где в стене на уровне пола сохранился керамический кубур диаметром 16 см, выходящий в соседнее помещение — резервуар для сбора воды. Резервуар представляет собой прямоугольник длиной 1 м, шириной 70 см. Устройство и размер резервуара и кубура подтверждают наши предположения, что они, видимо, предназначены для омовений.

Рядом с помещением № 4 вскрыт коридорообразный проход с запада на восток, ведущий к помещению № 5. Длина прохода 3 м, ширина 65 см. Пол гладкий, имеет глиняную штукатурку. Стена коридора сложена из сырцового кирпича (45×22×10 см), оштукатурена глиняным раствором, выше которого видны росписи красного и голубого цвета.

Помещение № 5 (260×220 см) примыкает к помещению № 4, пол вымощен сырцовым кирпичом (45×22×10 см.). Стены, сложенные из сырцового кирпича, были оштукатурены с росписью голубого, красного, черного и других цветов. Характер росписи определить невозможно, так как от штукатурки остались очень мелкие фрагменты, лежащие на полу росписью вниз. В помещении найдено небольшое количество керамики. При выходе в полу пробита неглубокая яма, диаметр которой сверху 80 см; она уходит далеко вглубь под стену помещения на восток. Яму докопать не удалось, остановились на глубине 1,5 м. Помещения № 5 и 6 соединены проемом шириной 80 см. Размер последнего 280×220 см. При расчистке этого проема в рыхлом завале найден фрагмент железного ножа, несколько сильно закопченных фрагментов стенок сосудов. Пол помещения вымощен сырцовым кирпичом; западная стена, которая хорошо сохранилась, покрыта глиняной штукатуркой, восточная частично разрушена.

Весной 1974 г. автором с целью выявления планировки северо-западной части мечети был заложен шурф. В процессе расчистки стали оконтуриваться края западной стены. Вся стена в направлении с севера на юг оконтурилась на расстоянии 53 м. Для большей

⁸ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент южного Туркменистана X — начала XIII вв. и проблема сельджукского стиля. ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, с. 260—261.

устойчивости у северо-западного угла соборной мечети стена укреплена двумя рядами балок, уложенных в ее теле. В первом ряду (0,3 м сохранившейся части стены) вглубь горизонтально уложены 4 балки на расстоянии 0,8 м друг от друга, второй ряд таких же балок уложен на 65 см ниже первого на расстоянии 100 см друг от друга. Длина укрепленной части стены 6, толщина 3, высота 2,4 м (сохранившаяся часть). Привлекает внимание применение в

Рис. 3. Михрабная ниша.

кладке каркаса. Обнаружены остатки прогнивших балок. Одна сохранилась целиком: длина 1,4 м, диаметр 11 см. Толщина западной стены на всем протяжении 2—2,5 м. Построена она из сырцового кирпича (50×25×10 см.), уложенного плашмя на глиняном растворе. Посредине стены на расстоянии 40 м от северной оконечности обнаружена михрабная ниша, сложенная из сырцового кирпича (50×25×10 см). Ширина михраба 3,5, глубина около 1,5 м. Отделка михраба сохранилась на высоте 1 м. Алебастровая штукатурка гладкая со слабыми следами раскраски. Сохранились следы раскраски ганча в синий, красный, фисташковый и зеленый цвета. Для оформления стенок михраба использовались характерные для XI—XII вв. кладка спаренными кирпичами и резьба по ганчу, имитирующие кирпичную кладку.

После расчистки и удаления рыхлого грунта вскрыт земляной пол михраба, оштукатуренный глиной слоем 20 см. Слева от михраба обнаружена кирпичная кладка в виде ступенек из жженого

кирпича длиной 3 м, шириной 80 см. По-видимому, это ступенчатобразное возвышение было минбаром (рис. 3).

В течение двух полевых сезонов (1970—1971 гг.) на территории северо-западной части мечети за внешней стеной автором раскопано два связанных между собой помещения, составляющих часть комплекса соборной мечети. Помещение № 1 прямоугольной формы в плане (5,3×2,8 м) плохо сохранилось. Стены сохранились на высоте до 1,5 м, толщина 0,8 м. Нижняя часть стены сложена из двух рядов жженого кирпича (23×23×4 и 29×17×4 см), верхняя часть — из пахсы. На остатках стены заметны следы пожара. На южной части западной стены помещения на высоте 1 м от уровня пола сохранилась штукатурка с остатками росписи из растительных элементов и волнистых линий черной, коричневой, голубой и красной окраски. При расчистке пола в северо-западной угловой части помещения обнаружен остаток ямы неглубокой чашеобразной формы с низкими стенками, диаметром 0,4 м. В яме нашли куски алебаstra и одну караханидскую медную монету⁹. По-видимому, здесь изготовляли алебастр.

С запада к помещению № 1 примыкает помещение № 2 (6,3×3,2 м). Дверной проем шириной 1,20 м расположен в западном конце южной стены. Почти 0,4 м слоя над полом составляет прокаленная глина, насыщенная золой и углями, с остатками балок, рухнувших от пожара. Пол сильно обожжен. Стены были покрыты штукатуркой не менее трех раз. На восточной стене примерно в 0,9 м от уровня пола видны надписи. На протяжении X—XIII вв. мечеть посещалась верующими, которые на первоначальной штукатурке оставляли сделанные острым инструментом надписи, датируемые концом XII—началом XIII вв.¹⁰ Надпись состоит из пяти строк и имеет дату 1208 г. н. э.

На полу помещения у входа в мечеть при расчистке найдены два клада в небольших глиняных копилках. В первой оказалось 164 монеты, во второй 155 аббасидских драхм Бухархудатского образца. Монеты хорошей сохранности. На лицевой стороне изображен правитель с короной, вокруг куфическая надпись в точечном круге. На обратной стороне монеты посередине изображен алтарь огня¹¹. Аналогичные монеты были обнаружены при раскопках городища Пенджикент. М. Е. Массон относит их ко времени после 755 года. Такие дирхемы существовали до XIII в.

Рядом с монетами были найдены две терракотовые статуэтки мужчин. Одна из них изображает стоящую в фас мужскую фигуру с четкими и выразительными чертами лица, без проработки предметов одежды. Руки сложены под грудью, кисти не проработаны, в руках зажата булава-шар на стержне. Лицо обращено прямо вперед, европеоидного типа: прямой нос, небольшой рот, шея короткая,

⁹ Определение Б. Д. Кочнева.

¹⁰ Определение Т. Хусейна.

¹¹ Определение Т. С. Ерназаровой.

массивная, головной убор сложный, трехъярусный. Терракота изготовлена из красной хорошо отмученной глины, с красным ангобом.

Вторая терракота — изображение мужчины в полный рост, лицо с хорошо проработанными чертами, туловище показано схематично. Лицо монголоидное, с наискось поставленными глазами, крупным носом с горбинкой, характерный головной убор в виде усеченного конуса, спускающийся по сторонам на уши. Аналогичные изображения мы видим на известном серебряном блюде в Государственном Эрмитаже. По-видимому, одна фигурка представляет согдийца с булавой, вторая — тюрка.

Закончив раскопки в северо-западной части мечети, мы перешли к западному отрезку северной стены. На расстоянии 3 м от нее обнаружили остатки рядов квадратных (1,20×1,20) устоев высотой 40 см, выложенных из обожженного кирпича. Сохранилось 8 рядов, в которых кирпичи были хорошего качества в отличие от употребленных в выкладках стен помещений. Размеры кирпичей 22×22×4, 24×24×5 см. Устои расположены на расстоянии 3 м друг от друга. Как и стены мечети, эти кладки покрыты алебастровой штукатуркой и, несомненно, являются остатками устоев баз колонн, связанных между собой арками и поддерживающих перекрытие айвана — галереи. Пока обнаружено 14 устоев. Длина айвана 30, ширина 7 м, ориентирован он с запада на восток. Пол вымощен жженым кирпичом. Обилие древесного угля на полу подтверждает мнение о существовании большого количества деревянных колонн и перекрытий. Пол айвана настолько прокален, что местами, особенно на западной стороне, представляет собой сплошные красные пятна. Все это свидетельствует о пожаре, некогда погубившем данную часть мечети. Возможно, деревянные детали — колонны, балки, перекрытия и пр. — были причиной пожара. При расчистке пола найдены несколько железных гвоздей, серп, фрагмент ножа, наконечники монгольских стрел и самый характерный фрагмент неполированного штампованного кувшина XII в. На туловище кувшина, на широкой концентрической полосе изображено фантастическое животное, которое терзает лань. Тема лани не чужда орнаментальным сюжетам керамики Средней Азии: она изображена на четырех образцах поливной керамики из Тимуридского Шахристана Новой Нисы¹². На серебряном блюде из деревни Половодов изображен лев, терзающий лань¹³.

В Средней Азии штампованная керамика была характерна для многих городищ: Нисы, Мерва. Изделия самаркандских керамистов соперничали с лучшими вариантами штампованной керамики мастеров Среднего и Ближнего Востока.

При раскопках у восточной стены В. Л. Вяткиным были найдены «столбы». А. Ю. Якубовский предполагает, что это — основа-

¹² Пугаченкова Г. А. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. ЮТАКЭ, т. 1, 1949, с. 413.

¹³ Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, с. 23, табл. 26.

ние минарета старой саманидской мечети. Минарет при мечети — также характерная черта мусульманских культовых сооружений. Он предназначался для призыва правоверных на молитву. Минарет как башенная архитектурная форма весьма распространен в странах Ислама.

Формы минаретов в разных частях мусульманского мира различны, зависят от местных строительных традиций. Так, минареты в арабских странах чаще всего имеют вид прямоугольных башен, в Средней Азии и Северном Иране кругло-конические, сужающиеся кверху. Будучи неотъемлемой частью мечети, минарет вместе с тем мог служить и сторожевой башней. Позже минареты приобретают значение архитектурно-художественной формы и используются зодчими как элемент украшения зданий.

При вскрытии описываемой соборной мечети обнаружена масса керамического материала, особенно много в хозяйственных помещениях. Вообще в мечети нет нужды в большом количестве посуды, но для некоторых религиозных обрядов, связанных с мусульманским ритуалом, употреблялась керамическая посуда. Например, посуда после обмывания покойника передавалась в мечеть.

Кроме керамики, в раскопе оказались бусы, медные изделия, медные монеты, стекло, относящееся к периоду от III до XIII в. н. э.

Таким образом, результаты раскопок 1970—1974 гг., а также данные прежних лет позволяют составить следующую картину мечети. В основе ее — окруженный стеной прямоугольный двор, вытянутый с востока на запад с небольшим отклонением в сторону «киблы»; протяженность двора с севера на юг 89, с востока на запад 140 м. С севера и юга он обрамлен крытой галереей на прямоугольных и квадратных устоях. Мечеть включает летние, зимние и подсобные помещения. Она имела всего 7 входов — по три с северной и южной сторон, один — с восточной. Во многих местах стены оплыли, разрушились, лучше сохранились северная и частично южная. В основном стены были пахсовые, местами из крупного прямоугольного сырцового кирпича (50×26×10 см). Принцип планировки, когда двор окружается крытой галереей, весьма традиционен, встречается в таких памятниках, как мечеть Мерв XI в.¹⁴, мечеть ибн Тулуна в Каире¹⁵, соборная мечеть в Наине¹⁶, мечеть Биби-Ханым.

Ш. Е. Ратия считает, что мусульманская архитектура медленно изменялась до X в. С XI—XIII вв. появляются новые архитектурные элементы во внешнем декоративном оформлении, но планировочный тип остается по-прежнему: открытый двор прямоугольной формы, обнесенный стеной¹⁷.

При постройках мечетей в различных странах учитывались местные условия, особенно климатические. Это относится и к иссле-

¹⁴ Пугаченкова Г. А. Новое в архитектуре Средневекового Мерва. ЮТАКЭ, т. XII, 1963, с. 225.

¹⁵ Всеобщая история архитектуры. Т. 8, 1969, с. 53—56, рис. 3.

¹⁶ Там же, с. 150—151, рис. 3, 4.

¹⁷ Ратия Ш. Е. Мечеть Биби-Ханым. М., 1950, с. 101—102.

дованной нами мечети: учитывались жаркое лето и дождливые холодные периоды. Здание предстает перед нами как мечеть дворового типа с айваном, характерная для XI—XIII вв.

Археологические раскопки уточнили, что на этом же месте в IX—X вв. существовало саманидское здание мечети, построенное на месте согдийского монументального сооружения, видимо, культового. Подобные факты известны. Например, христианская церковь в Бухаре была использована под мечеть племени Бану-Ханзаля.

Таким образом, основываясь на данных раскопок о строительном материале, резных фигурных кирпичах, эпиграфике резного дерева, монетах, керамическом материале и на наблюдениях стратиграфического порядка, можно считать, что соборная мечеть Афрасиаба функционировала в IX—XIII вв.

Место расположения мечети упоминается путешественником X в. Ибн Хаукалом. Он писал: «Самарканд — город, в котором большие базары, как в крупных городах, ряд кварталов, бань, караван-сараяв и домов. Соборная мечеть находится в Шахристане, пониже цитадели, между ними проходит большая дорога».

Ю. Ф. БУРЯКОВ

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ЧАНГТЕПЕ В ТАШКЕНТСКОМ ОАЗИСЕ

Среди археологических памятников Ташкентского оазиса значительную группу составляют укрепленные и неукрепленные поселения с центральным холмом, получившим название, по определению Г. В. Григорьева, тепе с вышкой¹. Исследователь относил их к «городищам архаического типа» середины I тыс. до н. э., но последующие работы показали, что памятники эти разновременны. Значительная часть их — руины раннефеодальных замков², однако среди них встречаются и объекты более ранних эпох³.

К сожалению, несмотря на обилие, не только планировка, но и стратиграфия памятников этого типа в Ташкентском оазисе не изучены. Поэтому в 1974 г. в связи с необходимостью частичной планировки одного из объектов — Чангтепе, нами были проведены стратиграфические раскопки на его цитадели⁴.

Памятник расположен в 24 км к западу от Ташкента по дороге в г. Янгиюль на землях колхоза «Ленинизм».

¹ Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935.

² Тереножкин А. И. Холм Актепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, с. 71—133. Типология памятников этого типа проведена В. А. Нильсеном, отметившим, что очень многие тепе возникли в V—VI вв. и находились в состоянии расцвета в VI—VIII вв. См.: Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966. Широкое строительство этих сельских укрепленных поселений связывается с появлением феодального уклада и переносом в связи с этим центра общественной и производственной жизни в сельскую местность. См.: Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.

³ Наиболее детально памятники этого типа поры античности и средневековья исследованы в Хорезме. См.: Неразник Е. Е. Сельское жилище в Хорезме. М., 1976. В Ташкентском оазисе изучались отдельные памятники предшествующих эпох, например, Чаштепе, Ахмадтепе. См.: Крашенинникова Н. И. Археологические наблюдения на Чаштепе. Труды ТашГУ, «Археология Средней Азии», вып. V, Ташкент, 1960, с. 147—149; Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе. ИМКУ, вып. 10, Ташкент, 1973, с. 38—51.

⁴ Работы переведены на средства сельхозуправления Янгиюльского района. В раскопках, помимо автора, принимали участие научные сотрудники Института археологии АН УзССР Г. Дадабаев и О. М. Ростовцев, сотрудник Музея истории народов Узбекистана им. Т. Айбека К. Алимов, лаборант З. С. Галиева и переменный состав рабочих из числа учащихся школы № 35 колхоза «Ленинизм».

Впервые он был отмечен в 1934 г. в перечне памятников Чирчикской долины Г. В. Григорьевым⁵, охарактеризовавшим его как архаическое городище на мысе между Саларом и Куркульдуком с тепе, рвом и поселением в форме подковы. Культурный слой по автору незначителен, поверхностный материал датируется XII—XIV вв., на вершине холма выделен план какой-то постройки. К сожалению, размеры памятника не приводятся, план его отсутствует. В середине 50-х годов Чангтепе обследовалось М. С. Мерщевым⁶, но материалы работ не опубликованы.

В 1968—1969 гг. на поселении, окружавшем тепе с трех сторон, кроме северной, раскопки были осуществлены Г. Дадабаевым. Стратиграфическим шурфом на шлейфе южного сектора вскрыты два культурных слоя. В нижнем выявлена керамика, датированная I—IV вв. н. э. Верхний слой дал материалы, отнесенные к поре раннего средневековья. В цитадели также вскрыты два слоя. Нижний датирован VI—VIII вв. н. э., верхний — X—XII. В целом же материалы поселения датированы от первых веков н. э. до XII в., причем, судя по описанию, создание укрепления относилось к раннефеодальному периоду⁷. Ко времени наших работ памятник подвергался интенсивной перепланировке под сады и посеы, разрезан каналом и дорогой, что не позволило нам четко определить его границы. Наиболее полно сохранилась его цитадель в форме холма округлой формы с искусственно уплощенной вершиной диаметром 60 м, в основании до 110 м, высота холма 11,5 м.

С трех сторон, кроме северной, выявлено небольшое понижение, возможно, искусственный ров. Вокруг него — поселение, определенное ныне в основном по ареалу керамики, деталей архитектуры и следов ремесла по обреза́м канала⁸ (рис. 1).

Памятник изучался закладкой в центре цитадели стратиграфического раскопа площадью 100 м² (10×10 м) на всю глубину культурного слоя, до основания. Раскоп ориентирован сторонами по странам света⁹.

Верхний горизонт до глубины 1,5 м сильно изменен в связи со строительными работами середины 50-х годов. Лишь в северной части встречены непо потревоженные слои. Уже в верхнем ярусе расчищена пахсовая стенка помещения толщиной 40 см с уровнем

⁵ Памятник носит два названия. Местные жители называют его и Чангтепе и Югантепе. Г. В. Григорьев ввел его в литературу под названием Чантепе (см.: Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке..., с. 43), Г. Дадабаев — Чангтепе (см.: Дадабаев Г. История орошения правобережной части Чирчикской долины. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1974, с. 19). Поскольку имя Югантепе носит лежащее поблизости феодальное городище, мы приняли название Чангтепе.

⁶ Устное сообщение М. С. Мерщеву автору.

⁷ Результаты раскопок полностью не опубликованы. Краткие сведения см. Дадабаев Г. История орошения..., 1974, с. 19.

⁸ В связи с этим южная граница поселения дана условно по линии современного канала, в южном обресе которого материал почти отсутствует.

⁹ Для удобства фиксации раскоп был разбит на квадраты 2×2 м, вертикальная фиксация по ярусам через 0,5 м.

пола на глубине 50 см (рис. 2). Несколько лучше сохранились слои второго архитектурно-строительного этапа. Они представлены монументальной пахсовой стеной толщиной до 1 м, проходившей с востока на запад. На восточном отрезке к ней примыкала стена, уходившая на юг в разрушенные слои. Уровень пола на глубине 1,3—1,4 м местами вымощен мелкой галькой. Расчищено 7 хозяйственных ям диаметром 1—1,2, глубиной 1—2,2 м, заполненных рыхлой землей и золой, но находок в ямах почти нет.

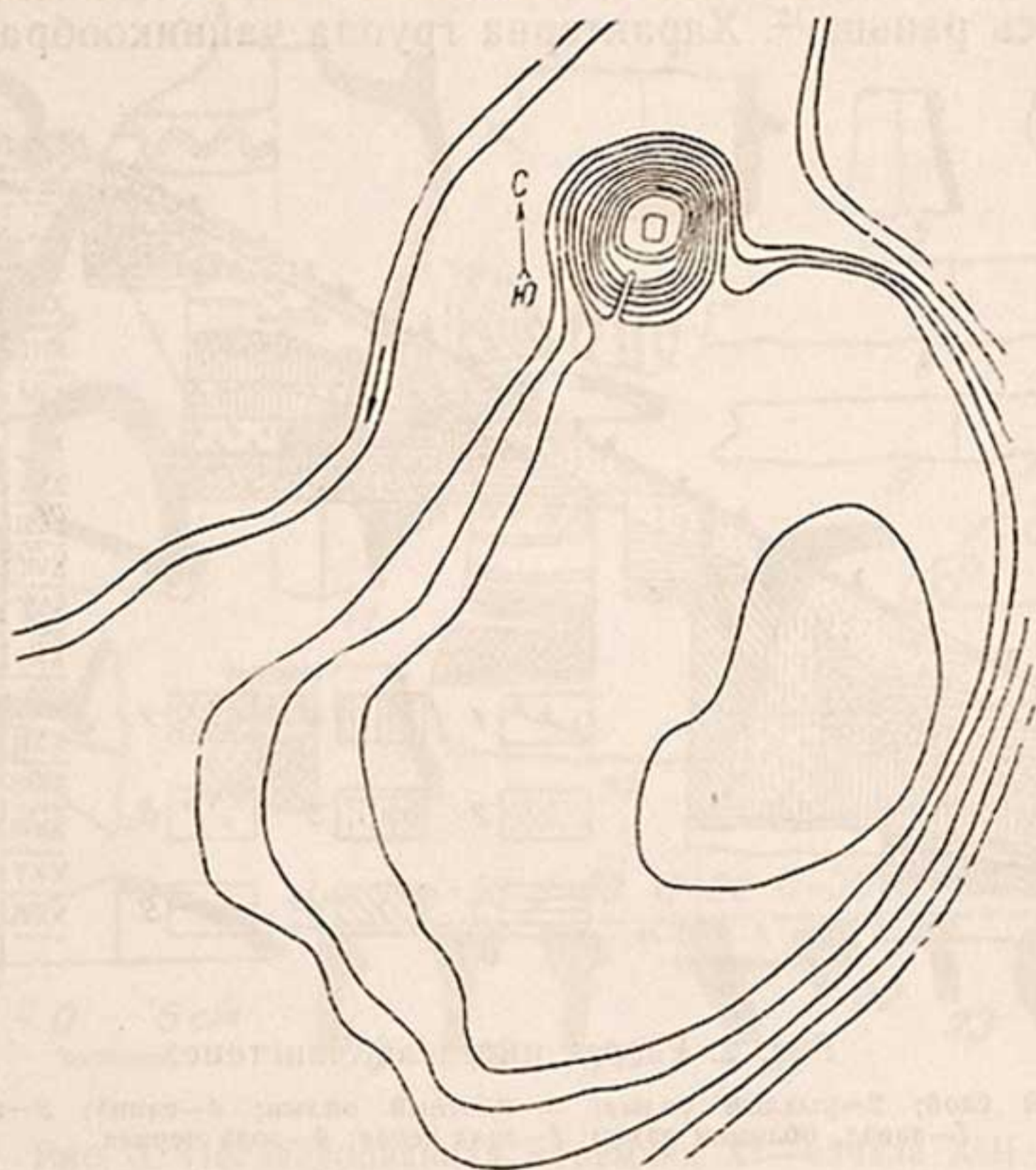

Рис. 1. Городище Чагтепе (план).

На полу и под ним найдено большое количество материала, преимущественно керамики. Поскольку она не отличается существенно от керамики первого строительного этапа и вследствие перемешанности этих слоев на большей части раскопа характеристика находок I—III ярусов дается вместе. Основной материал слоя представлен неполивной керамикой, включает сосуды-хранилища, кухонную и столовую посуду.

Самые крупные сосуды — хумы яйцевидной формы с четко выделенной горловиной (рис. 3, 21, 22, 24). Варианты закраины различны. Орнамент встречается редко, в основном в виде валика налепа под венчиком.

Тазообразные сосуды-тагара с диаметром устья до 50 см. Закраина утолщена наружу (рис. 3, 18—20, 23, 25). Разнообразны кувшины, одноручные узкогорлые и широкогорлые. Горловина вы-

сокая, цилиндрическая. Тулово двух типов—удлиненное (рис. 3, 3) и округлое. Орнамент скромный — процарапанная волна по плечу, горизонтальные полосы, насечки. Есть кувшины, копирующие форму стеклянных (рис. 3, 5, 17). Горшки открытой формы с округлым туловом, плоским дном и двумя небольшими кольцевыми ручками по плечикам зачастую украшались между ручками рельефными поясками или миндалевидными углублениями. Эта форма характерна для Ташкентского оазиса¹⁰ и Ферганы XI—XII вв.¹¹, но появилась раньше¹². Характерна группа чайникообразных сосу-

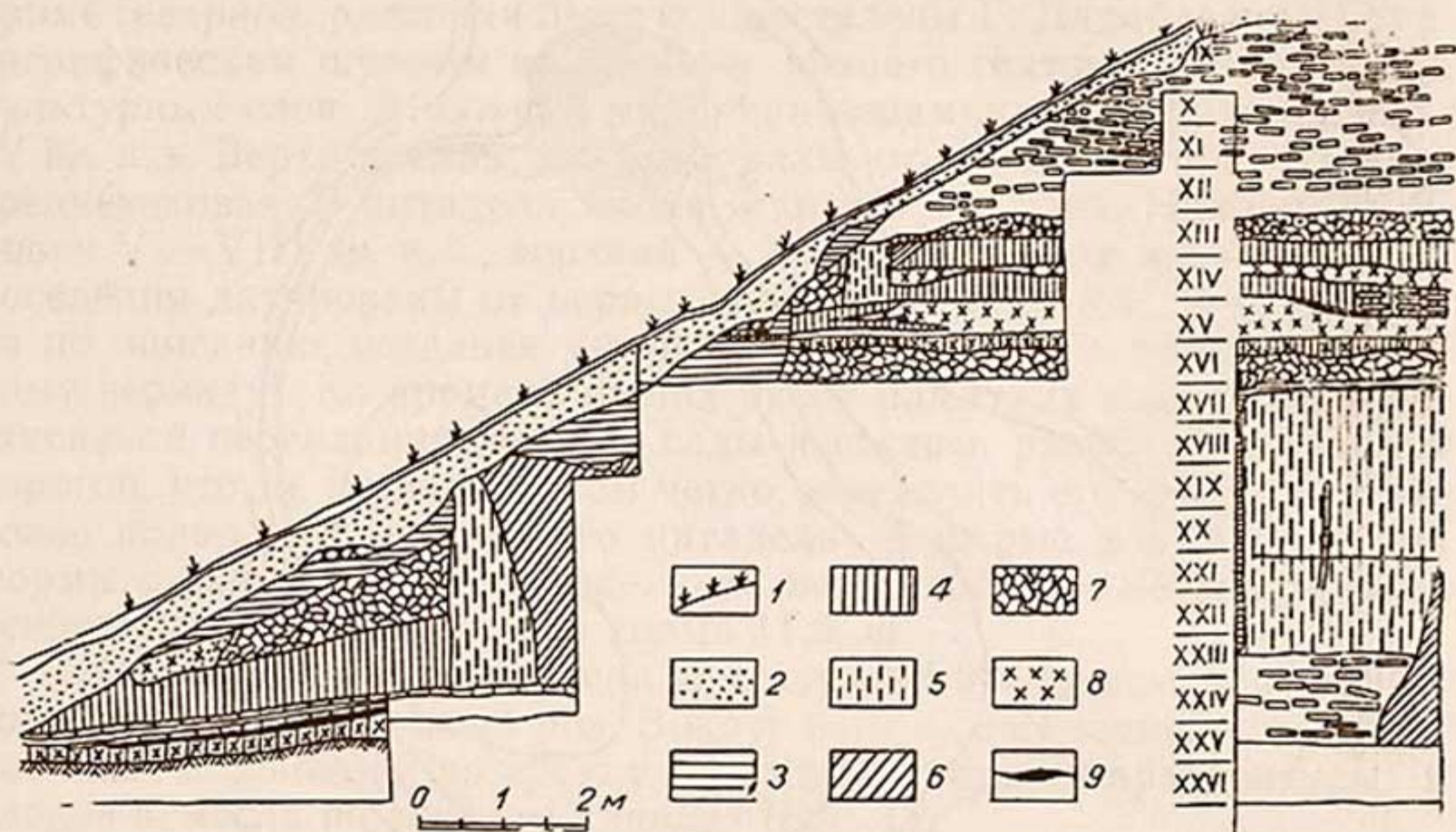

Рис. 2. Разрез цитадели Чангтепе:

1—дерновый слой; 2—рыхлый оплыв; 3—плотный оплыв; 4—глина; 5—пахса; 6—натек; 7—завал, обломки пахсы; 8—зола серая; 9—зола черная.

дов. Форма обычная, горшкообразная, но на противоположной стороне от ручки — конический носик (рис. 3, 10, 12). Вместе с ними встречены так называемые водолеи — мургоби с носиком, но без устья. По верхней его части проходит пластинчатая ручка. Эта форма известна по памятникам Ферганы — в Узгене, Куве, Чунтепе¹³. Найдены они и в Ташкентском оазисе в слоях XI—XII вв.¹⁴.

Несколькими экземплярами представлены небольшие парадные кубкообразные сосуды серой глины (рис. 3, 14). Подцилиндрическая

¹⁰ Массон М. Е. Ахангеран. Археологотопографический очерк. Ташкент, 1953, с. 50, рис. 27, нижний слева.

¹¹ Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974, с. 49—50.

¹² Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 89.

¹³ Брыкина Г. А. Карабулак, с. 49.

¹⁴ Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. К истории Чиназа (древний Чиначек). ОНУ, Ташкент, 1972, № 9, с. 45, рис. 1, 22.

горловина переходит в округлое тулово. Сбоку — пластинчатая ручка. Один из сосудов оттиснут в форме-колыбе, остальные сформованы на гончарном круге, но во всех случаях орнамент рельефный — ромбовидная сетка, волны, косые насечки, штампованные перлы и полулуния. Сосуды этого типа появляются в Ташкентском оазисе с X в.¹⁵, но особенно широко распространяются в XI—XII вв.; формовка производится в формах-колыбах с негативным рельефным рисунком декора¹⁶.

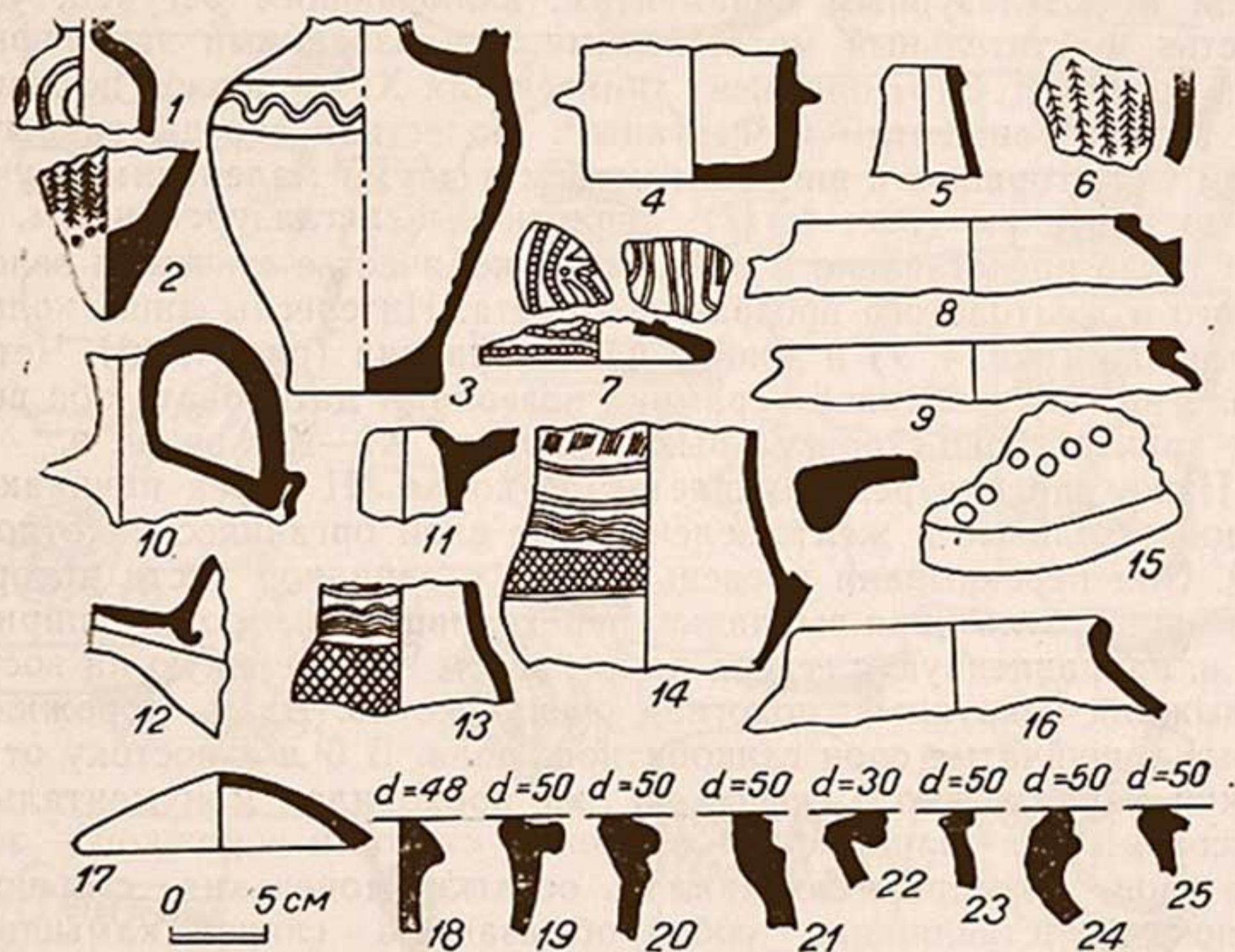

Рис. 3. Неглазурованная керамика XI—начала XIII в.

Котлы в основном шаровидной формы с подлепным утолщенным венчиком и подлепной ушковидной ручкой (рис. 3, 8—9), но изредка встречаются цилиндрические, плоскодонные, с ручкой-отростком, по типу каменных (рис. 3, 4).

В большом количестве найдены сфероконические сосуды — симоб-кузача (рис. 3, 1, 2, 6), украшенные обычно рельефным орнаментом в виде кругов, зубчатых поясков, растительных мотивов (елочка, колос). Крышки цилиндрические с ручкой-стерженьком сверху и в виде перевернутой тарелки (рис. 3, 7, 17) с профилированным бортиком, плотно входящим в выем венчика котла. Обиль-

¹⁵ Буряков Ю. Ф. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга. Сб. «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1966, с. 132.

¹⁶ Пугаченкова Г. А. Мастер-керамист Мухаммед Али Иноятон из Мерва (к характеристике штампованной керамики Мерва XII—XIII вв.). СА, 1958, № 2, с. 78—92.

ны керамические диски — дастарханы с ножками у бортов или диском в центре (рис. 3, 15). Все эти формы характерны для Ташкентского оазиса X — начала XIII в. Более узкий диапазон дает глазурованная керамика. В основном это столовая посуда открытых форм — чаши, лаганы, тарелки. Все они на кольцевом поддоне. Профили стенок двух форм — сосуды с изломом в придонной части и с округлоконическим расширением стенки наружу (рис. 4, 1—8, 11—16, 18, 19), покрыты бледно-зеленой и темно-зеленой поливой и подглазурным орнаментом, включающим бегунец, узлы счастья, растительный мотив-ислими, стилизованный эпиграфический орнамент. Этот орнамент типичен для XI — первой половины XII в. для Ташкента¹⁷ и Ферганы¹⁸. Но есть и сосуды закрытых форм типа горшков с широким устьем и двумя маленькими ручками по плечикам (рис. 4, 17), аналогичные неглазурованным.

Стекло представлено в небольшом количестве стенками зеленоватого и желтоватого прозрачного цвета. Интересны лишь кольцевая ручка (рис. 4, 9) и донная часть флакона (рис. 4, 10). Четкие аналогии глазурованной керамики позволяют датировать оба верхних архитектурно-строительных горизонта XI—XII вв. н. э.

Ниже картина резко меняется. С конца III яруса начинаются мощные зольные и желто-зеленоватые слои органических отложений. Они перекрывали уровень двора, в западной части которого расчищена булыжная выкладка, переходившая в дорожку шириной 1,1 м, направленную с севера на юг, затем повернувшую на восток. Булыжник некрупный, подогнан очень плотно. Вдоль дорожки — серые чешуйчатые слои глинобитного пола. В 6 м к востоку от дорожки параллельно с севера на юг проходила монументальная пахсовая стена толщиной 1,1 м. Между стеной и дорожкой — зольные слои, в которых сохранились остатки тоненьких сгоревших стенок, представлявших собой обмазанные глиной камышовые перегородки надворных построек. В северо-восточном углу открыт напольный очаг округлой формы диаметром 1,4 м с глинобитными стенками. В зольнике и на полу найдены каменные зернотерки ладьевидной формы, плоские камни подквадратной формы — терочки. Керамика целиком неглазурованная, изготовлена от руки или с применением гончарного круга медленного вращения. Крупные сосуды — хумы массивной формы со слабо выделенной горловиной и слегка отогнутой закраиной с валикообразным или разделенным желобком венчиком (рис. 5, 24—28). Один из сосудов этой группы украшен по плечу поясом процарапанных крестообразных фигур и ромбов.

Основную группу составляют красноглиняные горшки с округлым туловом и широким устьем, иногда слабо профилированным (рис. 5, 1, 2, 7). Интересен кувшин с узким горлом, завершающимся

¹⁷ Тереножкин А. И. Холм Актепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Труды ИИ АН УзССР, в 8 томах. Т. I, Ташкент, 1948, с. 107, рис. 13, 1; Массон М. Е. Ахангеран..., с. 50, рис. 27.

¹⁸ Брыкина Г. А. Карабулак, с. 72.

профилированным сливом и массивной ручкой с противоположной стороны (рис. 5, 6). Единичен интересный горшочек (рис. 5, 10), форма которого в целом близка описанному, но по верхней части тулова сосуд украшен поясом росписи коричневой краской в виде заштрихованных треугольников, чередующихся вершинами вверх и вниз. В месте соединения горловины с плечиком — две маленькие ручки налепа с отверстием для подвешивания.

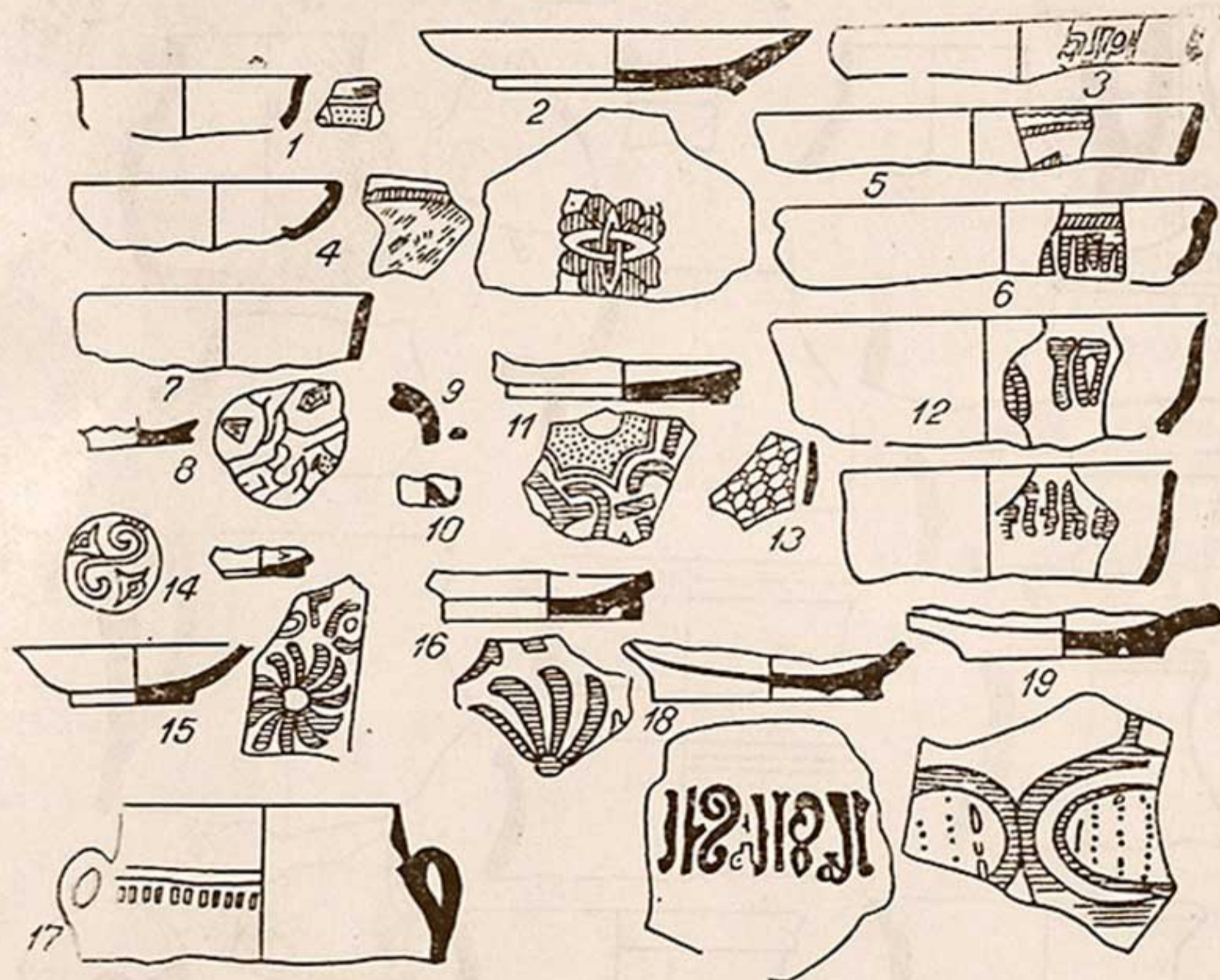

Рис. 4. Глазурованная керамика и стеклянная посуда XI—начала XIII в.

Ниже, до конца IX яруса, расчищены плотные серые слои, представляющие собой специальную глинобитную забутовку 2-метровой мощности под описанное выше здание. На небольшом участке она была перерезана на грани VIII—IX ярусов зольной линзой толщиной 15—20 см, но ниже — вновь пахсовый блок платформы. Находки в ней незначительны. Это кости мелких и крупных домашних животных и лепная керамика каунчинского типа, среди которой встречаются и стеночки краснорощенных сосудов.

С начала X до конца XII яруса в центре раскопа расчищены рыхлые зеленоватые слои органических отложений, переходящие в настоящий зольник, а в западной части — крепостная стена из крупного сырцового с примесью самана кирпича прямоугольного стандарта, размером $52 \times 26 \times 10-12$ см. Стена сохранилась до высоты 2 м, до начала IX яруса, и частично попала в верхнюю забутовку.

Находок в слое немного. Это целиком лепная керамика. Интересен носик кувшина каунчинского типа (рис. 5, 8) и горшок с ручкой, оформленной в виде стилизованно трактованной фигурки

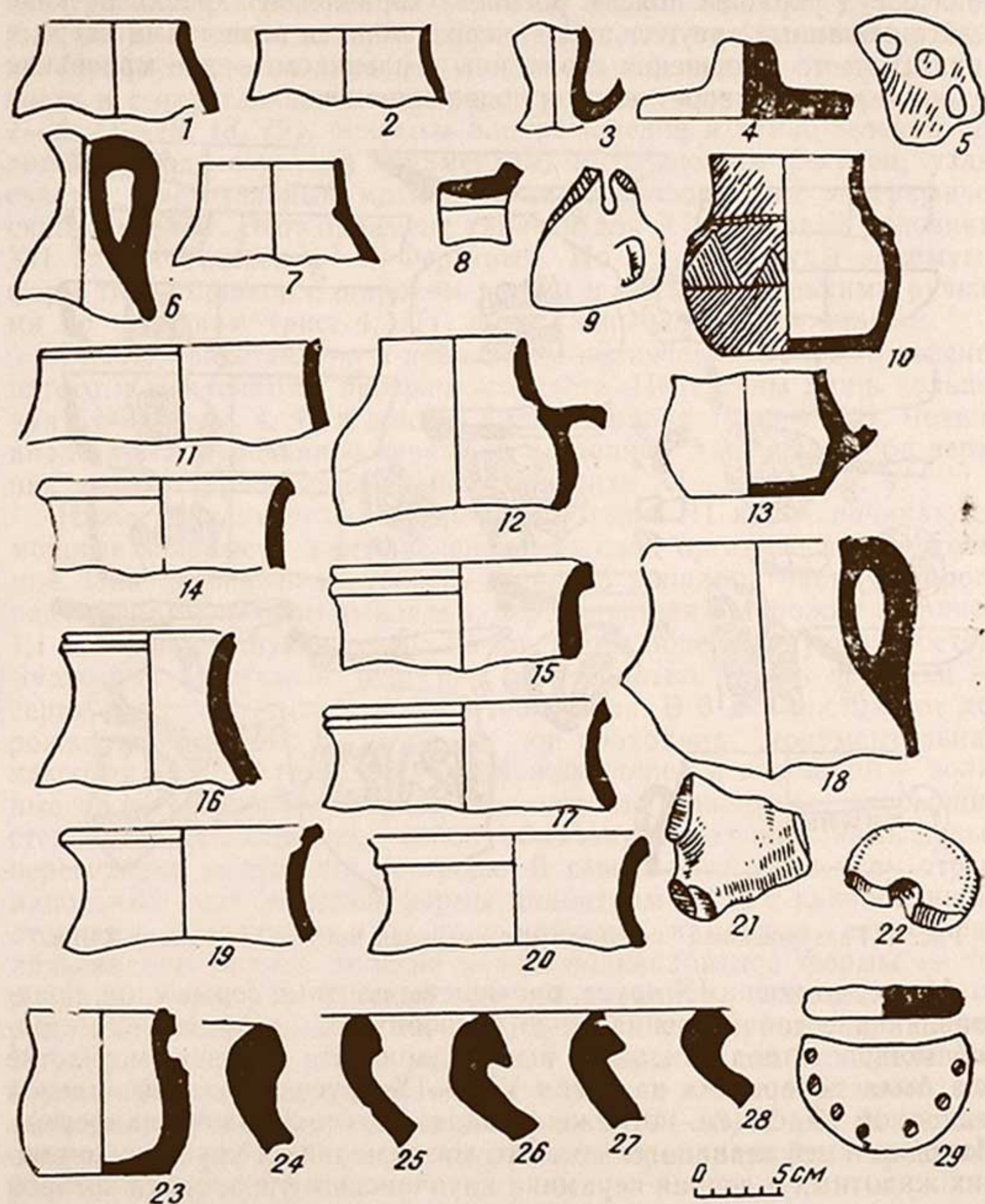

Рис. 5. Неполивная керамика 1-й половины I тыс. н. э.

животного, а также кувшины с валикообразным, клювовидным или профилированным венчиком. Под стеной и зольником также расчищена забутовка из серой темной утрамбованной глины толщиной до 80—90 см. Местами в ней использовалась серо-зеленая глина орга-

нических отложений. Находки в ней очень редки. Это невыразительные фрагменты лепной посуды каунчинского типа. С середины XIV яруса (глубина 6,75 м), местами на 20 см выше, начался ровный культурный слой. В нем расчищена плохо сохранившаяся довольно рыхлая стена, проходившая в направлении с северо-запада. Стена из крупноформатного кирпича с включением пахсовых блоков, опускается до конца XVI яруса, и на этом уровне расчищен уровень пола помещения. Комната была заполнена зольником, обломками сырцового кирпича завала стен и фрагментами стенок лепной посуды.

Под стеной на всей площади раскопа вскрыт слой полуметровой мощности, лишенный архитектурных остатков. Он состоит из зольных и зеленых рыхлых отложений с костями домашних животных, крупных и мелких. Керамика аналогична вышележащему слою.

Ее подстилает третья платформа из сероватой глины, проходящая в центральной части до глубины 10,25 м. По краю холма она переходила в крепостную стену из сырцового кирпича одинакового размера с более верхней.

В середине XXI яруса стена заканчивается. Находки на полу немногочисленны и аналогичны описанным выше. Под полом расчищена еще одна плотная прослойка мощностью до 70 см, сложенная из сырцового кирпича, размер которого аналогичен стандарту кладки стены — $52 \times 26 \times 10$ см. Вдоль прослойки до конца XXIV яруса идут наклонно падающие слои зольномусорных отложений с лепной керамикой каунчинского типа.

С конца XXV яруса разрезан темно-серый лёсс материка, лишенный всяких включений.

Таким образом, стратиграфическим раскопом выявлено, что вся 12,5-метровая толща центрального холма Чангтепе выросла за счет культурных наслоений, включающих 5 архитектурно-строительных горизонтов, открывающих сложную картину перестроек, причем основная толща — 11,5 м — относится к одному историко-культурному периоду.

Исследование показывает, что начальный этап жизни Чангтепе относится к первым векам нашей эры и связывается с процессом оседания племен — носителей каунчинской культуры в долине Чирчика в целом и особенно с широким освоением слабоосвоенной в предшествующий период территории его правобережья. В этот период интенсивно развивается ирригационная сеть, регулируются естественные протоки, часть которых превращается в искусственные каналы. К их числу может быть отнесен и Куркульдук, на берегу которого вырастает Чангтепе. Самый крупный и самый древний памятник в долине Куркульдука — Каунчитепе площадью около 25 га, расположенное в центре г. Янгиюля, также на левом берегу протока¹⁹. Нижние его слои связываются еще с бургулюкской куль-

¹⁹ Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке..., с. 45.

турой, но расцвет жизни укрепленного поселения городского типа относится к первым векам н. э.²⁰

Начало жизни на Чангтепе связывается с возведением на относительно ровной площади террасы левого берега протока нивелировочной платформы из крупноформатного сырцового кирпича размером $60 \times 30 \times 10$ см, на котором с отступом от края строится пахсовая стена, прослоенная в основании кирпичом этого же стандарта.

Комплекс этот функционировал недолго, чем объясняется и его относительно хорошая сохранность. Помещение внутри стены забито плотной пахсовой забутовкой общей мощностью до 4 м. Над ней с XVI яруса начинается мощный жилой слой с полами из глины, мощными зольными и зелеными органическими отложениями и характерным каунчинским материалом. В нем можно отметить два этапа, из которых ранний представлен лишь культурными прослойками и поздний — помещением с пахсовой стеной в XIV — начале XIII яруса. Заполнение комнаты аналогично подстилающему слою и характером наслоений, и материалом. Последний представлен целиком лепной керамикой, в которой основной датирующей формой являются горшки-котлы каунчинского типа с одной и двумя ручками (рис. 5, 18, 23), хумы с клювообразным венчиком, пряслица, каменные лопатки и зернотерки. В целом два первых архитектурно-строительных периода объединяются по материалу в одну хронологическую группу, относящуюся к завершающему этапу Каунчи-I и датированную первыми веками нашей эры.

Завершается этап завалом стен с нивелировкой кусками пахсы и возведением на новой платформе мощной крепостной стены, сложенной из сырцового кирпича несколько меньшего стандарта, чем на раннем этапе, но с соблюдением соотношения ширины к длине как 1:2. Слой этот продолжается с XIII по IX ярус, т. е. достигает 2,5 м и сопровождается интенсивной застройкой внутри крепостной стены.

Культурные наслоения и материал в основной массе аналогичны предыдущему, но в них можно отметить появление новых элементов. Это более тонкостенные кувшины с профилированным венчиком, клювовидным или в форме валика с перегибом (рис. 5, 15—17). Аналогичная керамика встречена на Каунчитепе в слоях Каунчи-II²¹ и в нижнем слое городища Мингурюк в Ташкенте²². Не противоречит этой дате горшочек со стилизованным изображением животного на ручке. Эта форма, появившись в Каунчи-I в стилизованном варианте, наиболее характерна для поры Каунчи-II. В целом слой может быть датирован III—IV вв. н. э. Формирование в этот период довольно крупной крепости не случайно. В этот период интенсивно развивается Каунчитепе. В конце этапа на базе того же

²⁰ Тереножкин А. И. Согд и Чач. КСИИМК, т. XXXIII, М.—Л., 1950, с. 155.

²¹ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н. э. М., 1971, с. 108, рис. 32.

²² Буряков Ю. Ф., Зильпер Д. Г. Археологические наблюдения в 1957 году на городище Мингурюк в Ташкенте. Сб. «Археология в Средней Азии», вып. V, Ташкент, 1970, с. 135, табл. 4.

русла в 7 км ниже Каунчи начинает расти крупная крепость Турткультепе. Г. В. Григорьев, ошибочно поместивший его в 1 км от Каунчитепе, считал феодальным каразан-сараям²³. Проведенные же нами в 1976 г. раскопки показали, что Турткультепе — укрепленное городище площадью более 16 га — датируется III—IV вв. н. э. На берегу Чирчика наряду с небольшими укреплениями типа Ахмадтепе²⁴, Чангтепе²⁵ вырастает крупноукрепленное поселение Шаматепе, которое неверно характеризовалось Г. В. Григорьевым как базар феодального времени, а цитадель — как сторожевое укрепление²⁶.

К настоящему времени памятник почти полностью уничтожен на кирпич. По наблюдениям при разnose городища в 1974—1975 гг. С. Менвапова, памятник синхронен Турткультепе. Следует отметить, что к этому времени относятся и нижние слои Мингурюка в Ташкенте. Таким образом, в III—IV вв. н. э. в долине Чирчика проходят интенсивная волна оседания на землю и разрастание довольно крупных укрепленных поселений сельского типа. Этот архитектурно-строительный горизонт перекрывается новой мощной платформой, на которой вырастает хозяйство с булыжной вымосткой дворигов и дорожек, зольными и органическими отложениями, лепной керамикой, продолжающей линию предшествующих комплексов.

Наиболее выразителен горшочек, украшенный заштрихованными треугольниками. Эта форма, встретившаяся здесь в единичном экземпляре, более характерна для памятников долины Ахангарана, особенно в предгорной части близ Ферганы. Это Апартакские наусы²⁷, материалы нижнего слоя Намудлыга²⁸, сосуды Кендыктепе Туябугузского водохранилища²⁹. Т. Агзамходжаев датирует их V—VI вв.³⁰, но следует учесть, что они встречены помимо его раскопок в 1974 г. О. М. Ростовцевым вместе с горшками, ручки которых завершаются фигурками животных, трактованных иногда реалистично, т. е. датируемых не позднее IV в. н. э. Все это дает основание углубить нижнюю дату наусов до IV в. н. э. Таким образом, основная толща культурных наслоений городища относится к I—V вв. н. э., причем с двумя последними этапами жизни цитадели связываются все культурные наслоения прилегающего поселения. Затем жизнь на поселении прекращается, и лишь через полтысячелетия, в XI в. на месте заброшенного холма вырастает небольшая феодальная усадьба, функционировавшая в XI—XII вв.

²³ Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке..., с. 46.

²⁴ Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе. ИМКУ, вып. 10, Ташкент, 1973, с. 41.

²⁵ Крашенинникова Н. И. Указ. соч., с. 147—163.

²⁶ Григорьев Г. В. Указ. соч., с. 46.

²⁷ Агзамходжаев Т. Подземные каменные наусы около г. Ангрена. ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966, с. 105.

²⁸ Буряков Ю. Ф. Археологические материалы по истории Намудлыга. ИМКУ, вып. 9, Ташкент, 1972, с. 102.

²⁹ Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975, с. 180.

³⁰ Агзамходжаев Т. Там же, с. 111.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

ОБНАРУЖЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО СЕЛЕНИЯ НАВАНДАК В ОБЛАСТИ САГАНИАН

В средневековых письменных источниках на территории области Саганиан упоминается значительное количество населенных пунктов. Попытки отождествления некоторых из них были предприняты В. Томашеком¹, В. В. Бартольд², И. Марквартом³, Г. Лестренджем⁴, Б. Кастальским⁵, а в последнее время М. М. Дьяконовым⁶, Г. А. Пугаченковой⁷ и О. Г. Большаковым⁸.

Основная дискуссия по поводу локализации саганианских городов и селений развернулась вокруг одноименной столицы этой области. Уже В. Томашек, а вслед за ним В. В. Бартольд, И. Маркварт и другие исследователи помещали Саганиан на месте г. Денау. Археологическое обоснование этой идеи было предпринято М. М. Дьяконовым. Основываясь на данных беглого маршрута Л. С. Бретаницкого, предпринятого в 1947 г. по линии Гиссар — Каратаг — Денау, он отождествил Саганиан с городищем площадью 1700×800 м, расположенным с юго-запада от Денау на берегу Сурхандарьи⁹. Эта локализация вызвала затем справедливую критику со стороны Г. А. Пугаченковой, которая показала несостоятельность подобного вывода как по географическим, так и археологическим данным. В свою очередь Г. А. Пугаченкова сопоставила Саганиан с расположенным в 12 км к юго-востоку от Денау при впадении Кызылсу-Сангардака в Сурхандарью городищем

¹ Tomaszek W. Zentralasiatische Studien. I., Sogdiana. Wien, 1877, s. 39—42.

² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1, М., 1963, с. 123.

³ Markwart J. Eränsahr. Berlin, 1901, s. 235—236.

⁴ Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1930, p. 440.

⁵ Кастальский Б. Н. Историко-географический обзор Сурханской и Шир-абадской долин. «Вестник ирригации», 1930, № 2, с. 77—79.

⁶ Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда. МИА, вып. 15, 1950, с. 180—181, 184—185.

⁷ Пугаченкова Г. А. К исторической географии Чаганиана. Труды САГУ, вып. 200. Археология Средней Азии, т. VI, Ташкент, 1963, с. 58—63; Она же. Халчаян. Ташкент, 1965, с. 14—26.

⁸ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 178—180.

⁹ Дьяконов М. М. Там же, с. 180—181.

Бедрач¹⁰ (площадь 900×800 м, но без учета пригородной застройки, которая, как показали наши исследования, была очень большой — несколько квадратных километров).

В последней обобщающей работе по средневековым городам Средней Азии О. Г. Большаков, не учитывая критики Г. А. Пугаченковой, приводит обе изложенные выше точки зрения по поводу локализации Саганиана и высказывает сомнения в решении этого вопроса до детального археологического обследования¹¹.

Между тем уже географические ориентиры городища, указанные М. М. Дьяконовым со слов А. Г. Бретаницкого, неверны. Во-первых, Денау расположен на левом берегу Кызылсу-Сангардака, а расстояние от него до русла Сурхандарьи равно 6—7 км. Во-вторых, городище, о котором писал М. М. Дьяконов, с юго-запада не может быть ограничено Сурхандарьей, так как Сурхандарья в районе Денау расположена с юго-востока, а с юго-запада протекает Кызылсу. В-третьих, никаких больших вертикальных срезов на правом берегу Сурхандарьи нет, поскольку берег здесь очень отлогий; в период больших паводков река выходит из берегов, заливая всю пойму на несколько сот метров от ее истинного русла. Дальнейшие археолого-топографические исследования между Кызылсу-Сангардаком и Туполангом в районе г. Денау, проводимые нами в течение нескольких лет, выявили полнейшее отсутствие даже следов такого крупного городища, географические и археологические ориентиры которого приведены М. М. Дьяконовым (рис. 1). Единственное крупное городище здесь Бедрач, который как по площади, археологическим данным, так и по расстоянию от Термеза, указанному в средневековых дорожниках Ибн-Хордадбега и Кудама, Истахри и Ибн-Хаукаля, считая по древнему караванному пути, а не по современной дороге, как это делали предыдущие исследователи, несомненно, — Саганиан поры развитого и раннего средневековья. Далее от Бедрача на северо-восток до Туполанга и в районе Денау, вдоль Сурхандарьи, расположены небольшие средневековые поселения Культепе (120×100 м), Сурнайтепе (50×40 м) в 5 км, Джартактепе (120×100 м) в 8,5 км, Пистамазартепе (110×100 м) в 9,5 км, Чимкуртан (350×200 м) в 12 км от Бедрача, которые по размерам соответствуют селениям, а не городам и могут быть отождествлены с отдельными пунктами, упоминаемыми в средневековых письменных источниках¹².

Согласно дорожникам Ибн-Хордадбега и Кудама, Истахри и Ибн-Хаукаля, Саганиан находился в 24 фарсах, или 4 днях пути, от Термеза¹³. Если принять фарсах за 6 км, как это делают некото-

¹⁰ Пугаченкова Г. А. Халчаян..., с. 18—20; Она же. К исторической..., с. 58—60.

¹¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Там же, с. 180.

¹² Вопрос о локализации саганианских городов и селений, а также пунктов, расположенных на караванной дороге Термез — Хамараван, рассматриваются автором в специальной статье, подготовленной к печати.

¹³ Ибн-Хордадбег, BGA, VI, с. 34; Кудама, BGA, VI, с. 211; Истахри, BGA, I, с. 339—340.

рые исследователи, то получится, что Саганиан находился в 144 км от Термеза, т. е. даже не на месте Денау, а в районе теперешнего поселка Узун, что явно не соответствует действительности. Однако, как показали наши исследования караванной дороги Термез —

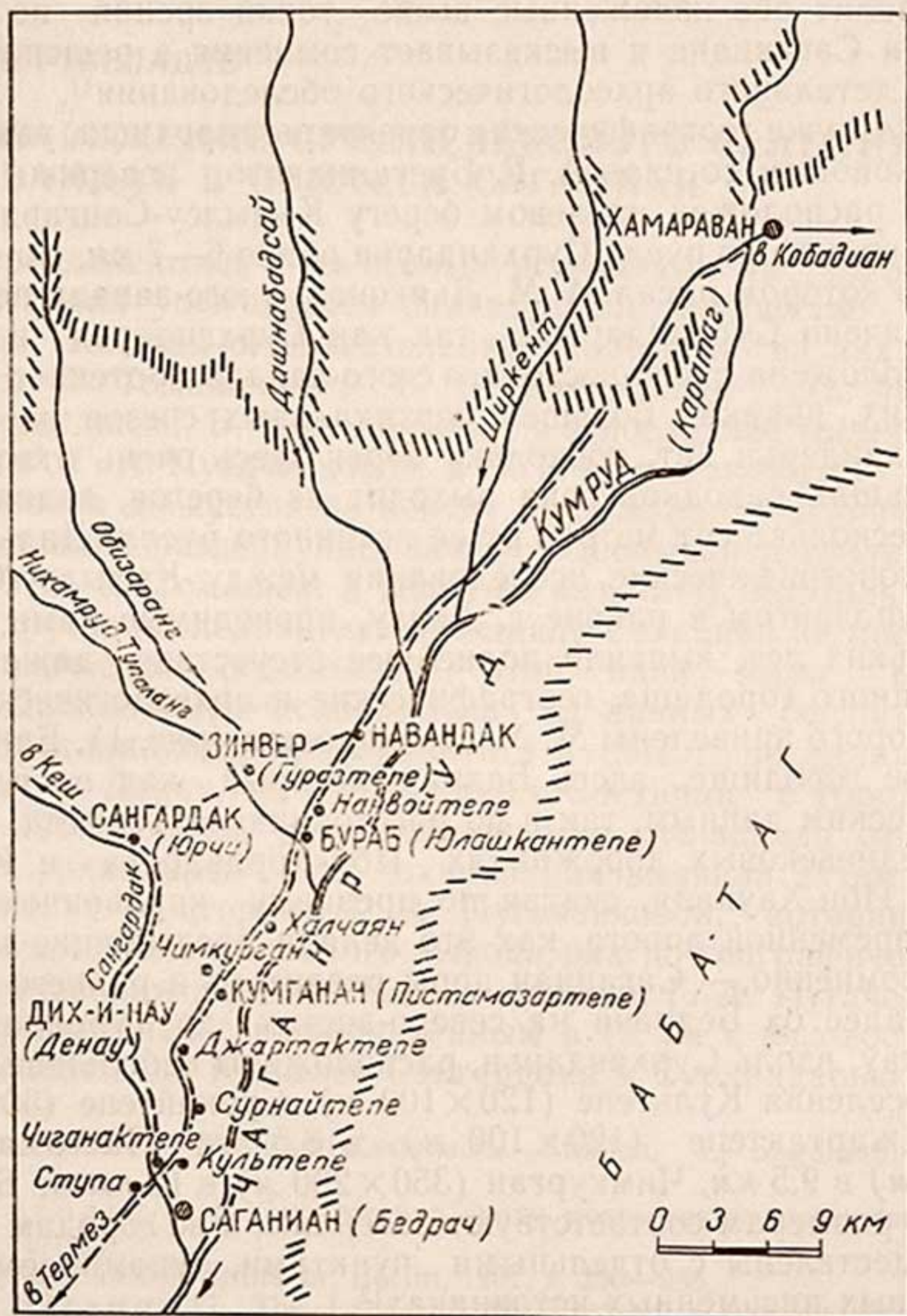

Рис. 1. Историко-топографическая ситуация района Саганиана.

Хамараван, промеры расстояний между средневековыми поселениями, фарсах для Саганиана был равен 5 км. Измерениями на трассе средневекового караванного пути установлено, что расстояние между городищем Старый Термез (Термез) и городищем Бедрач (Саганиан) равно 118—120 км, т. е. 24 фарсахам, как это и указано в упомянутых источниках.

В подробном дорожнике Ибн-Хордадбега и Кудама следующей крупной станцией после Саганиана назван Навандак. Местонахождение этого пункта, лежащего на пути в Хамараван, выяснял М. М. Дьяконов. Точная его локализация очень важна, так как от этого зависит и определение местонахождения Хамаравана. М. М. Дьяконов показал, что старая средневековая дорога шла там же, где и новая, т. е. через Юрчи и Сариасия¹⁴. Он считал, что поскольку путник, идущий от Навандака к Хамаравану, должен был, согласно дорожнику, пересекать большую речную долину шириной 2—3 фарсаха, то такой долиной могла быть только долина Сурхандарьи, и следовательно, дорога от Навандака шла прямо на Гиссар, где он и предполагал искать Хамараван. Г. А. Пугаченкова, не согласившись с мнением М. М. Дьяконова, считала, что путники по пути из Навандака в Хамараван пересекали р. Туполанг, т. е., по ее рассуждению, Навандак должен был находиться перед Туполангом¹⁵.

В настоящее время удалось определить местонахождение Навандака и уточнить направление главного караванного пути к Хамаравану. М. М. Дьяконов ошибался, полагая, что старая дорога проходила там же, где и новая. В действительности здесь проходило одно из направлений этого пути, но далеко не самое главное. Основной же путь от Саганиана шел вдоль правого берега Сурхандарьи через Сурнайтепе, Джартактепе, Пистамазарттепе, пересекал Туполанг и подходил к большому поселению Юлашкантепе (190×140 м), в котором можно, по-видимому, видеть средневековое селение Бураб (4 фарсаха, или 20 км от Саганиана), затем проходил через Нанвойтепе (150×60 м) неподалеку от современного поселка Узун. В 3 км к северо-востоку от него на землях колхоза «Коммунизм» расплосовано крупное городище, которое местные жители называют Кафиркала или Нованак (Новандак) тепе. Городище квадратное в плане — 450×450 м. В центре его расположена мощная цитадель 150×100 м высотой до 17 м, занятая под противорадовую станцию. Вокруг цитадели ров шириной 40—50 м, за пределами рва — массив бывшей жилой застройки, непосредственно примыкающий к стене, ширина его 100—150 м (рис. 2).

Подъемный материал — в основном керамика и жженный кирпич — позволяют определить время обживания городища с эпохи раннего вплоть до позднего средневековья. За пределами шахристана в некоторых местах отмечены остатки небольших тепе и скопления пятен керамики, указывающие на довольно значительную площадь рабада. Среди глазурованной керамики — характерные для X—XI вв. фрагменты сосудов с прозрачной глазурью и черной подглазурной росписью по белому фону (геометрический и эпиграфический орнамент), темной и яркой зеленой, бирюзовой поливами,

¹⁴ Дьяконов М. М. Там же, с. 185.

¹⁵ Пугаченкова Г. А. Халчаян, с. 25.

жженный кирпич размером $22 \times 22 \times 4$; $23 \times 23 \times 4$; $24 \times 25 \times 5$; $27 \times 27 \times 5,5$ см.

По Ибн-Хордадбеку, от Саганиана до Навандака 6 фарсахов, т. е. 30 км, по Кудама — 3 фарсаха, т. е. 15 км¹⁶.

По нашим данным, более точные цифры указаны у Ибн-Хордадбека, так как расстояние между городищем Бедрач (Саганианом) и Наванактепе (Навандак) равно 28—30 км. Таким образом, почти

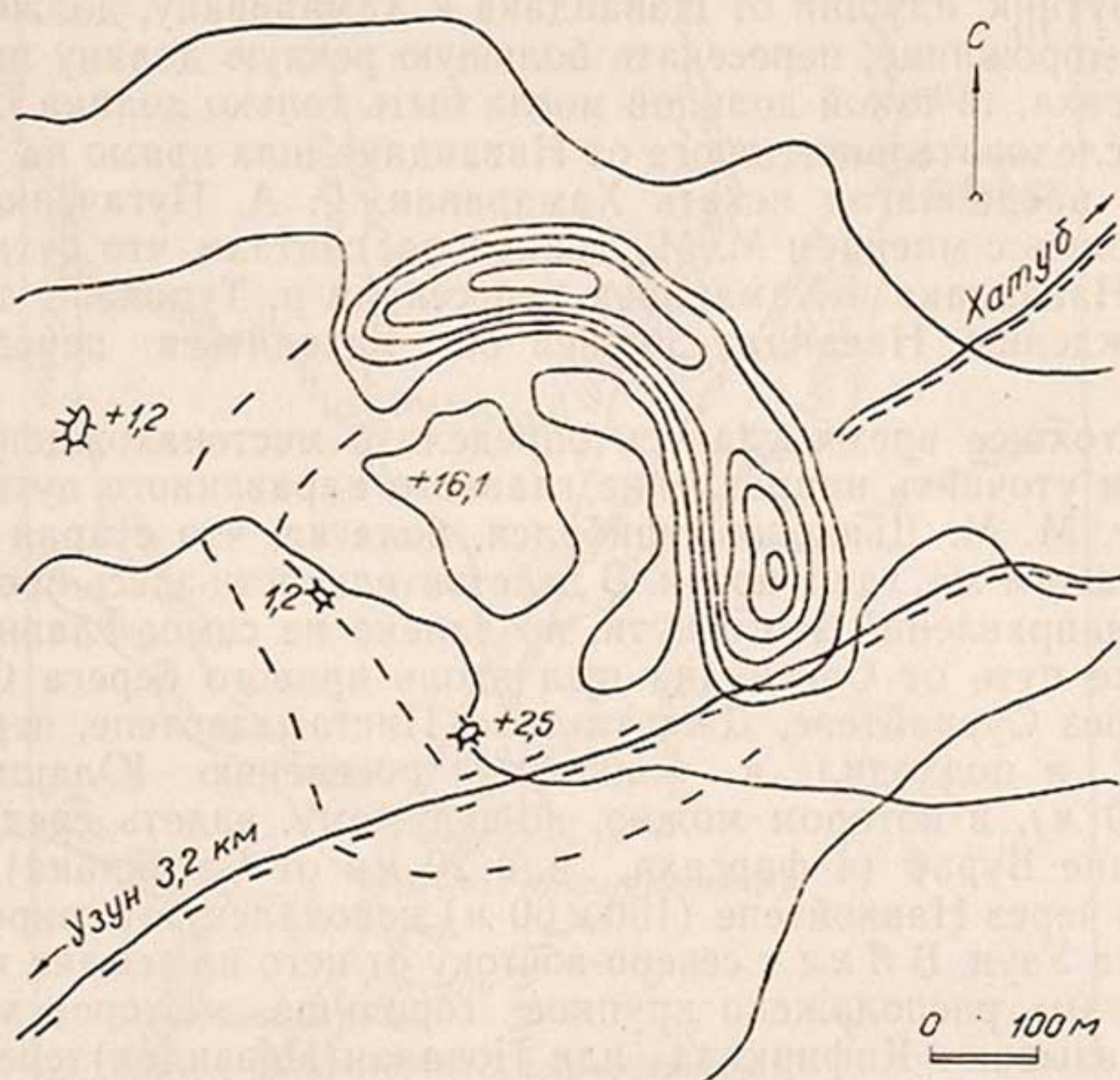

Рис. 2. План Кафиркалы.

точное совпадение расстояния и названий позволяет нам отождествить городище Наванактепе со средневековым селением Навандак—промежуточной станцией на пути из Саганиана в Хамараван. По Ибн-Хордадбеку, путник, идущий из Навандака в Хамараван, должен был пересечь большую реку шириной 2—3 фарсаха. Де Гуйе¹⁷ и И. Маркварт¹⁸ ошибочно полагали, что это река Вахш, на что указал уже В. В. Бартольд, а вслед за ним М. М. Дьяконов. В. В. Бартольд считал эту реку Кафирниганом и писал, что ширина реки значительно преувеличена¹⁹, хотя, как правильно предположил позднее М. М. Дьяконов, под вади (وادي) в источнике следует скорее всего понимать речную долину, а не реку. Исходя из этого

¹⁶ Ибн-Хордадбек, ВГА, VI, с. 34; Tomaschek W. Указ. соч., с. 42; Markwart J. Указ. соч., с. 236.

¹⁷ Де Гуйе. ВГА, VI, с. 22.

¹⁸ Markwart J. Указ. соч., с. 237.

¹⁹ Бартольд В. В. Там же, с. 124, примеч. 12.

М. М. Дьяконов считал, что дорога из Навандака шла прямо на Гиссар, пересекая Сурхандарью, а не Каратаг, и предлагал искать Хамараван под Гиссаром²⁰. Не соглашаясь с ним, Г. А. Пугаченкова сопоставляла эту реку с Туполангом²¹ и в связи с этим отождествила Хамараван с Шахринауским городищем. Установление истинного местонахождения Навандака позволяет уточнить и дальнейший маршрут в Хамараван.

Прежде всего отметим, что М. М. Дьяконов, несомненно, прав, когда ведет речь о речной долине, а не о реке, так как таких широких рек (до 10—15 км) в этом районе нет, но он ошибочно сопоставлял эту долину с долиной Сурхандарьи. Если допустить это, то путнику надо было из Навандака возвращаться назад к Сурхандарье, протекающей в 10 км к югу от него. Не мог быть этой рекой и Туполанг, поскольку он протекает в 7—8 км к западу и юго-западу, и при подобной локализации путник должен был также поворачивать назад от Навандака.

Дорога из Навандака, как устанавливается сейчас, шла не прямо, а поворачивала несколько на северо-восток и по пути в Хамараван пересекала Дашнабадсай и Ширкент, впадающие в Каратаг почти в одном месте. Три этих реки образуют большую долину, ширина которой действительно в пределах 10—15 км — 2—3 фарсахов, ограниченную с юга и юго-востока отрогами Бабатага, с севера и северо-запада — адырами и отрогами Гиссарского хребта.

Учитывая приведенные данные, можно полагать, что именно об этой долине писал Ибн-Хордадбех.

Дальнейшая история Навандака проясняется благодаря находкам медных монет с надчеканами конца XV в., на которых Е. А. Давидович читает наименование Наванд (*نوند*)²². Места находок монет и идентичность названий (Навандак и Наванд) позволяют говорить о том, что это один и тот же пункт. Наличие при Тимуридах монетного двора свидетельствует о том, что Навандак-Наванд продолжал сохранять значение важного пункта на трассе караванных путей между областями юга Узбекистана и Таджикистана в эпоху позднего средневековья.

²⁰ Дьяконов М. М. Указ. соч., с. 184.

²¹ Пугаченкова Г. А. Халчаян..., с. 25.

²² Давидович Е. А. К периодизации развития товаро-денежных отношений в исторически сложившихся областях на территории южного Таджикистана (VII—XVII вв.). «Бартольдские чтения, 1976», М., 1976, с. 39. Возможность сопоставления Навандака и Наванда высказала автору в устной беседе Е. А. Давидович, за что приношу ей искреннюю благодарность.

Б. Д. КОЧНЕВ

ЗАМЕТКИ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ НУМИЗМАТИКЕ
СРЕДНЕЙ АЗИИ. ЧАСТЬ I
(САМАНИДЫ, КАРАХАНИДЫ, ДЖАНИДЫ)

Тункет или Наукат?

Нумизматам давно известны медные фельсы Саманида Насра II б. Ахмада, выпущенные в пункте, название которого принято читать как Тункет-Илак. Впервые такие монеты, выбитые в 302/914—15 и 305/917—18 гг., были опубликованы полтора столетия назад Х. М. Френом¹. А. К. Марков добавил к этим датам еще одну — 301/913—14 г². В рукописном каталоге саманидских монет Эрмитажа (с. 229а) Р. Р. Фасмер описал фельс с четвертой датой — 312/924—25 г.

Публикуя фельсы 302 и 305 гг., Френ воспроизвел и начертание названия монетного двора *توكتا يلاق* или *توكت ايلاق* т. е. без буквы «нун» перед «кафом», но прочел это как Тункет-Илак. Отсутствие «нуна» подметил и Р. Р. Фасмер, прочитав то же название как Тукет-Илак. Просмотр фельсов этой категории в собраниях Эрмитажа, Музея истории народов Узбекистана (Ташкент), Музея истории культуры и искусства УзССР (г. Самарканд) и в частных коллекциях убедил пишущего эти строки, что «нун» отсутствует во всех случаях. Следовательно, здесь дело не в ошибке резчика монетного штампа, а в неточном прочтении названия города. Освященное авторитетом «князя восточной нумизматики» Х. М. Френа, это чтение прочно утвердилось в научной литературе, но требует, конечно, пересмотра.

Едва ли приемлем вариант Р. Р. Фасмера, предлагавшего читать «Тукет-Илак». В Илаке действительно был городок Туккет, но название его писалось с кратким «у», на рассматриваемых же фельсах «у» везде долгое. Такое начертание позволяет предложить иной вариант чтения — «Наукат-Илак» (*نوكت ايلاق*).

В средние века в Средней Азии было несколько Наукатов, почему, видимо, и пришлось обозначать на рассматриваемых монетах название не только города, но и области, чтобы выделить его среди прочих одноименных пунктов (кстати, указывать, что город илак-

¹ Fraehn Ch. M. Recensio Numorum Muhammedanorum. Academiae Imp. Scient. Petropolitanae. Petropoli. 1826, p. 72—73, № 154; p. 78, № 177.

² Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет императорского Эрмитажа. Спб., 1896, с. 125, № 321.

ский, не пришлось бы в отношении Тункета, ибо других Тункетов не было, это служит косвенным аргументом в пользу нашей гипотезы).

Илакский Наукат был крупным городом. Согласно Истахри, Тункет и Наукат были самыми большими городами Илака³, в персидской же версии его сочинения утверждается, что Наукат был даже больше столицы области⁴. По археологическим данным, площадь Тункета в период расцвета составляла около 180 га, Науката — 150, но значительные территории в пределах внешней стены Тункета были слабо застроены⁵. Не исключено, что в X в. Наукат действительно был крупнее Тункета. В любом случае чекан собственной медной разменной монеты в таком крупном торгово-ремесленном центре, как Наукат, вполне оправдан и объясним.

Эпизодический выпуск монет продолжался здесь, возможно, и в XI в. А. К. Марковым опубликован дирхем, выбитый от имени Арслан-хана и Адуд ад-Даула Чагры-тегина в 410/1019—20 г. в городе, название которого начертано так: **بوك**⁶. Если здесь нет ошибки монетария, то монету можно считать выпущенной в Наукате.

Новая насрабадская монета

Саманидский чекан ферганского города Насрабада подробно описан Е. А. Давидович, которая, рассмотрев опубликованные и неизданные монеты, впервые дала им интересную историческую интерпретацию⁷. Ей были известны насрабадские фельсы 336—344/947—956 гг. В 1973 г. при раскопках в рабаде средневекового Несефа (городище Шуллюк-тепе в долине Кашкадарьи) пишущему эти строки посчастливилось найти насрабадскую монету с новой датой — 335/946—47 г.

И. Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки: **لااله الا الله و حده لا شريك له** Кругом, между двумя линейными ободками, двойная надпись с выпускными сведениями, именем эмира Бакра б. Малика во внешней легенде, именем ал-Хусайна б. ал-Йумана (?)⁸ во внутренней и с благопожеланиями каждому из них. Внешняя круговая надпись: **[بسم الله] صرب هذا الغلس [بنصرا]** Внутренняя круговая надпись: **باد الامير بكر بن ملك اعزه الله على يدي الحسين بن الممن ايده الله سنة خمس و ثلثمائه** (так!).

³ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1, М., 1973, с. 20.

⁴ Там же, с. 29.

⁵ Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. (Историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975, с. 106—112.

⁶ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 232, № 263.

⁷ Давидович Е. А. Владетели Насрабада (по нумизматическим данным). КСИИМК, вып. 61, М., 1956, с. 107—113.

⁸ Чтение имени отца Хусейна из-за отсутствия диакритических знаков условное.

Об. ст.: в поле — надпись в пять строк с благочестивым восклицанием, второй частью символа веры, титулом и именем Саманида Нуха б. Насра: *اله/محمد/رسولالله/الملك المويد/نوح بن نصر*
Кругом, между двумя точечными ободками, — надпись с именем и титулом эмира Малика б. Сунгар (?)⁹-тегина:

مما امر به الا مير ملك بن سنكر تكين مولى امير المؤمنين

Хотя монета потерта и слегка обломана, все надписи легко восстанавливаются благодаря опубликованным однотипным фельсам. Четко читается дата — 305 г.х., но она невероятна, поскольку Нух б. Наср правил в 331—343 гг., известные же насрабадские фельсы чеканились в 336—344 гг. х. Значит, дата начертана с ошибкой и должна быть восстановлена как 335 или 345 г. х. Второй вариант также отпадает, но не потому, что Нуха б. Насра в это время уже не было в живых (его имя еще стоит на насрабадских монетах 344 г. х.), а потому, что по содержанию надписей публикуемый фельс примыкает к «ранней» группе монет Насрабада (336—342 г. х.) и отличается от «поздней» (343—344 гг. х.): на фельсах 343 г. х. уже нет имени Бакра б. Малика, на монетах 344 г. х. не упоминается также и ал-Хусайн б ал-Йуман. Остается 335 г. х. То, что резчик монетного штампа пропустил второе слово даты, вполне объяснимо: оно начинается так же, как и третье, и, начав вырезать слово «тридцать», мастер закончил его как «триста». Таким образом, публикуемый фельс — пока самая ранняя насрабадская монета.

На фельсах Насрабада фигурируют четыре имени: саманидского государя Нуха б. Насра, эмира Малика б. Сунгар-тегина, его сына Бакра б. Малика и ал-Хусайна б. ал-Йумана, чиновника, связанного с деятельностью насрабадского монетного двора. Е. А. Давидович убедительно отождествила Бакра б. Малика монет с упоминаемым в письменных источниках Абу Саидом Бакром б. Маликом ал-Фергани, который в 343/954 г. получил назначение на пост хорасанского наместника, но уже в 345/956 г. был убит. Анализируя надписи насрабадских фельсов, Е. А. Давидович пришла к выводу, что Насрабад был пожалован Бакру б. Малику за службу, но фактическим правителем города был его отец. Этот вывод можно, пожалуй, несколько уточнить.

Известны фельсы, чеканенные в Фергане в 330¹⁰, 331 и 332¹¹, 337¹², 339 и 342 гг. х.¹³ В круговой надписи лицевой стороны между

⁹ Чтение, предложенное А. А. Семеновым (см.: Давидович Е. А. Владетели Насрабада. С. 109, прим. 1); оно представляется наиболее вероятным; тюркское слово «сунгар» (сокол, кречет) хорошо сочетается с тюркским же титулом «тегин».

¹⁰ Федоров М. Н., Буряков Ю. Ф. Этнографические и нумизматические находки и публикации в Узбекистане в 1965 г. ЭВ, вып. XIX, Л., 1969, с. 105.

¹¹ Марков А. К. Инвентарный каталог. С. 142, № 738; с. 143, № 746.

¹² Fгаehп Ch. M. Recensio... с. 95, № 252, 253.

¹³ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 147, № 826; с. 149, № 863.

словами «Фергана» и датой на них выбито слово «Малик» (ملك), которое некоторые исследователи до сих пор считают частью названия монетного двора («Фергана-Малик») ¹⁴. Между тем еще Р. Р. Фасмер, по аналогии с монетами Ферганы 358 и 367 гг. х., на которых после слова «Фергана» стоят личные имена правителей, пришел к заключению, что и в данном случае Малик есть имя какого-нибудь эмира, наместника области, а «никакого монетного двора فرغانه ملك не существовало» ¹⁵. Однако Р. Р. Фасмер не сопоставил этого Малика с эмиром Маликом б. Сунгар-тегином насрабадских монет, сопоставление же это напрашивается само собой ввиду близости дат фельсов Ферганы и Насрабада.

Таким образом, можно думать, что Малик б. Сунгар-тегин был владельцем Ферганы в 330—342/941—954 гг., а может быть также в 343/954—55 и 344/955—56 гг., поскольку в эти годы его имя представлено на монетах Насрабада. Следовательно, на насрабадских фельсах 335—342 гг. х. он выступает не в качестве владельца города, а скорее непосредственного сюзерена своего сына Бакра б. Малика: его имя как правителя всей области стоит на более «почетном» месте, чем Бакра, которого и следует считать фактическим правителем Насрабада.

Все это — существенные дополнения к характеристике института феодальных пожалований при Саманидах.

Новые караханидские монетные дворы

В государстве Караханидов в конце X—I-й половине XI в. дирхемы и фельсы чеканили на многих монетных дворах, большинство которых работало эпизодически. Постоянно выпускали монету лишь крупные и столичные города. Обильным был и чекан Баласагуна — одной из караханидских столиц, которая на монетах фигурирует под другим названием — Куз Орду ¹⁶. До сих пор не были, однако, опубликованы монеты, где бы этот город назывался тем своим именем, под которым он известен и в большинстве письменных источ-

¹⁴ См. например, Федоров М. Н., Буряков Ю. Ф. Эпиграфические и нумизматические находки..., с. 105; Zambaur E. von. Die Münzprägungen des Islams. Bd. I. Wiesbaden, 1968, с. 184.

¹⁵ Фасмер Р. Р. Новые приобретения Эрмитажа в области куфической нумизматики. Изв. РАИМК., т. III, Л., 1924, с. 322.

¹⁶ Долгое время слово «Куз Орду» на монетах неверно читали как «Кара Орду». Первым на равенство Кара Орду — Куз Орду — Баласагун и существование монетного двора в Баласагуне указал О. Прицак (Pritsak O. Die Karachaniden. Der Islam. Bd. XXXI, Berlin, 1953, с. 23, 28). Правильно читала название монетного двора как «Куз Орду» также О. И. Смирнова (см.: Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с. 172). Подробное обоснование точки зрения о монетном дворе Куз Орду (а не Кара Орду) привел недавно М. Н. Федоров (Федоров М. Н. Баласагун при Караханидах (по данным нумизматики). «Изв. АН КиргССР», 1975, № 2, с. 87—89), но его эмоциональные восклицания по поводу того, что «таинственный» монетный двор «наконец локализован» и что «это не что иное, как Куз Орду или Баласагун!» — кажутся несколько запоздалыми.

ников — Баласагун. Такую монету удалось обнаружить в составе клада серебряных караханидских дирхемов, найденного в г. Джамбуле и хранящегося в Джамбулском областном музее. Этот дирхем чеканен в Баласагуне в 404/1013—14 г. от имени Кутб ад-Даула Ахмада б. Али.

2. Л. ст.: в поле — первая часть символа веры в три строки, как у № 1. Выпускные сведения — квадратом: /بِسْمِ اللّٰهِ صِرْ بِهَذَا الدِّرْهَمِ/ Все в тройном ободке (два линейных и наружный насечный).

Об. ст.: в поле — надпись в пять строк с благочестивым восклицанием, второй частью символа веры, именем халифа Кадира, титулатурой и именем Караханида Ахмада б. Али: /اللّٰهُ مُحَمَّدٌ رَّسُولُ اللّٰهِ/ Кругом, между внутренним двойным линейным и внешним линейно-насечным ободками, — 9-й стих 61-суры Корана: مُحَمَّدٌ رَّسُولُ اللّٰهِ اَرْسَلَهُ بِالْحَقِّ يَدِينُ وَدِينِ
الْحَقِّ لِيُظْهِرَهُ عَلَى الدِّينِ كُلِّهِ وَ لَوْ كَرِهَ الْمُشْرِكُونَ

В составе того же клада есть еще один уникальный дирхем, который сообщает нам название неизвестного монетного двора.

3. Л. ст.: в поле — символ веры, как у № 1, вверху знак в виде свастики, внизу — اَتَمَّتْ كَيْنِ Кругом, между двумя линейными ободками, выпускные сведения:

[بِسْمِ اللّٰهِ صِرْ بِهَذَا الدِّرْهَمِ بِاَجِ سَنَةِ س...]

Об. ст.: в поле — надпись в пять строк с благочестивым восклицанием, второй частью символа веры, именем халифа Кадира, лакабом и титулом Караханида Кадыр-хана: /اللّٰهُ مُحَمَّدٌ رَّسُولُ اللّٰهِ/ القادر بالله ناصر ال[دولة] قدر خان بن بقر احا (так!) ملك المشرق Кругом, между линейными ободками (внутренний — двойной, внешний — одинарный), — как у № 2.

Дирхем выбит от имени Насир ад-Даула Кадыр-хана б. Бограхана и его вассала Атим-тегина¹⁷. От даты сохранилось (да и то не целиком) только слово, обозначающее единицы; это ست или

سبع. Поскольку в кладе нет монет раньше 393 и позже 408 гг. х., а имя Атим-тегина появляется на монетах только в V в. х., дату можно уверенно восстановить как 406/1015—16 или 407/1016—17 г. Название монетного двора состоит из двух букв: первая «алиф» (гласные «а», «и», или «у»), вторая — «ха», или «джим». Их соче-

¹⁷ Федоров М. Н. читает Имтегин (см.: Федоров М. Н. Ходжендский клад серебряных дирхемов второго десятилетия XI в. Сб. «Материальная культура Таджикистана», вып. 2, Душанбе, 1971, с. 166—167; и другие его работы), но предпочтительнее, кажется, Атим-тегин; «атим» — древнетюркское «стрелок, меткий стрелок» (Древнетюркский словарь, Л., 1969, с. 67).

тание дает 6 вариантов, но единственно приемлемый — Удж, т. е. Уч. Так назывался город на месте теперешнего Уч-Турфана, в Восточном Туркестане, часть которого в конце IV — начале V в. х. как раз и составляла владения упомянутого на монете Кадыр-хана.

В Эрмитаже хранится серебряный дирхем (инв. № 13441), опубликованный еще А. К. Марковым¹⁸. Монета выбита от имени Кадыр-хана (с его титулатурой «Хан Малик ал-Машрик») и его вассала Атим-тегина в 412/1021—22 г. в городе, название которого А. К. Марков не расшифровал и привел в транскрипции: دلوچ.

Ознакомление с этой монетой в натуре показало, что начертание букв в надписи с выпускными сведениями слитное, возможно также чтение باج, т. е. «в Уче»¹⁹, которое тем более вероятно, что на обеих монетах (406—407 и 412 гг.) фигурируют одни и те же правители. Разница в написании слова «Уч» (в первом случае с кратким «у», во втором — с долгим) соответствует такому же разнообразию в письменных источниках: в «Худуд ал-алам» — اوج²⁰, у Махмуда Кашгарского اج²¹.

Есть и еще более поздние монеты Уча — медные дирхемы из двух Беловодских кладов. При публикации их, осуществленной пишущим эти строки и М. Н. Федоровым, не удалось правильно расшифровать название монетного двора и было высказано предположение, что это, может быть, Атлах²². Новый внимательный просмотр монет показал, что на самом деле это Уч, причем это слово, как и на дирхемах 406/407 г., написано с кратким «у». Дирхемы выбиты в 448/1056—57 г. от имени Арслан-илека и свидетельствуют, что этому правителю принадлежала часть Восточного Туркестана. Другой частью этой области, с Кашгаром и Хотаном, владел тогда Арслан-хан Сулайман, но любопытно, что в обоих Беловодских кладах отсутствуют его кашгарские или яркендские монеты.

Помимо Уча, Арслан-илек владел также Барсханом, городом на южном берегу Иссык-Куля. До сих пор были известны медные дирхемы Барсхана, выпущенные Арслан-илеком в 448/1056—57 и 449/1057—58 гг.²³ Однако чекан там начался намного раньше. Об этом свидетельствует неопубликованный серебряный дирхем из коллекции В. В. Кучерова (Ташкент).

¹⁸ Марков А. К. Указ. соч., с. 196, № 41.

¹⁹ М. Н. Федоровым предложено, правда с оговоркой «может быть», неприемлемое чтение «Атлах» (Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в. НЭ, т. XI, М., 1974, с. 163).

²⁰ Худуд ал-алам. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930, л. 18а.

²¹ Махмуд Кашгари. Диван лугат ат-турк. Изд. Ахмеда Рифата, т. I. Стамбул, 1915, с. 38.

²² Кочнев Б. Д., Федоров М. Н. Два клада караханидских дирхемов середины XI в. из Киргизии. НЭ, т. XI, М., 1974, с. 185—186, 194.

²³ Там же, с. 182.

4. Л. ст.: в поле — символ веры в 3 строки, как у № 1, вверху — *بغرا*, внизу — *ايلىك*. Выпускные сведения — квадратом *بسم الله صرب هذا الدرهم / بجر سخان سنه / [عشره واربع مائد*
Все в линейном ободке.

Об. ст.: в поле — надпись в пять строк: *اله / محمد رسول الله / الغادر بالله / خان ملك / المشرق* Кругом между двумя линейными ободками, как у № 2.

Монета выбита в Барсхане от имени уже упоминавшегося Кадыр-хана, который, как и на дирхеме Уча 412 г. х., выступает под титулом «Хан Малик ал-Машрик», и его вассала Богра-илека.

В дате слово, обозначающее число единиц, стерто, так что это может быть любой год между 411/1020—21 и 419/1028. Однако несомненно, что данный дирхем на три десятилетия древнее известных датированных монет Барсхана, в котором, как выясняется, чекан монет производился, видимо, достаточно долго, причем не только медных, но и серебряных.

В Джамбулском кладе есть еще 4 дирхемы Кадыр-хана, выбитые на двух монетных дворах, до сих пор неизвестных науке.

5. Л. ст.: в поле — символ веры в 3 строки, как у № 1, внизу — *بسم الله / ض / نهذ الدرهم* Выпускные сведения — квадратом *ختلغ او كا / سار كند سند / اربع و اربعمايه*

Все в линейно-насечном ободке.

Об. ст.: в поле — *اله / محمد رسول الله / القادر بالله ناصر الدولة / قدر خان بن بغرا خان / ملك المشرق* Кругом, между внутренним двойным и внешним линейно-насечным ободками, — 33-й стих IX суры Корана.

6. Л. ст.: в поле — символ веры, как у № 1. Выпускные сведения — квадратом: *بسم الله صر [نهذ الدرهم / سار كند / سنه سبع و اربعمايه*

Все в линейно-насечном ободке.

Об. ст.: в поле — *اله / محمد رسول الله / القادر بالله خان / ملك المشرق* Кругом, в обрамлении, как у № 5, неразобранная надпись.

7. Л. ст.: в поле — символ веры, как у № 1, внизу — *بسم الله صرب هذا الدرهم بسسر كند* Кругом — выпускные сведения: *بسم الله صرب هذا الدرهم بسسر كند* Все в линейно-насечном ободке, причем насечки идут наискось к ободку.

Об. ст.: в поле — как у № 6. Кругом, между внутренним двойным линейным и внешним линейно-насечным (насечки наискось) ободками, — 33-й стих IX суры Корана.

Все три монеты выпущены от имени Кадыр-хана, но на дирхеме 404 г. х. (№ 5) фигурирует также имя его вассала Хутлуг Ука, на дирхеме (40)7? г. х. (№ 7) — имя другого вассала Чагры-тегина, на монете 407 г. х. (№ 6) наместник не упомянут. На всех трех кружках, видимо, назван один и тот же город. В первых двух случаях наименование его начертано без предлога, первая буква — несомненно — «син» или «шин», поскольку первые три зубца слова написаны тесно и далеко от четвертого, после которого следует «алиф», затем «ра» или «за». В третьем случае та же часть названия города воспроизведена иначе: перед «ра» нет «алифа», а зубцов всего шесть и начертаны они все одинаково. Скорее всего, это не еще один монетный двор, а тот же самый город, что и в первых двух случаях, но в начале слова стоит предлог «бе» (первый зубец), а вместо «алифа» — «йай».

Последняя часть слова на всех трех дирхемах начертана одинаково — «кенд». Все вместе дает *سنار کند* или *سنر کند*. Этот монетный двор находился, конечно, в Восточном Туркестане, западной частью которого ограничивались в начале V в. х. владения Кадыр-хана. Однако населенный пункт с названием, хотя бы приближающимся к воспроизведенному, в пределах Восточного Туркестана не известен, так что вопрос о правильной транскрипции и точном местонахождении данного монетного двора приходится оставить открытым.

Еще один дирхем из Джамбулского клада дает название другого монетного двора.

8. Л. ст.: в поле — символ веры, как у № 1. Вверху — украшение. Кругом, между двойными линейными ободками, — выпускные сведения: *بسم الله الرحمن الرحيم صر بهذا الدرهم سکند*

Об. ст.: в поле — *الله/محمد رسول الله/.... /ناصر الدولة اتمتکین* — 33-й стих IX суры Корана.

В третьей строке надписи реверса имя сюзерена не сохранилось, но, судя по титулатуре вассала (Насир ад-Даула Аттим-тегин), это Кадыр-хан; впрочем, строго говоря, лакаб Насир ад-Даула может быть частью титулатуры не вассала, а сюзерена, носившего то же почетное прозвание. Дата выпуска тоже не сохранилась, но она не должна, как и весь клад, выходить далеко за пределы 393—408 гг. х. Название места чекана может быть прочитано как Пайкенд или Байкенд. Но это едва ли тот Пайкенд, что находился возле Бухары: в кладе нет монет Центрального Мавераннахра, за исключением двух обломков монет, чеканенных в Бухаре в ??3 и ??4 гг. х; судя по сохранившимся обрывкам титулатуры, это, скорее всего, 393 и 394 гг. х. К тому же имя Аттим-тегина на монетах Центрального Мавераннахра не встречается и вообще появляется в V в. х. Возможно, дирхем выпущен в одном из населенных пунктов

Восточного Туркестана, но точное его название и местонахождение пока не удается установить.

Еще один неизвестный монетный двор открывает нам дирхем из частной коллекции Г. А. Худякова (г. Чирчик).

9. Л. ст.: в поле — символ веры, как у № 1. Выпускные сведения — квадратом: ... *بِسْمِ اللّٰهِ ض / بِهَذَا الدِّرْهَمِ / بَدَعْتُ سَنَهُ / سَبْعَ وَعِشْرُونَ أَر ...*
Все в линейном ободке.

Об. ст.: в поле — *اله / محمد رسول الله / القادر بالله قدر خان ملك* —
Внизу украшение. Кругом, между двумя линейными ободками, — стерто или неразборчиво.

Дирхем выбит в Дахкете в 417/1026 г. от имени Кадыр-хана (с его титулом Малик ал-Машрик) без упоминания вассала. Дахкет (или Адахкет) был небольшим городом в Илаке; автор «Худуд ал-алам» называет его городком²⁴. Ю. Ф. Буряков отождествляет с Дахкетом городище в селении Дукент; площадь городища — около 8 га, но поскольку значительная часть его уничтожена, первоначально оно было, вероятно, крупнее. Расцвет городка, по данным Ю. Ф. Бурякова, приходится на XI—XII вв.²⁵

Как можно судить по монетам, во втором десятилетии V в. х. Кадыр-хан, владевший до того лишь городами Восточного Туркестана, начал захват соседних областей. В 416 г. х. он чеканит монету в столице Ферганы Узгенде²⁶, в 417 г. — в Куз Орду (Баласагуне)²⁷.

В это же время был захвачен Шаш-илак, причем выпуск монеты в Дахкете отражает, видимо, один из этапов этого завоевания — самый факт перехода этого города под власть Кадыр-хана. Однако не имело бы смысла специально отмечать этот факт чеканом дирхемов, если бы Дахкет был столь незначительным пунктом, как представляется это по сведениям географов X в., лишь упоминающих его в ряду других городков Илака без всяких подробностей; надо полагать, к первой половине XI в. значение Дахкета выросло, о чем и свидетельствует публикуемая монета.

Самая возможность эпизодического, быть может разового выпуска монеты в небольшом городе позволяет предположить такой же чекан еще в одном городе Шаш-Илака — в Фаранкете. Пишущим эти строки совместно с М. Н. Федоровым были опубликованы два медных дирхема из второго Беловодского клада, выпущенные от имени Богра-хана и вассала с неустановленным лакабом в (4)48 г. х. в городе, название которого было предложено читать

²⁴ Худуд ал-алем..., л. 24а.

²⁵ Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. (Историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975, с. 153—157.

²⁶ Марков А. К. Инвентарный каталог..., с. 246, № 349.

²⁷ Федоров М. Н. Баласагун при караханидах..., с. 91.

(под вопросом) как Тункет, хотя в легенде оно начертано так: برنكن ²⁸. Слово может быть прочитано برنكت . — Баранкет — Паранкет; это, вероятно, одна из форм воспроизведения названия Фаранкет (فرنكت , ср. Парак — Фарак, Бараб — Параб — Фараб).

Как и Дахкет, Фаранкет был небольшим городком, и тоже лишь упоминается среди прочих городов Шаша²⁹. Ю. Ф. Буряков отождествляет с Фаранкетом остатки городища в селении Паркент; площадь городища не установлена, но она не была значительной³⁰.

До сих пор еще далеко не выявлены все те пункты, в которых при Караханидах были монетные дворы, так что здесь нас ожидает немало открытий. Вместе с тем в литературе в последние годы появились сведения о новых караханидских монетных дворах, из которых некоторые вызывают серьезные сомнения. Так, М. Н. Федоров издал дирхем 410/1019—20 г., чеканенный в пункте, название которого автор публикации предлагает читать как Кан-и Мансур, оставляя это чтение под вопросом³¹. Но такого монетного двора не может быть, поскольку Кан-и Мансур — название позднее и в средневековых письменных источниках не встречается. На самом же дирхеме³² выбито, оказывается, не Кан-и Мансур, а Ахмад ал-Мансур. Место чекана резчик монетного штампа сперва пропустил, а затем, видимо спохватившись, попытался слово سنه («год») слегка подпразить таким образом, чтобы преобразовать его в название города: увеличил число зубцов, первый зубец превратил в «ха», пятый в «каф». В результате этой не очень умелой операции получилась своего рода головоломка, в которой одно и то же слово можно читать и как («год»), и как حسكت (т. е. «Ахсикет»).

Что монета действительно выбита в Ахсикете, убеждает и большее сходство ее надписей с надписями одного из опубликованных дирхемов Ахсикета 410 г. х.³³: на нем, как и на рассматриваемой монете, имя Ахмада (в форме «Ахмад б. Мансур») включено в круговую легенду с выпускными сведениями; такая деталь на караханидских монетах встречается редко.

К чекану Ахсикета следует скорее всего отнести также дирхемы 407/1016—17 г., чеканенные, по мнению М. Н. Федорова, в Сюткете. Если вначале такое чтение было предложено как вероятное, то затем уже без всяких оговорок³⁴. Из двух монет, отнесенных

²⁸ Кочнев Б. Д., Федоров М. Н. Два клада..., с. 184, 194.

²⁹ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973, с. 22, 28, 33.

³⁰ Буряков Ю. Ф. Историческая топография..., с. 99—100.

³¹ Федоров М. Н. Ходжендский клад..., с. 158.

³² Монета хранится в Музее истории культуры и искусства УзССР в г. Самарканде (инв. № 5147).

³³ Марков А. К. Инвентарный каталог..., 3-е добавление, с. 924, № 275а.

³⁴ Федоров М. Н. Ходжендский клад..., с. 162, 169; Он же. Политическая история..., с. 159, табл. 1; с. 163, табл. 3.

М. Н. Федоровым к чекану Сюткета, на дирхеме лучшей сохранности (СМК, инв. № 4309, воспроизведен также в цитированной работе М. Н. Федорова «Политическая история...», фототабл. 1, 3) видно, что та часть монеты, где стоит название города, слегка попорчена, и начало этого слова, по всей видимости, отсутствует. Наиболее вероятно, что здесь стояло *باحسكت* («в Ахсикете»), но первые две буквы не сохранились, «ха» же было принято М. Н. Федоровым за «ба», поскольку начертание этих букв на караханидских монетах сходно³⁵. К чтению «Ахсикет» заставляет склониться и типовое сходство данных монет с дирхемами, заведомо чеканенными в Ахсикете в том же 407 г. х.³⁶

Таким образом, два новооткрытых караханидских монетных двора приходится «закрывать».

Новые джанидские золотые монеты

Специально вопросом о золотом чекане Джанидов занималась лишь Е. А. Давидович³⁷. Она пыталась установить, в частности, когда начался при Джанидах выпуск золотых монет. Самые ранние из известных науке экземпляров датированы первым годом правления Абу-л-Файз-хана — 1123/1711—12 г. Однако Е. А. Давидович предполагала, что золотой чекан начался несколько раньше. Основанием для такой гипотезы послужили данные двух купчих: в первой из них, датированной 1106/1695 г., золото еще фигурирует как металл, в документе 1120/1709 г. речь идет о золотой монете «ашрафи». Следовательно, заключает Е. А. Давидович, регулярный чекан золота при Джанидах начался между 1695 и 1709 гг.

Одна из монет Бухарского музея (№ 6610/22) позволяет уточнить вопрос о начале чекана джанидского золота.

10. Л. ст.: в картуше — имя и титулатура государя, наименование монетного двора и дата цифрами: *عبيد الله بهادرخان سيد*
внизу — *صرب بخارا*, вверху — ۱۱۱۴

Об. ст.: в картуше — символ веры и дата цифрами: *لا اله الا الله*
вверху — *الله محمد رسول الله* ۱۱۱۴

Описанный экземпляр — первая золотая монета Убайдаллахана, который, как выясняется, начал чеканить золото с 1114/1702 г., т. е. в первый же год правления. Вполне вероятно, что как раз с

³⁵ Ср. полемику по поводу того, следует ли читать Богра-тегин или Джагрытегин (Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1970 г. Сб. «Археологические работы в Таджикистане», вып. X, М., 1973, с. 259).

³⁶ Марков А. К. Указ. соч., с. 228, № 238.

³⁷ Золотым джанидским монетам посвящена отдельная глава (пятая) в труде Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов). Душанбе, 1964, с. 173—189.

этого года начинается вообще золотой джанидский чекан. Как показала Е. А. Давидович, Убайдаллах-хан искал опору своей власти среди представителей торгово-ремесленной верхушки и тех слоев общества, которые были тесно связаны с городами и торговлей. В их интересах он провел некоторые мероприятия, в число которых, видимо, следует включить и выпуск золотых монет. За время правления предшественника Убайдаллаха Субхан-Кули-хана (1680—1702) проба серебряных монет, а вместе с тем и покупная их способность сильно понизились. Вследствие этого серебряные деньги не были удобны для крупных сделок, что и послужило причиной выпуска золотой монеты, призванной обслуживать сферу крупной торговли.

Настоящий экземпляр интересен и в отношении типологической характеристики джанидского золота. Это единственная золотая монета Джанидов, где на лицевой стороне проставлены выпускные сведения: название монетного двора и дата цифрами.

Из других небезынттересных золотых джанидских монет Бухарского музея следует отметить две монеты Абу-л-Файз-хана. Первая (№ 6599/22) дает новую дату — 1127/1715 г., вторая (№ 6605/22) уточняет последнюю цифру даты, которая на экземпляре, виденном Е. А. Давидович, могла быть прочитана двояко: как 1126 и 1129 г. х.³⁸; теперь несомненно, что это 1126/1714 г.

³⁸ Давидович Е. А. История монетного дела..., с. 174.

Т. С. ЕРНАЗАРОВА

НОВЫЕ МОНЕТНЫЕ КЛАДЫ ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

В статье описывается часть новых монетных находок с городища Афрасиаб¹, обнаруженных в 1970—1971 гг., остальные находки предполагается издать в следующем выпуске, где будет приведено также исследование публикуемых кладов.

В описании монет серебро и медь выделены в особые разделы. Надписи и отдельные знаки согдийского алфавита даются согласно общепринятой международной транскрипции для согдийских текстов, арабские воспроизводятся арабским письмом. Восстанавливаемая часть письма берется в скобки. Диаметр монет приводится в миллиметрах, вес в граммах. За данными о размерах и весе указываются соотношение матриц или штемпелей и сохранность монет. В конце описания даются инвентарные номера собрания Института археологии АН УзССР. Приняты следующие условные обозначения: д — диаметр; в — вес; ↓ — соотношение матриц или штемпелей; С₁₋₄ — сохранность экземпляра.

Серебро

В 1970 г. при раскопках соборной мечети археологом М. Саадиевым в керамическом сосуде на полу помещений найден клад из 164 серебряных монет, выпущенных по типу бухархудатских с именем ал-Махди (757—775 гг.) и ал-Амина (809—813 гг.)², 155 из них принадлежат ал-Махди, 9 — ал-Амину.

¹ Прежние находки монет на Афрасиабе описаны в работах: Ерназарова Т. С. О монетных находках на Афрасиабе в 1965 году. Сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, с. 317—329; Ерназарова Т. С. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до IX века). Сб. «Афрасиаб», вып. 3, Ташкент, 1973, с. 155—237; Кочнев Б. Д., Ерназарова Т. С. Находки монет XI — начала XIII вв. на Афрасиабе. Сб. «Афрасиаб», вып. IV, 1975, с. 69—77; Ерназарова Т. С., Кочнев Б. Д. Материалы к истории торговли и денежного обращения Самарканда в IX—X вв. ИМКУ, вып. 13, с. 131—155.

² Относительно разных толкований надписи см.: Массон М. Е. К вопросу о «черных дирхемах» Муссейяби. Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. 6, Ташкент, 1955, с. 175; Ерназарова Т. С. О монетных находках на Афрасиабе в 1965 году. Сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, с. 329. !

**Мухаммад ал-Махди,
наместник Хорасана
(140—158/757—775 гг.)**

1. Ал-Махди. Без обозначения места и времени (Бухара, третья четверть VIII в., не ранее 757 г.).

Л. ст.: подражание портрету Варахрана V (420—438 гг.). Погрудный бюст царя передан схематически штрихами и точками, над венцом полумесяц с точкой посередине. Три крупные точки передают плечи. Шея охвачена украшением. Перед лицом царя надпись местным письмом: $\rho w \gamma' \zeta \quad \gamma w \beta k' w'$ — „Государь Бухары царь“. Слева за венцом арабская надпись المهدي „ал-Махди“. По краю монеты узкий ободок.

Об ст.: подражание оборотной стороне драхм Варахрана V. Посередине алтарь с двуступенчатым основанием, над ним в пламени голова царя (?), обращенная вправо. С двух сторон алтаря фигуры стражей (мабедов). Все в линейном круге. Д. 25; в. 2,21; ↗; С₂. Инв. 5575; колл. 125/1. Тип как Walker A. A. Catalogue of the Agab-Sasanian coins. London, 1941, pl. XXXIX, N 3; Смирнов О. М. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, № 17; Ерназарова Т. С. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным. № 7.

2. То же. Другой штемпель. Поверхность неровная. Д. 25; в. 2,95; ↓; С₃. Инв. 5576; колл. 125/2.

3. То же. Лицевая сторона полустерта. По оборотной стороне штемпель чуть сдвинут. Д. 26; в. 2,30; →; С₂. Инв. 5577; колл. 125/3.

4. То же. Поверхность неровная, изображения отчетливые. Все в точечном ободке. Д. 26; в. 2,55; ↓; С₂. Инв. 5577; колл. 125/4.

5. То же. Другой штемпель. Монета по краям чуть обрезана по точечному кругу. Поверхность неровная. Д. 25; в. 2,6; ↓; С₁. Инв. 5578; колл. 125/5.

6. То же. Изображение царя и надпись на лицевой стороне оплыли, нос и глаза царя искажены. Д. 25; в. 2,3; ↓; С₃. Инв. 5579; колл. 125/6.

7. То же. Лицевая сторона полустерта и обломана справа. Д. 24; в. 2,10; →; С₃. Инв. 5580; колл. 125/7.

8. То же. Глаза и брови царя на лицевой стороне не отмечены. В арабской надписи буквы ه и م оплыли, поверхность чуть неровная. Все в точечном ободке. Д. 25; в. 2,30; →; С₂. Инв. 5581; колл. 125/8.

9. То же. Глаза и рот подчеркнуты точками. По краю кружка трещина. Д. 25; в. 2,00; ↓; С₂. Инв. 5582; колл. 125/9.

10. То же. Лицевая сторона полустерта. Штемпель сдвинут. Обрезана по краю по точечному кругу. Д. 24; в. 2,20; →; С₃. Инв. 5583; колл. 125/10.

11. То же, как предыдущая. Д. 24; в. 2,40; →; С₃. Инв. 5584; колл. 125/11.

12. То же. Вариант. В арабской надписи в имени المهدي

отсутствует буква ζ . Кружок обрезан по краю по точечному кругу. Д. 25; в. 2,20; ↓ ; С₃₋₄. Инв. 5585; колл. 125/12.

13. То же. Лицевая сторона полустерта. Кружок неровный. Д. 24; в. 2,35; ↓ ; С₃. Инв. 5586; колл. 125/13.

14. То же. Другой штемпель. Поверхность неровная. Д. 24; в. 2,38; ↓ ; С₂. Инв. 5587; колл. 125/14.

15. То же. Монета обрезана по точечному кругу. Д. 24; в. 2,35; ↓ ; ?₃. Инв. 5588; колл. 125/15.

16. То же. На лицевой стороне согдийская надпись стерта. Д. 23; в. 2,20; ↓ ; С₃. Инв. 5589; колл. 125/16.

17. То же. Грудь и плечи царя на лицевой стороне переданы 12 точками. Сохранность отличная. Местами кружок срезан. Д. 25; в. 2,00; ↓ ; С₁. Инв. 5590; колл. 125/17.

18. То же. На лицевой стороне изображение и надпись оплыли. Монета обрезана по точечному кругу. Д. 25; в. 2,6; → ; С₂. Инв. 5591; колл. 125/18.

19. То же. Лицевая сторона чуть стерта. Д. 24; в. 2,30; ← ; С₃. Инв. 5592; колл. 125/19.

20. То же, как предыдущая. Д. 24; в. 1,9; ← ; С₃. Инв. 5593; колл. 125/22.

21. То же. Поверхность неровная. Местами монета обрезана по точечному кругу. Изображение на оборотной стороне отличное. Д. 24; в. 2,0; ← ; С₂. Инв. 5594; колл. 125/21.

22. То же. Изображение и надпись на лицевой стороне чуть стерты, кружок ровный. Д. 25; в. 2,40; → ; С₂. Инв. 5595; колл. 125/22.

23. То же. Другой штемпель. Изображение и надпись на обеих сторонах полустерты, по краям срезаны. Д. 25; в. 2,28; → ; С₄. Инв. 5596; колл. 125/23.

24. То же. Грудь и плечи царя переданы 11 точками, кружок по краю срезан. Д. 24; в. 2,3; → ; С₂. Инв. 5597; колл. 125/24.

25. То же. Другой штемпель. Грудь и плечи царя переданы 10 точками, надписи отчетливые, по краю трещины, кружок по точечному кругу на оборотной стороне местами срезан. Д. 24; в. 2,7; ↓ ; С₂. Инв. 5598; колл. 125/25.

26. То же. Поверхность неровная, лицевая сторона чуть стерта, кружок по точечному кругу срезан. Д. 25; в. 2,45; → ; С₂. Инв. 5599; колл. 125/26.

27. То же. На лицевой стороне в арабской надписи المولى буквы ه и ζ оплыли. На оборотной стороне штемпель чуть сдвинут. Кружок местами по точечному кругу срезан. Д. 25; в. 2,19; → ; С₂. Инв. 5600; колл. 125/27.

28. То же. Лицевая сторона почти стерта. Металл чуть окислен. Д. 24; в. 2,5; ← ; С₃. Инв. 5601; колл. 125/28.

29. То же. Другой штемпель. На лицевой стороне надпись и изображение царя искажены. Д. 25; в. 2,40; ↑ ; С₃. Инв. 5602; колл. 125/29.

30. То же. Лицевая сторона отчетливая, по краю кружок чуть обломан. Д. 25; в. 2,15; ↓ ; С₂. Инв. 5603; колл. 125/30.

31. То же. Другой штемпель. Лицевая сторона стерта, только сохранилась арабская надпись *المهدى*. Кружок срезан по точечному кругу. Д. 25; в. 2,10; С₄. Инв. 5604; колл. 125/31.

32. То же. Портрет царя полустерт. Д. 24; в. 2,38; ↓ ; С₄. Инв. 5605; колл. 125/32.

33. То же. Лицевая сторона стерта, оборотная отчетливая. По краю кружка мелкие трещины. Д. 25; в. 2,4; С₃. Инв. 5606; колл. 125/33.

34. То же. Портрет царя полустерт. Кружок на оборотной стороне неровный. Д. 24; в. 2,40; ↑ ; С₃. Инв. 5607; колл. 125/34.

35. То же. Обратная сторона стерта. Точечный круг местами широкий. Металл окислен. Д. 25; в. 2,5; С₃. Инв. 5608; колл. 125/35.

36. То же. Изображения и надпись отчетливые. Д. 25; в. 2,50; →; С₂. Инв. 5609; колл. 125/36.

37. То же. Изображение и надпись на обеих сторонах оплыли. Монета по точечному кругу местами срезана. Штемпель чуть сдвинут. Д. 24; в. 2,6; ↑ ; С₃. Инв. 5610; колл. 125/37.

38. То же, как предыдущая. Д. 24; в. 1,9; ↙ ; С₁. Инв. 5611; колл. 125/38.

39. То же. Металл чуть окислен. Д. 25; в. 2,30; ↙ ; С₂. Инв. 5612; колл. 125/39.

40. То же. Изображение царя чуть оплыло. Д. 24; в. 2,40; ↗ ; С₂. Инв. 5613; колл. 125/40.

41. То же. На оборотной стороне согдийская надпись стерта. Монета срезана по точечному кругу. Д. 24; в. 2,5; ↙ ; С₂. Инв. 5614; колл. 125/41.

42. То же. На лицевой стороне штемпель сдвинут, согдийская надпись полустерта. Д. 25; в. 2,19; ↙ ; С₃. Инв. 5615; колл. 125/42.

43. То же. На лицевой стороне штемпель сдвинут. Изображение царя оплыло, арабская надпись едва читается. Края кружка неровные. Д. 25; в. 2,6; ↓ ; С₃. Инв. 5616; колл. 125/43.

44. То же. Металл окислен. Д. 25; в. 2,34; →; С₃. Инв. 5617; колл. 125/44.

45. То же, как предыдущая. Д. 24; в. 2,40; →; С₃₋₄. Инв. 5618; колл. 125/45.

46. То же. Другой штемпель. Обратная сторона полустерта. Д. 24; в. 2,5; ← ; С₃. Инв. 5619; колл. 125/46.

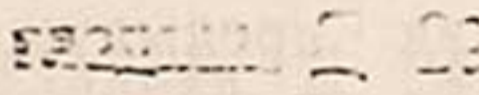
47. То же. Грудь и плечи царя переданы 10 точками, арабская надпись полустерта, кружок по краю срезан. Д. 25; в. 2,35; ↓ ; С₃. Инв. 5620; колл. 125/47.

48. То же. Обратная сторона несколько сбита и стерта. Монета незначительно обломана с одного края. Д. 24; в. 2,37; ↙ ; С₃. Инв. 5621; колл. 125/48.

49. То же, как и предыдущая. Другой штемпель. Д. 25; в. 2,10; ↗ ; С₃. Инв. 5622; колл. 125/49.

50. То же. Лицевая сторона сбита и стерта. Д. 25; в. 1,9; С₃. Инв. 5623; колл. 125/50.
51. То же. Д. 25; в. 2,0; С₂. Инв. 5624; колл. 125/51.
52. То же. Лицевая сторона стерта, сохранилась только арабская надпись. Д. 24; в. 2,19; С₃. Инв. 5625; колл. 125/52.
53. То же, как предыдущая. Другой штемпель. Лицевая сторона сбита и несколько стерта. Д. 1,9; в. 2,4; С₃₋₄. Инв. 5626; колл. 125/53.
54. То же. Изображения сбиты и стерты. Кружок по краю чуть срезан. Д. 25; в. 2,00; С₄. Инв. 5627; колл. 125/54.
55. То же. Монета обрезана по точечному кругу. Д. 25; в. 2,30; ↓ ; С₂. Инв. 5628; колл. 125/55.
56. То же. Поверхность неровная, несколько стертая. Д. 23; в. 2,20; С₄. Инв. 5629; колл. 125/56.
57. То же, как предыдущая. Д. 25; в. 2,15; С₃₋₄. Инв. 5630; колл. 125/57.
58. То же. Полустерта и обрезана по краям. Д. 24; в. 2,10; С₄. Инв. 5631; колл. 125/58.
59. То же. Другой штемпель. Рисунок едва обозначается на оборотной стороне. Д. 25; в. 2,30; ↑ ; С₂. Инв. 5632; колл. 159/59.
60. То же. Другой штемпель. Поверхность неровная. Д. 24; в. 1,9; С₄. Инв. 5633; колл. 125/60.
61. То же. Изображение царя едва обозначается, надпись отчетливая. Д. 25; в. 2,10; ↑ ; С₃. Инв. 5634; колл. 125/61.
62. То же. Рисунок на обеих сторонах едва обозначается. Монета обрезана по точечному кругу. Д. 24; в. 2,5; → ; С₃. Инв. 5635; колл. 125/62.
63. То же, как предыдущая. Другой штемпель. По краю кружок обрезан. Д. 24; в. 2,10; ↓ ; С₄. Инв. 5636; колл. 125/63.
64. То же. Лицевая сторона сбита и стерта. Д. 25; в. 2,30; С₃. Инв. 5637; колл. 125/64.
65. То же, как предыдущая. Д. 24; в. 2,30; С₃. Инв. 5638; колл. 125/65.
66. То же. На лицевой стороне арабская надпись не обозначена. Согдийская надпись полустерта. Д. 23; в. 2,36; ↑ ; С₄. Инв. 5639; колл. 125/66.
67. То же. Другой штемпель. Рисунок едва обозначается на обеих сторонах. Д. 24; в. 2,00. Инв. 5640; колл. 125/67.
68. То же, как предыдущая. Металл окислен. Д. 24; в. 2,10; С₄. Инв. 5641; колл. 125/68.
69. То же. Лицевая сторона полустерта. Д. 24; в. 2,20; С₃. Инв. 5642; колл. 125/69.
70. То же. Другой штемпель. Д. 24; в. 2,10; → ; С₂. Инв. 5643; колл. 125/70.
71. То же. Д. 25; в. 2,18; ↓ ; С₃. Инв. 5644; колл. 125/71.
72. То же. Другой штемпель. Обратная сторона несколько стерта. Д. 25; в. 2,10; С₃. Инв. 5645; колл. 125/72.

73. То же. Согдийская надпись на лицевой стороне стерта. Д. 25; в. 2,00; ↓; С₃. Инв. 5646; колл. 125/73.
74. То же. Изображение царя и надпись на лицевой стороне оплыли. Д. 24; в. 2,10; →; С₁. Инв. 5647; колл. 125/74.
75. То же. Другой штемпель. Обратная сторона гладкая. Кружок по точечному кругу обрезан. Д. 25; в. 2,00; С₄. Инв. 5648; колл. 125/75.
76. То же. Другой штемпель. Обрезана по краю. Д. 23; в. 2,38; С₂. Инв. 5649; колл. 125/76.
77. То же. Лицевая сторона стерта. Д. 24; в. 2,5; С₄. Инв. 5650; колл. 125/77.
78. То же. Д. 24; в. 2,30; С₄. Инв. 5651; колл. 125/78.
79. То же. Д. 25; в. 1,9; С₄. Инв. 5652; колл. 125/79.
80. То же. Д. 24; в. 1,9; С₄. Инв. 5653; колл. 125/80.
81. То же. Сохранность отличная. Д. 23; в. 2,20; ↓; С₄. Инв. 5654; колл. 125/81.
82. То же. Согдийская надпись стерта. Монета обрезана по точечному кругу. Д. 24; в. 2,28; ↓; С₃. Инв. 5655; колл. 125/82.
83. То же. Другой штемпель. Обратная сторона почти стерта. Д. 24; в. 2,15; →; С₃. Инв. 5656; колл. 125/83.
84. То же, как предыдущая. Д. 25; в. 2,18; С₄. Инв. 5657; колл. 125/84.
85. То же, изображение на оборотной стороне едва обозначено. Д. 24; в. 1,8; ↑; С₃. Инв. 5658; колл. 125/85.
86. То же. Изображение царя сбито, края кружка неровные. Д. 24; в. 2,00; ↓; С₃. Инв. 5659; колл. 125/86.
87. То же. Надпись и изображение царя оплыли. Точечный круг местами обрезан. Д. 24; в. 2,10; ↑; С₂. Инв. 5660; колл. 125/86а.
88. То же. Изображение на обеих сторонах несколько сбито. Д. 25; в. 2,00; ↓; С₂. Инв. 5661; колл. 125/87.
89. То же. Вариант. Изображение царя на оборотной стороне передано местами штрихами. Кружок по краю обрезан. Д. 25; в. 2,19; →; С₂. Инв. 5662; колл. 125/88.
90. То же. Другой штемпель. На оборотной стороне неширокий ободок местами срезан по кругу. Д. 25; в. 2,35; ↓; С₂. Инв. 5663; колл. 125/89.
91. То же. Сохранность отличная. Д. 24; в. 2,6; ↓; С₁. Инв. 5664; колл. 125/90.
92. То же. Другой вариант. Д. 24; в. 2,20; ↑; С₂. Инв. 5665; колл. 125/91.
93. То же. Лицевая сторона полустерта. Д. 25; в. 2,00; ↙; С₃. Инв. 5666; колл. 125/92.
94. То же. Лицевая сторона сбита и почти стерта, с края обломана. Д. 24; в. 2,10; ←; С₃. Инв. 5667; колл. 125/93.
95. То же. Д. 24; в. 2,38; →; С₂. Инв. 5668; колл. 125/94.
96. То же. Другой вариант. Д. 24; в. 2,15; ↗; С₂. Инв. 5669; колл. 125/95.

97. То же. Рисунки едва обозначены. Д. 25; в. 2,20; →; С₃. Инв. 5670; колл. 125/96.
98. То же. Другой штемпель. Обратная сторона стерта. Д. 24; в. 2,20; ←; С₃. Инв. 5671; колл. 125/97.
99. То же. Д. 24; в. 1,8; →; С₃. Инв. 5672; колл. 125/98.
100. То же. Вариант. Рисунки на оборотной стороне искажены. Д. 24; в. 2,00; ↙; С₃. Инв. 5673; колл. 125/99.
101. То же, как предыдущая. Д. 24; в. 2,10; ↙; С₃. Инв. 5674; колл. 125/100.
102. То же. Д. 24; в. 2,10; →; С₃. Инв. 5675; колл. 125/101.
103. То же. Д. 24; в. 2,12; →; С₃. Инв. 5676; колл. 124/102.
104. То же. Другой штемпель. Д. 24; в. 2,23; →; С₃. Инв. 5677; колл. 125/103.
105. То же. Рисунок на обеих сторонах едва обозначен. Д. 24; в. 2,20; ↓; С₃. Инв. 5678; колл. 123/104.
106. То же. Поверхность чуть неровная, лицевая сторона полустерта, кружок неровный, обрезан. Д. 24; в. 2,40; ↑; С₃. Инв. 5679; колл. 125/106.
107. То же, как предыдущая. Д. 24; в. 2,6; ↑; С₃. Инв. 5680; колл. 125/105.
108. То же. Лицевая сторона ; С₄. Инв. 5681; колл. 125/107.
109. То же, как № 108. Д. 24; в. 2,40; С₄. Инв. 5682; колл. 125/108.
110. То же. На лицевой стороне арабская надпись едва читается. Обратная сторона полустерта. Кружок с края по точечному кругу обрезан. Д. 24; в. 1,75; ↓; С₃. Инв. 5683; колл. 125/109.
111. То же, как № 110. Д. 25; в. 2,15; ↓; С₃. Инв. 5684; колл. 126/110.
112. То же. Рисунок едва изображен на обеих сторонах. Края обрезаны по точечному кругу. Д. 23; в. 2,10; ↑; С₃. Инв. 5685; колл. 125/111.
113. То же. Другой штемпель. Д. 24; в. 2,10; ↗; С₂. Инв. 5686; колл. 125/112.
114. То же. Обратная сторона полустерта. Д. 24; в. 2,40; ←; С₂. Инв. 5687; колл. 125/113.
115. То же. Другой штемпель. Лицевая сторона сбита и несколько стерта. Д. 24; в. 2,20; ↓; С₃. Инв. 5688; колл. 124/114.
116. То же. Другой штемпель. Сохранность отличная. Д. 24; в. 2,40; ↗; С₁. Инв. 5689; колл. 125/115.
117. То же. Вариант. Нос царя передан изогнутым штрихом, надпись отчетливая. Д. 24; в. 2,30; ↗; С₁. Инв. 5690; колл. 125/116.
118. То же. Д. 24; в. 2,00; ↙; С₁. Колл. 125/117.
119. То же. Рисунок на оборотной стороне едва различим. Д. 24; в. 2,30; С₄. Инв. 5692; колл. 125/118.
120. То же. Лицевая сторона полустерта. Д. 24; в. 2,55; →; С₃. Инв. 5693; колл. 125/119.
121. То же, как предыдущая. Д. 24; в. 2,51; ↙; С₃. Инв. 5694; колл. 125/120.

122. То же. Другой штемпель. Рисунок на обеих сторонах полустерт. Монета обрезана по точечному кругу. Д. 24; в. 2,39; ↓ ; С₄ Инв. 5695; колл. 125/121.
123. То же, как № 122. Полустерта. Д. 25; в. 2,00; ↓ ; С₃. Инв. 5696; колл. 125/122.
124. То же. Надписи оплыли. Изображение царя искажено, штемпель сдвинут. Д. 24; в. 2,32; ↗ ; С₃. Инв. 5697; колл. 125/123.
125. То же. Монета с краю обрезана. Д. 24; в. 2,39; ↗ ; С₃. Инв. 5698; колл. 125/124.
126. То же. Другой штемпель. Монета обрезана по точечному кругу. Д. 25; в. 2,51; ↗ ; С₃. Инв. 5699; колл. 125/125.
127. То же. Другой штемпель. Д. 24; в. 2,30; ↗ ; С₂. Инв. 5700; колл. 125/126.
128. То же. Другой штемпель. Согдийская надпись на лицевой стороне стерта. Д. 24; в. 2,61; ← ; С₃. Инв. 5701; колл. 125/127.
129. То же. Вариант. На лицевой стороне точечный ободок передан шире, чем обычно. Д. 24; в. 2,16. Инв. 5702; колл. 125/128.
130. То же. Другой штемпель. Обратная сторона сбита и несколько стерта. Д. 24; в. 2,18; С₂. Инв. 5703; колл. 125/129.
131. То же. Другой штемпель. Кружок по краю чуть обрезан. Д. 24; вып. 2,42; ↗ ; С₃. Инв. 5704; колл. 125/130.
132. То же. Другой штемпель. Широкий точечный ободок местами обрезан. Д. 25; в. 2,21; ↗ ; С₃. Инв. 5705; колл. 125/131.
133. То же. Вариант. Изображение на оборотной стороне все в точечном круге, который местами обрезан. Д. 25; в. 2,19; ↗ ; С₂. Инв. 5706; колл. 125/132.
134. То же. Полустерта. Обе стороны несколько сбиты, кружок обрезан. Д. 25; в. 2,11; ↗ ; С₄. Инв. 5707; колл. 125/133.
135. То же. Д. 25; в. 2,50; ↗ ; С₂. Инв. 5708; колл. 125/134.
136. То же. Полустерта. Д. 25; в. 2,40; ↗ ; С₃. Инв. 5709; колл. 125/135.
137. То же. Другой штемпель. Кружок по краю обломан. Д. 24; в. 2,20; С₃. Инв. 5710; колл. 125/136.
138. То же. Другой штемпель. Д. 25; в. 2,50; ↗ ; С₃. Инв. 5711; колл. 125/137.
139. То же. Лицевая сторона сбита и стерта. Д. 25; в. 2,61; ↗ ; С₃. Инв. 5712; колл. 125/138.
140. То же. Металл окислен. Д. 25; в. 2,32; ↗ ; С₃. Инв. 5713; колл. 125/139.
141. То же. Другой вариант. Д. 24; в. 2,55; ↗ ; С₂. Инв. 5714; колл. 125/140.
142. То же. Другой штемпель. Лицевая сторона полустерта. Д. 24; в. 2,00; С₂. Инв. 5715; колл. 125/141.
143. То же. Вариант. Грудь и плечи переданы 13 точками. Д. 24; в. 2,00; С₁. Инв. 5716; колл. 125/142.
144. То же. Штемпель сдвинут. Д. 25; в. 2,55; ↗ ; С₂. Инв. 5717; колл. 125/143.

145. То же. Поверхность неровная. Д. 24; в. 2,00; ↙ ; С₂. Инв. 5718; колл. 125/144.

146. То же. Обратная сторона несколько стерта. Кружок местами срезан. Д. 24; в. 2,18; ↘ ; С₃. Инв. 5719; колл. 125/145.

147. То же. Вариант. Подбородок и рот царя на оборотной стороне переданы 12 точками. Д. 24; в. 2,61; ↗ ; С₁. Инв. 5720; колл. 125/146.

148. То же. Другой штемпель. На лицевой стороне изображение царя несколько оплыло. Кружок местами обрезан. Д. 23; в. 2,10; ↘ ; С₂. Инв. 5721; колл. 125/147.

149. То же. Д. 24; в. 2,40; ↖ ; С₂. Инв. 5722; колл. 125/148.

150. То же. Другой штемпель. Штемпель чуть сдвинут, местами окислен. Д. 25; в. 2,40; ↗ ; С₂. Инв. 5723; колл. 125/149.

151. То же. Другой штемпель. Изображения на лицевой стороне едва обозначаются. Д. 24; в. 2,00; ↗ ; С₃. Инв. 5724; колл. 125/150.

152. То же. Сохранность отличная. Обрезана по точечному кругу. Д. 24; в. 2,60; ↘ ; С₁. Инв. 5725; колл. 125/151.

153. То же. Лицевая сторона чуть сбита и несколько стерта. Обратная сторона отчетливая. Д. 23; в. 2,10; ← ; С₄. Инв. 5726; колл. 125/152.

154. То же. Другой штемпель. Начало согдийской надписи на лицевой стороне стерто. Д. 23; в. 2,10; → ; С₃. Инв. 5727; колл. 125/153.

155. То же. Обратная сторона стерта. Местами окислена. Д. 24; в. 2,20; С₃. Инв. 5728; колл. 125/154.

156. То же. Другой штемпель. Лицевая сторона стерта, кружок обрезан по точечному кругу. Д. 24; в. 2,10; С₄. Инв. 5729; колл. 125/155.

Ал-Амин ибн Харун? (193—198/809—813 гг.)

157. Ал-Амин Али Сулейман Лиллах. Лицевая сторона как у предыдущих типов. Погрудное изображение Варахрана V передано схематично, штрихами и точками, над венцом царя кружок. Основание шеи и плечи подчеркнуты тесно поставленными точками. Изображение окружено изящно выполненной односторонней арабской надписью, начинающейся у правого плеча царя, два последних слова которой располагаются на месте трех точек на груди царя: *بِسْمِ اللَّهِ مُحَمَّدٌ رَسُولُ اللَّهِ مُحَمَّدٌ يَوْمَئِذٍ بِمَا أَمَرَ بِهِ الْإِمِينُ سَلِيمٌ إِلَه*
«Во имя аллаха, Мухаммад посланник Аллаха, Мухаммадия. Из того, о чем приказал Ал-Амин Али Сулейман Лиллах». Все в точечном круге по краю монеты. Обратная сторона как у предыдущих типов. Д. 24; в. 2,13; → ; С₂. Инв. 5730; колл. 125/156.

158. То же, как предыдущая, но несколько стерта. Кружок неровный. Д. 24; в. 2,10; ↓ ; С₂. Инв. 5731; колл. 125/157.

159. То же. Вариант. Штемпель на лицевой стороне сдвинут. Д. 25; в. 2,70; ↗ ; С₂. Инв. 5732; колл. 125/158.

160. То же. Д. 23; в. 2,25; ↙ ; С₃. Инв. 5733; колл. 125/159.
161. То же. Другой штемпель. Лицевая сторона полустерта. Д. 24; в. 1,80; ↓ ; С₄. Инв. 5734; колл. 125/160.
162. То же. На лицевой стороне от арабской надписи сохранилось только начальное слово, остальные стерты. Д. 24; в. 1,60; † ; С₄. Инв. 5735; колл. 125/161.
163. То же. Другой штемпель. Монета обрезана по точечному кругу. Д. 24; в. 1,9; — ; С₃. Инв. 5736; колл. 125/162.
164. То же. На лицевой стороне надпись отчетливая, изображение царя стерто. Д. 24; в. 2,12; — ; С₃. Инв. 5737; колл. 125/163.

Медь (бронза)

Клад найден в центральном раскопе в хлопчатобумажном мешочке в 1971 г. археологом Ш. Шорахимовым. Монеты клада принадлежат самаркандскому царю Тархуну (700—710 гг.).

165. Без обозначения места и времени. Л. ст.: два родовых династийных знака, расположенных в противоположных сторонах квадратного отверстия, заключенного в узкую рамку. Слева У-образный знак, повернутый вправо. Справа полустертый ромбовидный знак.

Об. ст.: надпись в две концентрические строки: tγwп MLK' — «ихшид Тархун». Квадратное отверстие заключено в узкую рамку. По краю кружка широкий ободок. Д. 23; в. 2,31; — ; С₁. Инв. 5468; колл. 124/1 (Тип как у Смирновой О. И. Каталог монет с города Пенджикент, № 143—161; Ерназарова Т. С. Денежное обращение..., № 70—91).

166. То же. Знаки на лицевой стороне почти стерты. Обратная надпись отчетливая. Д. 23; в. 2,45; ← ; С₃. Инв. 5369; колл. 124/2.

167. То же. Лицевая сторона полустерта. Обратная сторона отчетливая. По краям кружка остатки литника. Д. 23; в. 2,30; — ; С₃. Инв. 5470; колл. 124/3.

168. Лицевая сторона полустерта. Остатки литника. Края неровные. Д. 22, в. 3,30; ↓ ; С₃. Инв. 5471; колл. 124/4.

169. То же. Остатки литника. Кружок неровный. Д. 22, в. 2,20; — ; С₃. Инв. 5472; колл. 124/5.

170. То же. Сохранность отличная. Д. 22; в. 2,47; С₁. Инв. 5473; колл. 124/6.

171. То же, как № 6. Остатки литника. Д. 23; в. 3,8; † ; С₁. Инв. 5474; колл. 124/7.

172. То же. Отчетливо обозначенные знаки на лицевой стороне, чуть оплыли. Следы литника. Д. 23; в. 4,20; † ; С₂. Инв. 5475; колл. 124/8.

173. То же. Сохранность отличная. Д. 23; в. 4,4; † ; С₁. Инв. 5476; колл. 124/9.

174. То же. Надпись на оборотной стороне оплыла. Д. 23; в. 4,8; — ; С₂. Инв. 5477; колл. 124/10.

175. Такая же монета с неровной поверхностью на оборотной стороне. Края кружка неровные. Д. 24; в. 3,16; —; С₂. Инв. 5478; колл. 124/11.
176. То же. Д. 23; в. 2,30; —; С₁. Инв. 5479; колл. 124/12.
177. Контуры знаков на лицевой стороне нечеткие, рамочка и ободок узкие. Надпись на оборотной стороне оплыла. Чуть обломана по краю. Д. 23; в. 32,38; —; С₂. Инв. 5480; колл. 124/13.
178. То же. Д. 23; в. 4,18; —; С₂. Инв. 5481; колл. 124/14.
179. То же. Остатки литника. Д. 23; в. 3,80; —; С₂. Инв. 5482; колл. 124/15.
180. То же. Лицевая сторона стерта. Д. 23; в. 2,83; —; С₂₋₃. Инв. 5483; колл. 124/16.
181. То же. На оборотной стороне титул MLK' почти стерт. Кружок ровный. Д. 23; в. 3,5; —; С₁. Инв. 5484; колл. 127/17.
182. То же. Знаки почти стерты. Надпись на оборотной стороне отчетливая. Д. 23; в. 3,8; —; С₂. Инв. 5485; колл. 124/18.
183. То же. По краям кружка остатки литника. Д. 22; в. 3,25; —; С₂. Инв. 5486; колл. 124/19.
184. То же. Лицевая сторона полустерта. Кружок по краям срезан. Д. 22; в. 3,22; ↓ ; С₂. Инв. 5487; колл. 124/20.
185. То же. Остатки литника. Металл окислен. Д. 23; в. 3,30; ↙ ; С₂. Инв. 5488; колл. 124/21.
186. То же. По краям кружка остатки литника. Д. 24; в. 3,5; ↗ ; С₁. Инв. 5489; колл. 124/22.
187. То же. Лицевая сторона стерта. Д. 22; в. 3,5. Инв. 5490; колл. 124/23.
188. То же. Лицевая сторона стерта. Надпись на оборотной стороне чуть оплыла. Монета по краю обломана. Д. 23; в. 2,8. Инв. 5491; колл. 124/24.
189. То же. Лицевая сторона чуть стерта. Остатки литника. Д. 23; в. 3,5; С₂. Инв. 5492; колл. 124/25.
190. То же, как № 189. Остатки литника. Д. 22; в. 3,49; ↗ ; С₂. Инв. 5493; колл. 124/26.
191. Сохранность отличная. Д. 23; в. 3,20; ↙ ; С₁. Инв. 5494; колл. 124/27.
192. То же. Лицевая сторона стерта. Надпись на оборотной стороне отчетливая. По краю монеты остаток литника. Металл окислен. Д. 21; в. 2,26; ↗ ; С₃. Инв. 5495; колл. 124/28.
193. То же. Остатки литника. Д. 23; в. 3,30; ↙ ; С₂. Инв. 5496; колл. 124/29.
194. То же. На лицевой стороне едва заметны знаки, надпись отчетливая. Остатки литника. Д. 23; в. 3,40; ↗ ; С₂. Инв. 5497; колл. 124/30.
195. То же. Лицевая сторона стерта. Надпись отчетливая. Остаток литника. Д. 23; в. 4,8. Инв. 5498; колл. 124/31.
196. Знаки и надпись на обеих сторонах едва различимы. Края кружка неровные. Остаток литника. Д. 21; в. 2,3; С₃₋₄. Инв. 5499; колл. 124/32.

197. То же. Сохранность хорошая. Д. 24; в. 3,20; С₂. Инв. 5500; колл. 124/33.

198. То же. Лицевая сторона стерта. Надпись читается. Остатки литника. Д. 23; в. 3,29; —; С₃. Инв. 5501; колл. 124/34.

199. То же. Сохранность хорошая. В поле кружка две дырочки. Остатки литника. Д. 24; в. 2,30; —; С₂. Инв. 5502; колл. 124/35.

200. То же. Д. 23; в. 2,37; —; С₁. Инв. 5503; колл. 124/36.

201. То же. Лицевая сторона стерта. Кружок неровный. Д. 23; в. 4,30; ↓ ; С₂. Инв. 5504; колл. 124/37.

202. То же. Лицевая сторона полустерта. Остатки литника. Д. 23; в. 3,5; ↑ ; С₂. Инв. 5505; колл. 124/38.

203. То же. Знаки стерты. Надпись полустерта. Кружок обломан по краю. Металл окислен. Д. 22; в. 2,2; С₄. Инв. 5506; колл. 124/39.

204. То же. Лицевая сторона стерта. Остатки литника. Д. 22; в. 3,30; ↑ ; С₂. Инв. 5507; колл. 124/40.

205. То же. Сохранность отличная. Д. 23; в. 4,40; ↙ ; С₁. Инв. 5508; колл. 124/41.

206. То же. Д. 23; в. 2,40; —; С₁. Инв. 5509; колл. 124/42.

207. То же. Остатки литника. Д. 22; в. 3,5; —; С₁. Инв. 5510; колл. 124/43.

208. То же. Ободок шире обычного. Кружок по краю обрезан. Д. 23; в. 2,22; —; С₁. Инв. 5511; колл. 124/44.

209. То же. Лицевая сторона полустерта. Остатки литника. Д. 23; в. 4,20; ↓ ; С₂. Инв. 5512; колл. 124/45.

210. То же. Металл окислен. Д. 21; в. 2,18; ↗ ; С₃. Инв. 5513; колл. 124/46.

211. То же. Лицевая сторона стерта. Края кружка неровные, остатки литника. Д. 23; в. 3,35; С₃. Инв. 5514; колл. 124/47.

212. То же. Сохранность отличная. Д. 22; в. 2,40; ↗ ; С₁. Инв. 5515; колл. 124/48.

213. То же. Лицевая сторона стерта. Остатки литника. Д. 22; в. 3,10; ↗ ; С₃. Инв. 5516; колл. 124/49.

214. То же. Остатки литника. Д. 23; в. 3,17. Инв. 5517; колл. 124/50.

215. То же. Остатки литника. Д. 23; в. 3,17. Инв. 5518, колл. 124/51.

216. То же. Лицевая сторона полустерта. Рамочка с оборотной стороны чуть заполнена металлом. Д. 23; в. 3,00; С₂. Инв. 5519; колл. 124/52.

217. Такая же, как № 216. Д. 22; в. 3,10. Инв. 5520; колл. 124/53.

218. То же. Остатки литника. Инв. 5521; колл. 124/54.

219. То же. Рамочка с оборотной стороны чуть заполнена металлом. В поле кружка две дырочки. Остатки литника. Д. 22; в. 2,20; —; С₃. Инв. 5522; колл. 124/55.

220. То же. Знаки на лицевой стороне едва различимы. Буква «М» в титуле МЛК' оплыла. Кружок неровный. Д. 23; в. 2,5; —; С₂₋₃. Инв. 5523; колл. 124/56.

221. То же. Д. 22; в. 2,37; —; С₂. Инв. 5524; колл. 124/57.

222. То же. По краям монеты остатки широкого литника. Д. 23; в. 3,29; —. Инв. 5525; колл. 124/58.

223. То же. Лицевая сторона стерта. Д. 23; в. 3,40; ← ; С₂. Инв. 5526; колл. 124/59.

224. То же. Остатки литника. Д. 22; в. 3,8. Инв. 5527; колл. 124/60.

225. То же. Края монеты местами неровные. Кружок чуть погнут по краю. Д. 23; в. 2,38; С₂. Инв. 5528; колл. 124/61.

226. То же. Кружок чуть погнут по краю. Д. 22; в. 2,48; ↓ ; С₂. Инв. 5529; колл. 124/62.

227. То же. На лицевой стороне знаки едва обозначены, неровная рамочка и широкий ободок чуть яснее. Начальное *t* в надписи в мелких трещинах. Д. 22; в. 2,30; —; С₂. Инв. 5530; колл. 124/63.

228. То же. Знаки на лицевой стороне четкие. Рамочка и ободок отличные. Д. 22; в. 3,8; ↓ ; С₂. Инв. 5531; колл. 124/64.

229. То же. На лицевой стороне знаки чуть оплыли. Надпись на оборотной стороне четкая. Д. 22; в. 3,5; ↓ ; С₁. Инв. 5532; колл. 124/65.

230. То же. Знаки и надпись едва заметны при определенном наклоне кружка, также и ободок. Края квадратного отверстия с лицевой стороны неровные. Остатки литника. Д. 21; в. 2,9; С₄. Инв. 5533; колл. 124/66.

231. То же. Кружок в мелких трещинах. Д. 23; в. 3,18; ↓ ; С₂. Инв. 5534; колл. 124/67.

232. То же. Д. 23; в. 2,38; ↓ ; С₁. Инв. 5535; колл. 124/68.

233. То же. Левый У-образный знак на лицевой стороне едва обозначен, рамочка чуть шире обычной, ободок неровный. Д. 23; в. 3,9; —; С₂. Инв. 5536; колл. 124/69.

234. То же. Лицевая сторона гладкая, без знаков. Квадратное отверстие в узкой неровной рамочке. Обратная сторона отчетливая. По краю остаток литника. Д. 23; в. 2,40; —; С₃. Инв. 5537; колл. 124/70.

235. То же. Контуры знаков на лицевой стороне неясны, по краю кружка местами широкий, местами узкий ободок. Края кружка неровные. В квадратном отверстии есть выступ металла. Д. 22; в. 2,18; —; С₃. Инв. 5538; колл. 124/71.

236. То же. Левый У-образный знак на лицевой стороне чуть стерт. Остатки двух литников. Д. 22; в. 3,30; С₂. Инв. 5539; колл. 124/72.

237. То же. Рамочка чуть шире обычной, ободок неровный. Д. 23; в. 3,4; —; С₂. Инв. 5540; колл. 124/73.

238. То же. Знаки едва заметны. Края квадратного отверстия с лицевой стороны очень неровные. Ободок местами узкий. Края кружка неровные. Д. 23; в. 2,30; ↓ ; С₃. Инв. 5541; колл. 124/74.

239. То же. Правый ромбовидный знак на лицевой стороне едва обозначен. Края кружка неровные, остатки литника. Д. 23; в. 2,9; С₃. Инв. 5542; колл. 124/75.

240. То же. Лицевая сторона полустерта. Д. 22; в. 3,00; С₃. Инв. 5543; колл. 124/76.

241. То же. На лицевой стороне в поле посередине прямоугольная рамочка, имитирующая центральное квадратное отверстие. По сторонам два обычных знака. Ободок широкий. Д. 23; в. 4,18; —; С₂. Инв. 5544; колл. 124/77.

242. То же. Д. 20; в. 2,57; †; С₃. Инв. 5545; колл. 124/78.

243. То же. Лицевая сторона полустерта, рамочка и ободок неровные. Надпись на оборотной стороне слегка оплыла. Начальное *t* в имени напоминает букву *P*. Края неровные. Остатки литника. Д. 23; в. 4,8; —; С₂. Инв. 5546; колл. 124/79.

244. То же. Д. 21; в. 2,82; С₄. Инв. 5547; колл. 124/80.

245. То же. Сохранность отличная. Д. 22; в. 3,43; ←; С₁. Инв. 5548; колл. 124/81.

246. То же. Лицевая сторона неровная, знаки стерты, кружок в мелких трещинах. Металл окислен. Д. 23; в. 1,28; С₄. Инв. 5549; колл. 124/82.

247. То же. Д. 23; в. 4,20; ↓; С₁. Инв. 5550; колл. 124/83.

248. То же. Д. 22; в. 3,48; †; С₁. Инв. 5551; колл. 124/84.

249. То же. Лицевая сторона гладкая, квадратное отверстие в узкой рамочке. Кружок по краю обрезан. Металл окислен. Д. 23; в. 1,28; С₃₋₄. Инв. 5552; колл. 124/85.

250. То же. Правый ромбовидный знак стерт. Надпись на оборотной стороне четкая. Рамочка шире обычной. Остатки литника по краю кружка. Д. 22; в. 1,48. Инв. 5553; колл. 124/86.

251. То же. Стертые знаки на лицевой стороне несколько оплыли. Рамочка узкая. Имеются мелкие трещины. Д. 23; в. 1,65; —; С₃. Инв. 5554; колл. 124/87.

252. То же. Металл окислен. Монета по краю обломана, кружок в мелких трещинах. Д. 22, в. 1,45; —; С₃. Инв. 5555; колл. 124/88.

253. То же. Лицевая сторона полустерта. Д. 22; в. 3,11; ↓; С₂. Инв. 5556; колл. 124/89.

254. То же. Лицевая сторона стерта. Квадратное отверстие заполнено металлом. Остатки литника. Металл окислен. Д. 22; в. 3,12; —; С₃. Инв. 5557; колл. 124/90.

255. То же, как № 254. Д. 22; в. 2,37; С₃. Инв. 5558; колл. 124/91.

256. То же. Лицевая сторона чуть стерта. Д. 23; в. 3,18; †; С₂. Инв. 5559; колл. 124/92.

257. То же. Лицевая сторона гладкая. Рамочка неровная, квадратное отверстие чуть заполнено металлом. Широкий ободок на оборотной стороне местами узкий. Д. 23; в. 3,15; С₃. Инв. 5560; колл. 124/93.

258. То же. В поле прямоугольная рамочка, имитирующая центральное квадратное отверстие, по сторонам обычные знаки Тархуна. На оборотной стороне кругом обычная надпись. Ободок шире обычного. Остатки литника с небольшим количеством металла. Д. 23; в. 4,30; —; С₁. Инв. 5561; колл. 124/94.

259. То же. Д. 23; в. 4,37; С₁. Инв. 5562; колл. 124/95.

260. То же. Лицевая сторона, знаки и неровный ободок оплыли. Д. 22; в. 3,18; →; С₁. Инв. 5563; колл. 124/96.

261. То же. Лицевая сторона полустерта. Остатки литника. Д. 23; в. 3,10; →; С₂. Инв. 5564; колл. 124/97.

262. То же. Знаки на лицевой стороне четкие, производят впечатление подправленных резцом, края неровные, следы литника. Д. 23; в. 3,20; ↑. Инв. 5565; колл. 124/98.

263. То же. Лицевая сторона чуть стерта, рамочка узкая, остатки металла. Д. 23; в. 3,32; →; С₂. Инв. 5566; колл. 124/99.

264. То же, как № 263. Д. 23; в. 2,18; ↗; С₂. Инв. 5567; колл. 124/100.

265. То же. Д. 22; в. 3,00; С₃. Инв. 5568; колл. 124/101.

266. Д. 21; в. 2,95; С₂. Инв. 5569; колл. 124/102.

267. То же. Левый конец У-образного знака чуть отогнут влево, правый упирается в ободок по краю монеты, ободок шире обычного. На оборотной стороне титул MLK'. Д. 23; в. 2,65; ↑; С₂. Инв. 5570; колл. 124/103.

268. То же. Рамочка узкая. Д. 23; в. 2,70; →; С₂. Инв. 5571; колл. 124/104.

269. То же. Рамочка на лицевой стороне неровная, в углах утолщения, ободок местами не обозначается. Д. 23; в. 2,95; →; С₂. Инв. 5572; колл. 124/105.

270. То же. Контуры знака и надпись оплыли, ободок широкий. По краю кружка остатки литника. Д. 22; в. 3,2; →; С₂. Инв. 2273; колл. 124/106.

271. То же. Оплывшие знаки и надпись нечеткие, рамочка узкая, широкий ободок местами не обозначен, края кружка неровные. Остатки литника. Д. 23; в. 2,75; →; С₃. Инв. 5574; колл. 124/107.

Э. Ю. БУРЯКОВА

К СТРАТИГРАФИИ ПЛОЩАДИ РЕГИСТАН

Изучение динамики развития таких уникальных объектов, как площадь Регистан, в течение многих лет служившей торгово-экономическим, общественным и культурным центром Самарканда, представляет интерес не только для историков материальной культуры, но и для истории архитектуры, поскольку дает исследователям ценные материалы для реконструкции планировочных градостроительных узлов средневекового города Востока.

В связи с реставрацией медресе Улугбека, Шердор и Тиллякори в различные годы были проведены стратиграфические раскопки вдоль фундаментов и устоев минаретов.

Еще в 1919—1920 гг. М. Е. Массоном было заложено 16 шурфов вдоль цоколей медресе Улугбека и 1 у северо-западного минарета Шердора. Некоторые из шурфов, прорезав всю толщу культурных наслоений, достигали 11 м глубины. В них были отмечены интенсивные наслоения XVI—XVII вв., лишенные монументальности строения XIV—XV вв. и русло канала более раннего периода. В одном из шурфов вскрыты остатки стоянки первобытного человека в виде кострища с костями птиц и животных и крупными гальками¹.

В 1947 г. раскопки вдоль фундамента медресе Улугбека провел А. И. Тереножкин. Четыре стратиграфических шурфа прорезали 9 культурных слоев VIII—XIX вв.²

В 1956 г. исследования на площади, примыкающей к медресе Улугбека с юга, проведены В. А. Булатовой и С. Н. Юреневым. Ими была вскрыта полоса вдоль фундамента на глубину 3,5—4 м, включавшая в нижнем слое выложенную камнем улицу XV—XVI вв. и дворик того же времени, перекрытые архитектурными сооружениями XVII в. и ремесленными мастерскими ювелиров и гончаров XIX в.³

¹ М а с с о н М. Е. Падающий минарет. Ташкент, 1968, с. 25—31.

² Т е р е н о ж к и н А. И. Отчет о раскопках фундамента медресе Улугбека в Самарканде. Архив Главного управления охраны памятников культуры и ИЗО Министерства культуры УзССР (ГУОПМК), инв. № 950.

³ Л е в и н а В. А. Отчет об археологических вскрытиях к югу от медресе Улугбека в Самарканде. Архив ГУОПМК, инв. № С626; Ю р е н е в С. Н. Описание траншеи № 3, расположенной у южного фасада медресе Улугбека. Архив ГУОПМК, инв. № $\frac{С1^{112}}{Л10}$; Б у л а т о в а В. А. Медресе Улугбека в Самарканде. (Стратиграфия наслоений у южного фасада). ОНУ, № 3, 1969, с. 46—47.

В 1969 г. были проведены археологические наблюдения и стратиграфические разрезы на восточной и северной периферии в связи с благоустроительными работами и закладкой крупных сооружений общественного назначения. Здесь было заложено 8 раскопов, в которых получен обширный комплекс археологического материала от поры первобытнообщинного строя до XIX в., прослежены остатки магистрального канала и улиц, что позволяет восстановить важные черты исторической топографии города⁴.

В 1970—1971 гг. Э. Ю. Буряковой проводились наблюдения при строительных работах и благоустройстве площади и реставрации Чорсу к северо-востоку от Регистана⁵, а в 1973 г. — за прокладкой траншеи от здания музея к ресторану, в которой раскрыты ремесленные мастерские XV—XVII вв.⁶.

В 1974 г. Э. Ю. Буряковой, Л. Г. Брусенко и Т. С. Ерназаровой осуществлялись раскопки и надзор за благоустройством площади к западу от медресе Улугбека. Здесь были вскрыты общественные сооружения. Наибольший интерес представило парадное здание коммунального назначения — баня XV в., которую можно отождествить с банями Мирзы, упоминавшимися в источниках. Она включала индивидуальные комнатки для мытья, небольшие резервуары ванн, очажки с сосудами для воды, печи центрального отопления. Найдены мастерские и печи, связанные со строительством самого медресе Улугбека⁷.

Таким образом, на площади и ее периферии в предшествующий период были проведены довольно значительные по объему исследования, однако все они, за исключением работ 1974 г., носили разведочный характер. Широкие работы по понижению площади проведены впервые. На основании решения ЦК КП Узбекистана и Совета Министров Узбекской ССР перед ташкентскими специальными научно-реставрационными производственными мастерскими была поставлена задача завершить реставрацию и проведение благоустроительных работ на крупнейшем комплексе памятников архитектуры — площади Регистан в г. Самарканде.

Работы в части благоустройства включали понижение площади до уровня XV в. С октября 1974 по май 1975 археологами М. С. Мерщевым и Э. Ю. Буряковой были проведены археологические наблюдения. Основная задача, поставленная перед исследователями, заключалась в ведении непрерывного надзора за земляными работами с детальными обмерами вскрываемых участков (конструкций, остатков сооружений, выстилок), сбором и обработкой материа-

⁴ Бурякова Э. Ю., Буряков Ю. Ф. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам площади Регистана в 1969—1971 гг.). Сб. «Афрасиаб», вып. II, Ташкент, 1975, с. 174—224.

⁵ Там же, с. 203—215.

⁶ Об этом см.: Ташходжаев Ш. С. Археологические исследования древнего Самарканда в 1973 г. Сб. «Афрасиаб», вып. III, Ташкент, 1974, с. 17—18.

⁷ Ерназарова Т. С., Бурякова Э. Ю., Брусенко Л. Г. Раскопки в Самарканде. Сб. «Археологические открытия 1974 г.», М., 1975, с. 498—499.

лов, составлением планов, разрезов, фотофиксацией и ведением дневников. Все обмерные археологические работы должны привязываться к архитектурным объектам — Шердору и Тиллякори.

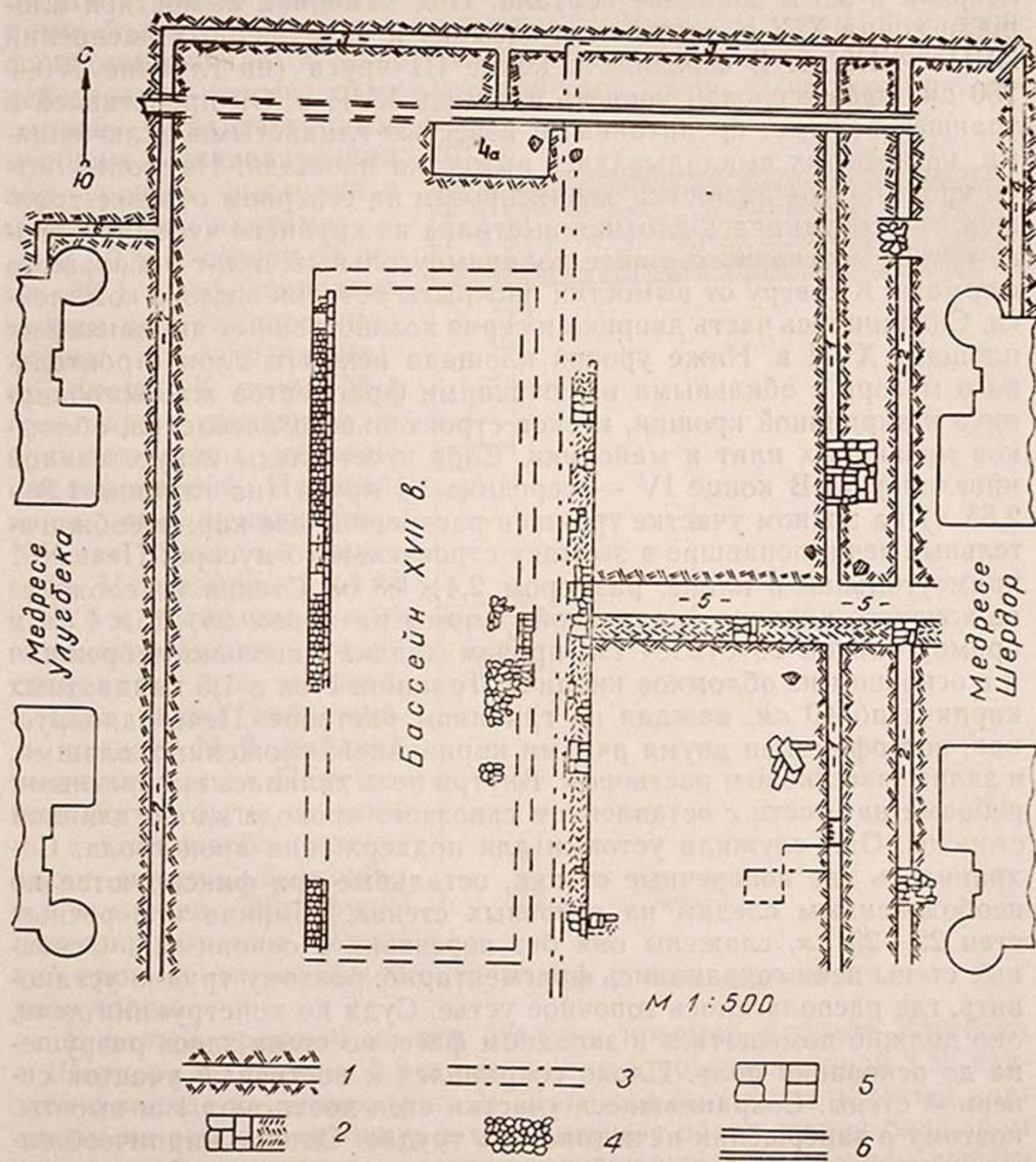

Рис. 1. План траншей и остатков архитектурных строений XV—XVIII вв.:

1—траншеи; 2—дорожка XV в.; 3—канал XV в.; 4—вымостка дороги XV в.; 5—вымостка площади XVII в.; 6—канал XVII в.

Фиксация слоев велась по абсолютным отметкам и ярусам по 0,5 м. По техническим причинам (необходимость закладки электрокабеля) вскрытие площади началось с прокладки траншей ши-

риной до 2 и глубиной 1,8—2,5 м вдоль медресе Шердор и Тиллякори.

Траншея № 1 (рис. 1) прошла с севера на юг вдоль медресе Шердор в 9,5 м западнее портала. Под каменной вымосткой площади конца XIX в. сняты слои засыпки и разрушенных наслоений XVIII—XIX вв. В середине и конце III яруса (на глубине 170—180 см) зафиксирован уровень площади XVII в. Он представлен в траншее белыми, пропитанными известью глинистыми включениями, на которых выкладывалась вымостка площади. Наиболее четко уровень этой вымостки зафиксирован на северном отрезке траншеи, где сохранилась плотная выстилка из крупного чупанатинского камня, обтесанного в виде подпрямоугольных плит небольшого формата. К северу от вымостки раскрыты остатки жилого комплекса. Сохранилась часть дворика и серия хозяйственных ям, занявших площадь XVII в. Ниже уровня площади вскрыты слои строительного мусора с обильными включениями фрагментов жженого кирпича и кирпичной крошки, кусков строительного алебаstra, обломков мозаичных плит и майолики. Слой несет следы искусственной нивелировки. В конце IV — середине VI яруса (на глубине 1,8—2,65 м) на южном участке траншеи расчищены две кирпичеобжигательные печи, попавшие в засыпку строительного мусора. Печь № 1 прямоугольная в плане, размером 2,4×1,8 м. Стенки ее сложены из жженого кирпича квадратной формы размером 25×25×4 см и прямоугольной 25×12×4 см, причем кладка довольно небрежная и в основном из обломков кирпича. Толщина стен в 1,5 квадратных кирпича по 40 см, каждая на глиняном растворе. Печь одноярусная, пол оформлен двумя рядами кирпичиков, уложенных плашмя, и залит известковым раствором. Внутри печь делилась поперечными ребрами на отсеки с оставлением сквозного прохода вдоль длинной стороны. Они служили устоями для поддержания арок свода. Сохранились две поперечные стенки, остальные три фиксируются по необожженным следам на основных стенах. Ширина поперечных стен 22—25 см, сложены они без перевязки с основными. Основные стены печи сохранились фрагментарно, поэтому трудно установить, где располагалось топочное устье. Судя по конструкции печи, оно должно помещаться в западном фесе, но стена здесь разрушена до основания пола. Плохо сохранился и восточный участок северной стены. Сохранившиеся участки стен достигают 1 м высоты, поэтому о завершении печи говорить трудно. Однако кирпичеобжигательные печи аналогичной формы в средневековом Самарканде известны.

Кирпичеобжигательную печь без указания даты описывал В. Л. Вяткин⁸. Г. В. Шишкиной в северной части Афрасиаба в слое конца XII—XIII вв. была расчищена прямоугольная печь с деле-

⁸ Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1977, с. 32.

нием на отсеки⁹. Подобная же печь раскрыта в юго-восточной части городища Ш. Шорахимовым¹⁰. Автор датирует ее XV в., хотя оснований для подобной датировки мало. Следует подчеркнуть, что толщина стенок упомянутых печей, по сравнению с раскрытыми нами, более фундаментальна, сильнее обожжены стены, т. е. печи функционировали более длительный срок. Печь же в траншее № 1 действовала относительно короткий срок, затем была сломана, засыпана архитектурным мусором и сивелирована под уровень выстилки с мраморными плитами.

В 10 м к северу от печи № 1 зафиксирована вторая печь аналогичной формы, но сохранившаяся плохо. К печи № 1 примыкают попавшие в траншею стены нескольких помещений. Исследованы они не полностью. Комнат было не менее трех. Их размеры 2×4 и 2,5×3 м. Сложены они из жженого кирпича того же стандарта, что и печи, кладка также небрежна. В комнате № 2 найдена железная крица. Помещения могут быть связаны и с кирпичеобжигательными печами, возможно и с кузницей. Но функционировали они недолгий срок и также были разрушены.

В центре траншеи по оси входных проемов медресе Улугбека и Шердора на глубине 2,3 м расчищена дорожка шириной 2 м, идущая с запада на восток (рис. 2). Дорожка выложена жженым кирпичом на ребро в «елочку» и ограничена с обеих сторон бордюром из жженого же кирпича, слегка выступающего над уровнем дорожки. Интересно, что печь № 2 частично перекрыла эту дорожку. Если учесть, что уровень несколько заглублен, значит она возведена в период, когда дорожка была заброшена.

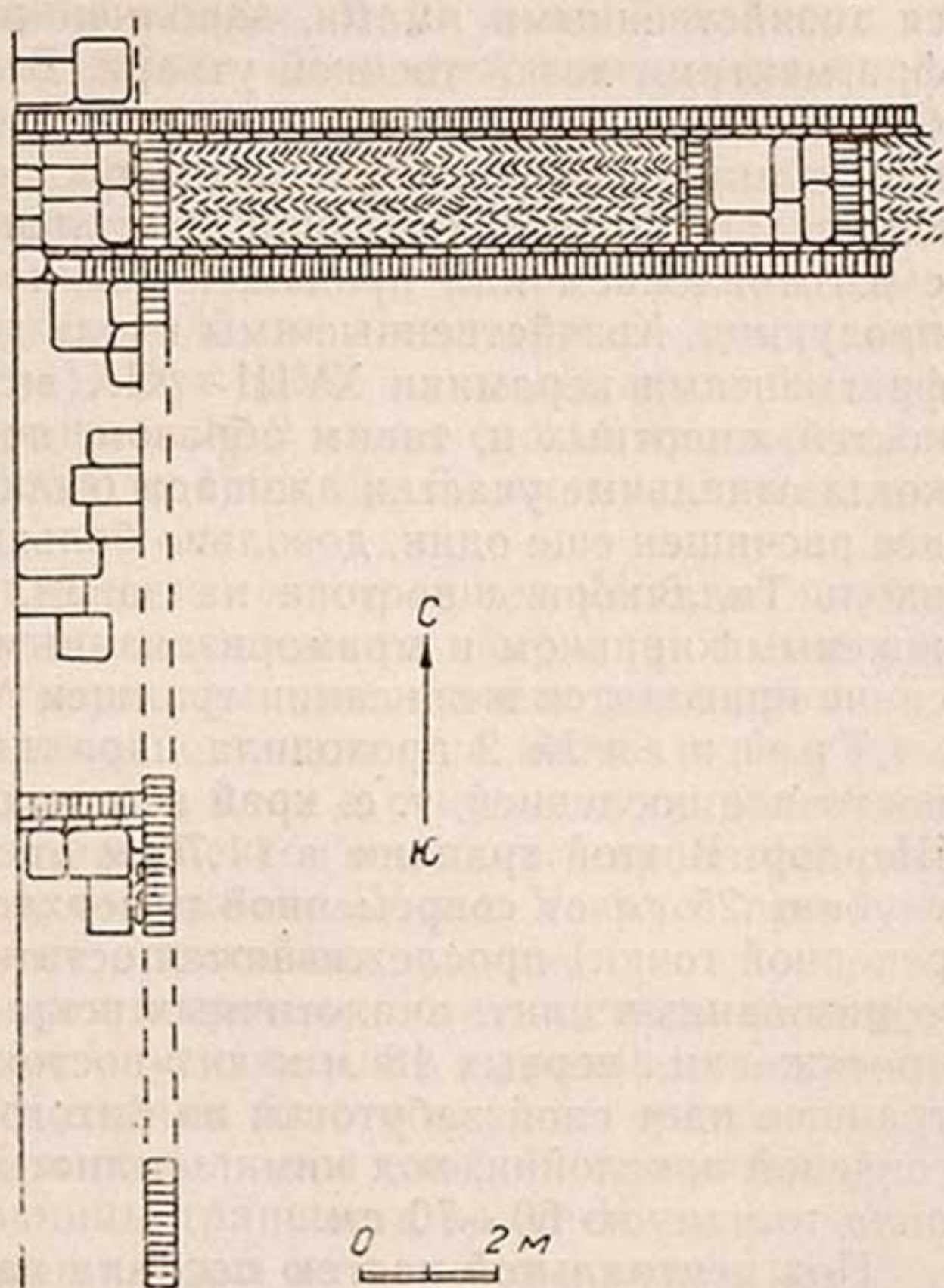

Рис. 2. План дорожки XV в.

⁹ Шишкина Г. В. Бухарские ворота средневекового Самарканда. Сб. «Афрасиаб», вып. IV, Ташкент, 1975, с. 31.

¹⁰ Шорахимов Ш. Кирпичеобжигательная печь средневекового Самарканда. Сб. «Афрасиаб», вып. III, Ташкент, 1974, с. 84.

На северном участке траншеи расчищены отмеченные выше остатки помещений и вымостка площади каменными плитами, далее к северу — остатки дороги, проходящей с запада на восток (по оси северных минаретов Улугбека и Шердора), связанной с помещениями верхнего комплекса. Вдоль северной стороны этой дороги вновь расчищены остатки пола нескольких жилых помещений.

Ряд помещений, располагавшихся вдоль дороги, сопровождается хозяйственными ямами, заполненными различным мусором и фрагментами хозяйственной утвари. В одной из ям найдено 11 небольших бракованных мисочек, изготовленных в качестве игрушек или сурьмадончиков. Это подтверждается расположением вдоль центральных городских дорог ремесленных мастерских, связанных с изготовлением или продажей тех или иных видов ремесленной продукции. Хозяйственные ямы вдоль домов заполнены в основном фрагментами керамики XVIII—XIX вв. с большими включениями костей животных и, таким образом, позволяют датировать время, когда отдельные участки площади были освоены под жилье. Севернее расчищен еще один, довольно больших размеров канал, идущий вдоль Тиллякори с востока на запад. Берега канала выложены жженым кирпичом и мраморизованными плитами. Детальное описание приводится в описании траншеи № 4.

Траншея № 2 проходила параллельно траншее № 1 на 5 м восточнее последней, т. е. край ее располагался в 2,5 м от портала Шердор. В этой траншее в 11,70 м от юго-западного минарета на глубине 25 см от современной поверхности (в начале III яруса от реперной точки) прослеживаются остатки уровня вымостки из мраморизованных плит, аналогичных вскрытым в первой траншее. На протяжении первых 18 м к юго-востоку от минарета Шердор в траншее идет слой забутовки из битого кирпича, известковой или ганчевой прослойки, под ними землястый слой с фрагментами кирпича толщиной 60—70 см.

Под центральной частью портала на 16 м от начала траншеи и в глубину на 1,60—1,80 м прослежен слой почти чистой земли темного цвета, прорезанной ямами метровой ширины, уходящими в глубину на 1,5—2 м. Такие же ямы отмечались под центральной частью портала медресе Улугбека и минаретами, т. е. под самыми ответственными конструктивными частями построек. М. Е. Массон предполагал, что ямы заполнялись водой, и таким образом проходила усадка земли¹¹.

По центральной оси портала расчищена дорожка двухметровой ширины из жженого кирпича размером 25×25×4 см, поставленного вертикально и составляющего рисунок елочкой (рис. 1, 2). При проверке оказалось, что дорожка уходит под Шердор в направлении с востока на запад (она прослеживается в траншее № 1 и, как увидим ниже, идет вдоль траншеи № 5).

¹¹ Массон М. Е. Падающий минарет..., с. 26.

На 40-м и 50-м м от южного края траншеи выявлены остатки двух печей хозяйственного назначения (тандыры), обложенные жженым кирпичом $23-25 \times 25 \times 4$, преимущественно кусками. Диаметр печей 70 и 90 см. Заполнение между ними желто-землистого цвета с фрагментами керамики XVIII—XIX вв. и кусками кирпича.

На 61-м м траншея перерезала уровень дороги. Верхний ее слой представлен на глубине 1 м в виде сильно утопанной земли, ниже — кусков чупанатинского сланца. В 11 м от Тиллякори по траншее № 2, примерно на глубине 1,5 м, прослеживаются стенки канала, идущего с запада на восток. Дно и внутренняя сторона стен оштукатурены плотным цементирующим известковым раствором, к которому приморожены вдоль внутренней стороны стен и по дну мощные отесанные гранитные плиты. Ширина арыка 1,20 м, южная сторона стены толщиной 35 см. Стенки этого арыка (прослеженные и в траншее № 1) идут далее на запад вдоль Тиллякори. На северном участке траншеи № 2 извлечено 14 мраморизованных плит размером от 50×50 до $150 \times 40-60$ см, входивших в состав выкладки площади.

В конце траншеи при переходе ее в траншею № 3, на глубине 2 м 40 см раскрыта выстилка из жженого кирпича в два ряда плашмя, связанных цементирующим известковым раствором.

Траншея № 3 проложена с запада на восток в 4 м вдоль портала Тиллякори. Если верхние слои в основном состоят из земли и строительного мусора, фрагментов кирпича, кирпичной крошки и известковых прослоек, то в конце IV и в V ярусе прослеживаются остатки стен, зольные прослойки.

В 6—8 м от западного края встречены остатки стены из жженого кирпича $22-25 \times 22 \times 5$ см, опускающейся с уровня, выделенного зольным слоем, перекрытым слоями битого кирпича и строительного мусора. С 16-го по 20-й м выделяется слой битого кирпича. На 26—28-м м от западной границы траншеи в конце VI яруса на ширину 2 м отмечена кирпичная кладка на цементирующем растворе, проложенная с севера на юг, скорее всего эта кладка — дно какого-то канала XVII в., борта которого разрушены. Об этом говорит цементирующий раствор, применявшийся на площади только в объектах ирригационного назначения, и направление его к бассейну XVII в., описание которого будет дано ниже.

Далее к востоку, на 46—51-м м в конце V яруса зафиксированы стены из жженого кирпича. С востока к ним примыкает горелый слой с обилием древесного угля, в котором встречена даже сохранившаяся частично горелая балка. Этот слой подстилает выкладку из жженого кирпича. Она сохранилась на высоту двух кирпичей плашмя на цементирующем растворе¹². Кирпич размером $30 \times 30 \times 5$ см. Слой вскрыт вдоль траншеи в направлении на восток. Раскрыт уровень дна канала. На самом восточном отрезке траншеи № 3 и в траншее № 4 расчищены стены и свод канала.

¹² Этот же уровень прослеживается в траншее № 2.

Канал-водоотвод (или тазар) с перекрытием проходит сначала на восток, затем поворачивает к северо-востоку. На этом отрезке он сохранился целиком. Ширина его 1,15 м, юго-восточная стена толщиной 60, западная — 80 см. Сложены они из жженого кирпича размером 30×30×5 см на цементном растворе толщиной до 5 см. Общая высота его 140 см, причем свод начинается с уровня 10-го ряда кирпичей (95—97 см). Уровень пола на глубине 2,46 м.

Подобные сооружения известны в средневековых городах под названием оби-мури. Они служили и центральным водопроводом, и тазаром. Оби-мури упоминаются и в Самарканде XV в.¹³

Траншея № 4 проходит с севера на юг, параллельно траншеям № 1 и 2, в 8 м восточнее последней. Она идет от портала Тиллякори до северной стены Шердора. В ней расчищено на северном участке продолжение оби-мури также с полом из 2 рядов жженого кирпича на цементирующем растворе, юго-восточная стена толщиной 60 см и северо-западная толщиной 80 см. Ширина оби-мури 110—115 см, как в траншее № 3.

Свод галереи выложен из 22 кирпичиков, поставленных на ребро, высшая точка от пола — 140 см, высота стен до свода 1 м. Мощная стена с северо-западной стороны и выстилка пола на цементирующем растворе позволяют предполагать, что здесь проходила еще одна галерея, параллельная сохранившейся. Уровень пола этой водоотводной галереи также проходит на глубине 2,46 см, т. е. в конце V яруса.

В траншее № 4 с конца IV по V ярус четко прослеживается жилой уровень. Верхние слои заполнены включениями строительного мусора, битого кирпича и известковых прослоек, но в основном это земля серо-илистого цвета.

В 10 м от северной стены Шердора расчищена система закрытого водоотвода из керамических труб—кубуров. Он проходит на глубине 1,5 м сначала на север вдоль траншеи, затем через 1,6 м поворачивает на восток, параллельно оби-мури. Кубуры скреплены между собой цементирующим раствором. Снаружи они также обмазаны слоем толщиной 8—10 см землистого цвета бетонной прочности. В некоторых местах прослеживается укрепление под трубами в виде кирпичной выкладки. Слои с конца IV по V ярус идентичны уровню пола около восточной стороны стены и представляют собой ряд кирпичей на алебастровом растворе с большим обилием фрагментов керамики. В нем и сероглиняные котлы, и тагора. Встречены фрагменты глазурованной керамики с орнаментом, в котором по белому фону рисунок голубым и черным, цветочная розетка, черные и голубые полосы, оформляющие глубокий поддон крупных сосудов. Интересна донная часть блюда, центр которой выделен двойными светло-синими полосами, между ними одинарная фиолетовая или черная полоса. Поле между полосами оформлено

¹³ Массон М. Е. Архитектурно-планировочный облик Самарканда времени Навои. Труды САГУ им. В. И. Ленина, Ташкент, 1958, с. 61.

соединяющимися углами, четырехугольниками с чередующимися синими и фиолетовыми заполнениями фона. Донная часть блюда украшена по белому фону черной и голубой краской. Центр оформлен рисунком в виде листьев с чешуйчатым заполнением между ними. Встречены фрагменты стенок и ручки стеклянных кружечек. В основном материал XVIII — начала XIX в.

Траншея № 4а проходила параллельно траншее № 3 начиная с 27-го м в 5 м к югу от нее. В разрезе южной стены прослежено,

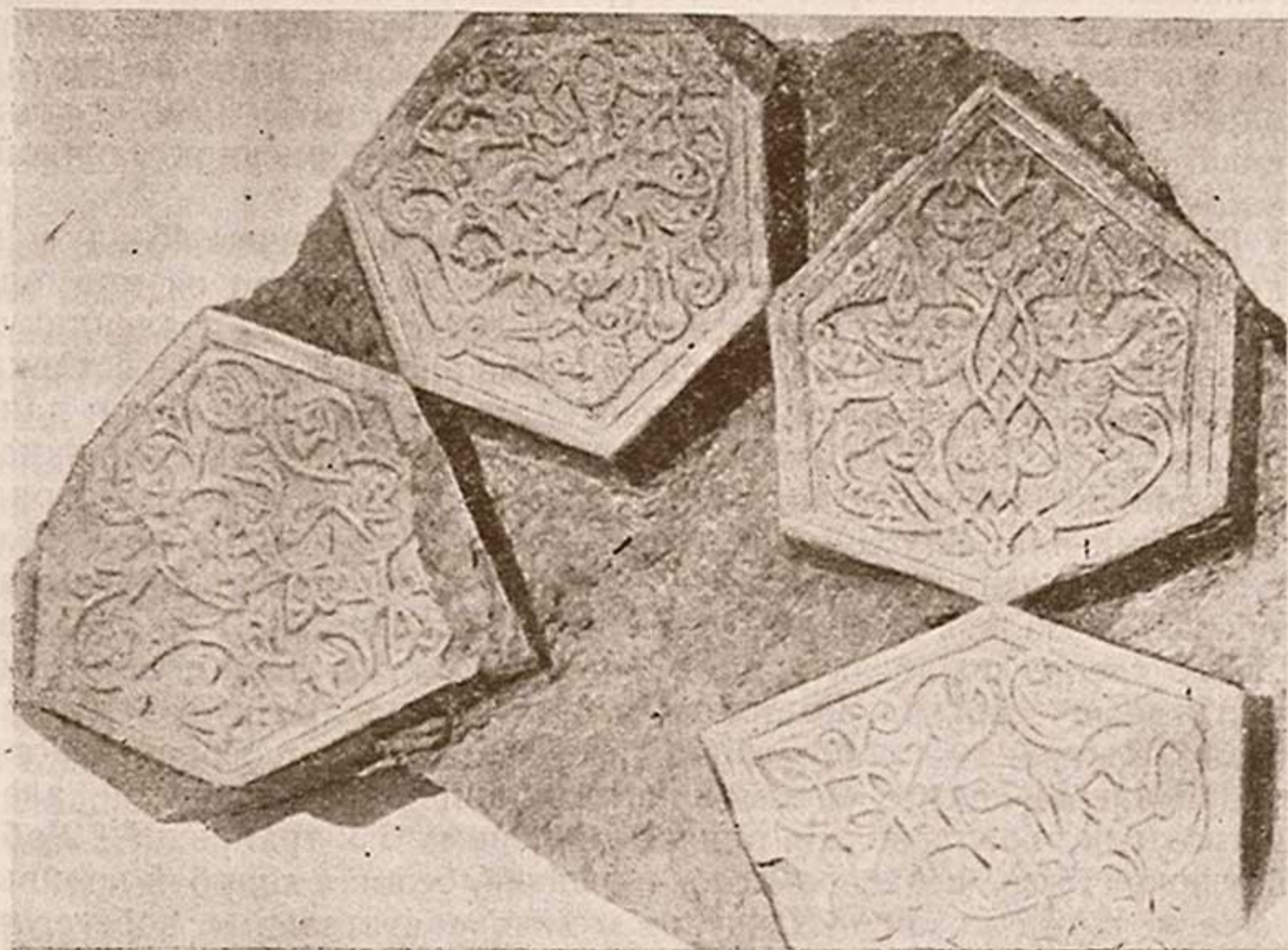

Рис. 3. Фрагмент мраморной плиты.

что первые два яруса заполнены щебенкой и остатками строительного мусора в виде крошки жженого кирпича и фрагментов облицовочных плит синей и голубой поливы. С начала III яруса идет монолитная стена из жженого кирпича размером $25 \times 25 \times 6$; $26 \times 26 \times 6$ см, на известковом цементирующем растворе. При дальнейшем вскрытии площади оказалось, что это стена западного отвода канала, пролегающего через центр площади¹⁴.

Здесь же была найдена мраморная плита с гнездами для изразцовой мозаики¹⁵ (рис. 3).

¹⁴ Более полно об этом см. описание уровня XV—XVI вв.

¹⁵ Такая же мраморная плита XIV—XV вв. с гнездами была найдена при земляных работах в 1923 г. недалеко от восточного фаса Калы. См. М а с с о н М. Е. Архитектурно-планировочный облик Самарканда, с. 62.

Траншея № 5 проходит по центральной оси портала Шердор и, начинаясь с пересечения траншеи № 2, идет с востока на запад на 28 м в длину. Эта траншея, опущенная на глубину почти 3 м, дает следующую стратиграфию. На глубине 2,62 м вскрыта дорожка из жженого кирпича (рис. 1, 2), прослеживаемая с востока на запад на 26 м. На восточном участке она уходит за край траншеи № 2 под центральный портал медресе Шердор, что позволяет предположить, что она шла к какому-то более раннему зданию, возможно, к хонако, которое, по историческим источникам, было построено в XV в. напротив медресе Улугбека. Дорожка представляет собой ограниченную с обеих сторон бордюром выстилку из плотно подогнанного друг к другу жженого кирпича $25 \times 25 \times 5$ см, поставленного вертикально и образующего при этом рисунок елочкой, окаймленной по бокам прямыми рядами.

Первый отрезок включает 90 рядов елочкой, причем 45 идут в одном направлении, 45 навстречу, потом идет вставка из мраморных плит, окаймленная рядом кирпичей, поставленных перпендикулярно кладке, затем следуют еще 97 рядов елочкой и опять вставка из мраморных шлифованных плит. Удалось проследить, что в данном месте, т. е. на 23—24-м м ее пересекает аналогичная дорожка, проходящая с севера на юг. Далее, через 1,20 м ее пересекает ряд мраморных плит, поднимающихся в виде ступеней. Через 1,80 м ступени переходят в более высокую поперечную стенку, которая при зачистке оказалась краем резервуара — бассейна XVII—XVIII вв. Начало стены лежит на уровне конца III яруса. Таким образом, стратиграфический разрез траншеи № 5 дал следующую картину: первые III яруса — сероземлистый слой с завалом строительного мусора вперемешку с битым кирпичом, кирпичной крошкой, алебастровыми вкраплениями, причем на первых 6 м траншеи № 2 обнаружено обилие изразцов, особенно синей, белой и голубой поливы с фрагментами мозаичных кусков в виде растительных побегов и цветочных розеток.

Конец III яруса выделен тонкой алебастровой прослойкой. Затем 30—50 см идет слой земли рыжеватого цвета с тем же битым кирпичом и кусками алебаstra и мозаичных плит. Под ним 20 см — сероземлистый слой, выделяющий уровень пола. Проходит он в середине V яруса и лежит на рыжеватом слое, который с 6 м траншеи № 2 переходит в сплошную массу жженого кирпича — завал без примеси земли. Он тянется до 18-го м. На 14-м м хорошо читаемого уровня пола середины V яруса, выделенного алебастровой штукатуркой, сохранились остатки печи, выложенной жженым кирпичом $25 \times 25 \times 5$, в один кирпич, в основном из осколков, на глиняном растворе с обмазкой стен. На дне печи или под ней найдены два хума диаметрами 25 и 90 см. За южной частью стены печи сохранился зольный слой с большим количеством угольков, лежащих кучкой между стенкой печи и полом. Пол четко прослеживается на глубине 2,35 см, печь северо-западной стороной ложится на дорожку елочкой.

Западнее этот слой выделяется линзой песка и щебня, а еще западнее, на 24-м м, переходит в неширокую дорогу, выделенную дорожным слоем на глубине 2 м. По этому уровню траншея пересекается стеной, которая оказалась восточной гранью позднего хауза.

Вследствие широкого применения техники на Регистане удалось проследить в юго-восточном углу площади только фрагментарные остатки ряда помещений, которые непосредственно примыкали к печи № 1, описанной в траншее № 1. На этом же участке, но немного севернее, найдено скопление хорошо обтесанных мраморных прямоугольных плит — фрагментов панелей и других архитектурных конструкций. Размеры их следующие: $45 \times 40 \times 40$; $90 \times 60 \times 20$; $75 \times 25 \times 25$; $60 \times 55 \times 25$; $75 \times 20 \times 20$; $1,25 \times 50 \times 20$; $60 \times 50 \times 20$; $1,70 \times 22$ фигурная, $95 \times 30 \times 20$ см. Все это в завале из жженого кирпича $25 \times 25 \times 5$ см и мелких кусков. Здесь же встречено большое количество кусков алебаstra с росписью по темно-синему фону золотом с красной окантовкой. На этом же участке найдены куски мраморных плит. На одной из них — глубокие гнезда для мозаики в виде пятиконечных звезд, между ними неправильные шестиугольники с тонким растительным орнаментом в виде переплетающихся побегов и букетов цветов. Вторая плита представляла собой половину двенадцатиугольника. Такой же кусок мраморной плиты с тиснением и глубокими гнездами в виде шестиугольника был найден в северо-западной части площади. Еще один — на дне арыка, проходящего через центр, недалеко от ответвлений этого арыка, под сгнившими деревянными балками. Последние служили, как видно, для перекрытия отводов, идущих от главного канала на запад и восток, и были своего рода деревянными затворами.

В северо-восточном углу зафиксировано четыре бадраба, в которых находился в основном поздний материал. Это фрагменты керамики и лаганов с утяжеленным поддоном, где на лицевой стороне по грязно-белому фону идет рисунок фиолетовым, по голубому черным в виде переплетающихся ячеек и по белому фону синим в виде листьев и плодов яблок. Многолепестковые розетки в центре синего и черного цвета.

В бадрабе № 4 найдено более десятка небольших мисочек с диаметрами устья 5—6 см. Возможно, это бракованная продукция какой-то мастерской, специализировавшейся на изготовлении игрушек или мисочек-сурьмадончиков. Северо-восточный участок площади отличается и обилием костей животных, в основном бараньих.

Таким образом, раскопки на Регистане позволили выявить основные черты планировки этой центральной парадной площади позднефеодального Самарканда XV—XVII вв. На первом этапе между стоявшими по системе «кош» медресе Улугбека на западе, хонако на востоке и караван-сараяем на севере оформляется прямоугольник, разделенный на две половины широкой (до 3 м), плотно

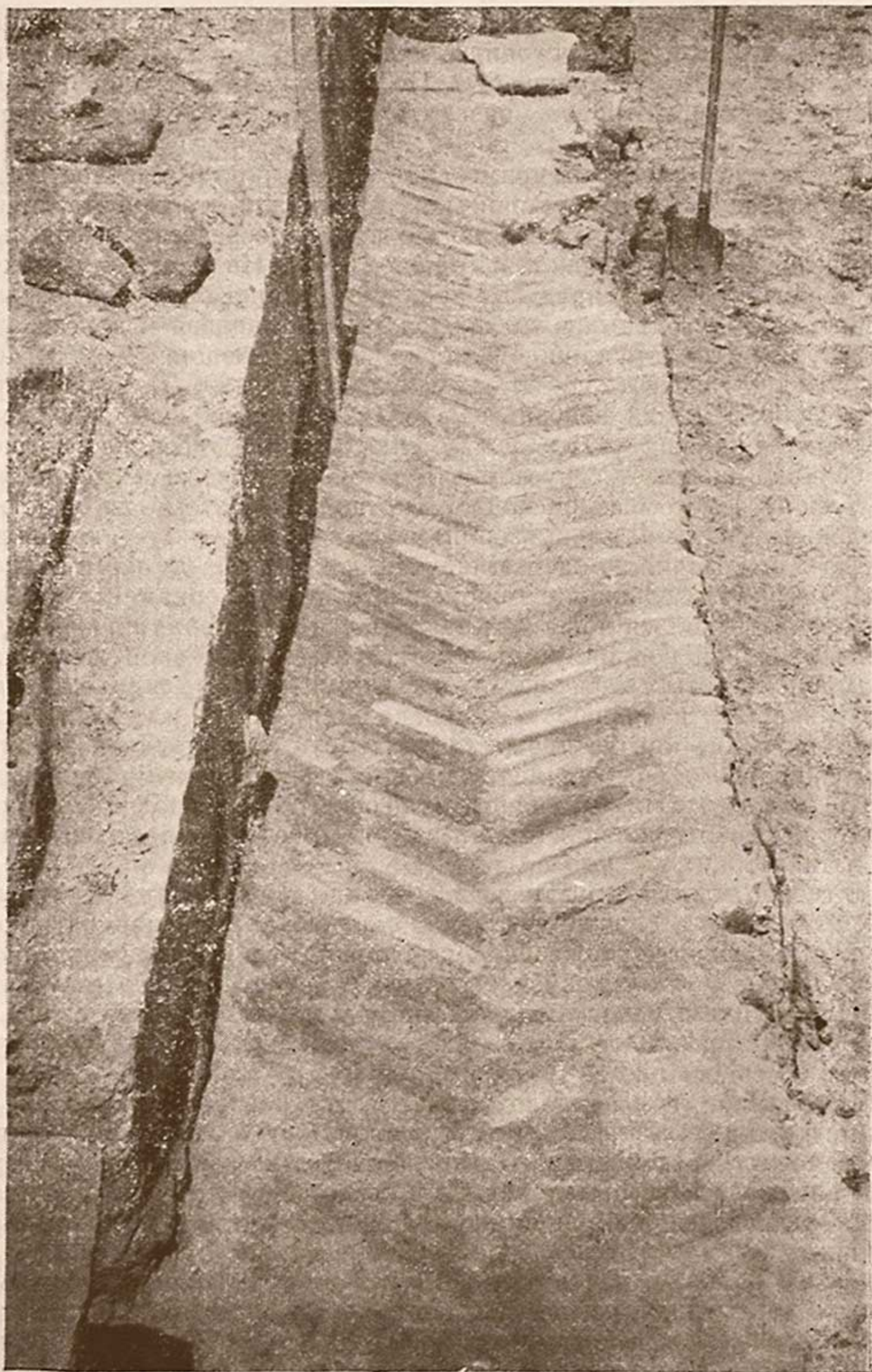

Рис. 4. Уровень верхнего дна или дорожки бассейна XVII в.

вымощенной булыжником дорогой, проходившей с севера от караван-сарая на юг. В 2,5 м к востоку параллельно ей был возведен канал шириной 1—1,2 м с подачей воды с юга на север. В 3 м от портала караван-сарая канал заворачивал на восток, в 8 м на запад. Детально обследовано его западное ответвление. Дно его вымощено жженым квадратным кирпичом плашмя в два ряда на цементирующем растворе. Стенки снаружи поставлены вертикально, внутри сужаются аркообразно, так что ширина канала в нижней части 60 см, в верхней сужена до 30 см. Толщина стен достигает 80 см. Стенки также скреплены цементирующим раствором. По форме они сближаются с тазарами Бухары или с описанными М. Е. Массоном оби-мури в цитадели Самарканда.

Вдоль восточного борта канала, непосредственно примыкая к нему, шла вымощенная шлифованным камнем и облицованная жженым кирпичом 2-метровой ширины дорожка — тротуар, которая в центральной части разветвляется и идет на восток. Восточный участок дорожки, в основном выложенный из жженого кирпича (см. описание траншей № 5 или общий план—уровень XV в.), вел к хонако. В юго-восточной части площади расчищено скопление мраморных камней и облицовочных плит XV в., принадлежавших декору монументального парадного памятника, возможно, хонако. Интересны мраморные плиты с мозаичной вставкой и тонкой резьбой по мрамору. Площадь между дорогой и поперечными дорожками не замощена и, вероятно, была занята цветниками.

Начало и середина XVII в., время правления Аштарханидов, были периодом нового кратковременного культурного подъема, когда в Самарканде, как и два века назад, велось интенсивное строительство. К этому периоду и относится возникновение на Регистане двух медресе (на месте разрушенных караван-сарая и хонако) — Шердора и Тиллякори, строительство которых было начато военачальником из рода алчин — Ялангтушем. Завершилось оно уже после его смерти. В момент завершения строительства комплексов самой площади не было уделено достаточного внимания. На ней располагались жилые помещения, печи, возможно, связанные с самим строительством, через центр площади проходила грунтовая дорога — плотно утрамбованный земляной слой. После завершения строительства была предпринята попытка планировки и благоустройства площади. В восточной ее части строится бассейн (рис. 4), облицованный с внутренней стороны отшлифованными гранитными плитами. Сброс воды из бассейна осуществлялся через канал, идущий вдоль Тиллякори и направленный как и отвод более раннего канала, с запада на восток. Стенки его сложены из жженого кирпича на известковом цементирующем растворе и облицованы местами такими же гранитными плитами, как и бассейн. К этому же времени относится и вымостка всей площади каменными плитами, фрагменты которой сохранились около могилы в траншее № 1, северном и южном концах траншей № 2 и вдоль края бассейна.

ДРЕВНИЙ МЕТОД БОРЬБЫ С ЗАБОЛАЧИВАНИЕМ (НЕКОТОРЫЕ ИНЖЕНЕРНЫЕ ПРИЕМЫ В ЗОДЧЕСТВЕ ТАШКЕНТА XIX в.)

В 1929 г. в Ташкенте во время гидрогеологических исследований под перепланировку города на Сагбанской улице во дворе мечети была заложена траншея до глубины 3 м. В ней на глубине 1,0 м зафиксирована гравийная мостовая. Слой гравия толщиной до 35 см был перемешан с булыжником, кусками кирпича и песком. Мостовая была явно на заболоченном месте, признаком заболачивания служили полосы различных цветов породы. Ниже мостовой залежали дренажные гончарные трубы. (Глубина грунтовых вод на момент обследования была 1,6 м, в прошлом поднималась до поверхности). Трубы имели с одного конца раструб, с другого легкое сужение с валиками на концах. Длина труб 49—50, внутренний диаметр 10—13 см. Сделаны они на гончарном круге, широкая закрайна несколько утолщена, стенки неровные.

Обнаружены также трубы, у которых оба конца конусовидные, а в середине расширение диаметра. Есть трубы с диаметром рабочего отверстия 7—8 см и меньше, длиной 37—45 см. На концах труб частично сохранилась ганчевая промазка серовато-белого цвета. Следы промазки отмечены как внутри раструба (муфты), так и на поверхности. Цвет черепка желтовато-серый.

Траншеей были вскрыты почвогрунты, голубовато-серого и серовато-желтого цвета с темно-голубыми, серыми и черными прослойками с включением сгнивших корней, фрагментов посуды с голубой поливой и кусков тонкого квадратного кирпича хорошего обжига.

При бурении скважины в траншее с глубины 3,8 м извлечены медная монета чекана Илеков XII в. и фрагмент сосуда со светло-голубой поливой¹.

В непосредственной близости от траншеи, во дворе мечети, стоял минарет высотой 8—10 м. Основание его фундамента заложено до глубины 1,0 м, диаметр 1,5 м. Минарет и его основание сложены из тонкого квадратного кирпича хорошего обжига на ганче. Такое массивное основание под минаретом обусловлено неустойчивым и заболоченным грунтом.

Жители Ташкента в XIX в. умели бороться с заболачиванием (укладка дренажных труб) и применяли остроумные приемы при строительстве на ненадежных грунтах. К сожалению, интересное в инженерном плане сооружение до настоящего времени не сохранилось и на месте бывшего минарета теперь стоит незавидная жилая постройка.

¹ Материалы Узкомстариса, вып. 5, пункт 21, Ташкент, 1933.

Б. В. АНДРИАНОВ, А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОРОШЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Красочны и разнообразны ландшафты Средней Азии. Они обусловили многие различия в хозяйственной деятельности населения: обширные песчаные и глинистые пустыни и полупустыни благоприятны для пастбищного животноводства, мощные горные системы с вертикальной сменой природных условий используются как скотоводами, так и земледельцами, плодородные предгорья и широкие долины крупных и малых рек с давних времен являются древними очагами земледельческой культуры.

Главная особенность природы Средней Азии — обилие тепла и недостаток влаги. Земледелие здесь возможно преимущественно в орошаемой форме. Поэтому организация и развитие навыков орошения всегда были самым тесным образом связаны с социально-экономическими и политическими условиями жизни народов Средней Азии, которая входит в широкую аридную зону Старого Света.

Изучая общие закономерности и особенности исторического развития стран аридной зоны, где земледелие базируется на искусственном орошении, К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно обращали внимание на особое значение ирригации в истории народов этих стран¹. Они отмечали роль центральной власти в деле организации водного и земледельческого хозяйства и подчеркивали большое влияние ирригации на весь образ жизни народов Востока, где «урожай также зависит от хорошего или дурного правительства, как в Европе — от хорошей или дурной погоды»².

Изучение орошения пустынных областей имеет довольно глубокую историю. Еще в 80-х гг. XIX в. известный историк и географ Л. И. Мечников написал книгу «Цивилизация и великие исторические реки», опубликованную после его смерти во Франции в 1889 г. Будучи последователем М. А. Бакунина, он попытался обосновать прогресс человечества как путь от насилия и деспотизма к свободе и анархии, называя «истинным творцом истории» вообще «среду»,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 132—134; т. 12, с. 532; т. 20, с. 152; 183—185, 188, 500; т. 28, с. 221.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 133.

в частности реки, являющиеся как бы синтезом географических условий³. В своей книге он уделил большое внимание истории великих речных цивилизаций: Египта, Месопотамии, Индии и Китая. Кроме того, Л. И. Мечников поставил вопрос о существовании пятой «великой речной цивилизации» — в среднеазиатском между-речье, на берегах Амударьи.

В конце XIX в. русский климатолог А. И. Воейков опубликовал работы, посвященные проблеме орошения пустынь Средней Азии и развития хлопководства⁴. Вместе с географом Л. С. Бергом он решительно выступил против господствовавшей в начале XX в. теории усыхания Средней Азии и объяснения гибели земледельческих оазисов только воздействием природных причин (аридизацией климата, движением песков, поворотом течения рек и т. п.). Участник американской археологической экспедиции Р. Пампелли в Южной Туркмении географ Э. Хентингтон доказывал, что возникновение земель древнего орошения в Азии — результат иссушения климата⁵. По этому поводу Л. С. Берг писал, что ни один из доводов Хентингтона его не может убедить: «Причины гибели культурных поселений многообразны... Главной причиной исчезновения оседлых поселений были, конечно, войны. В XIII столетии Чингизхан и его преемники разрушили целый ряд городов в Туркестане и Передней Азии, уничтожили громадные ирригационные сооружения, перебили массу народа»⁶. Большой популярностью в начале XX в. пользовалась книга востоковеда А. П. Чайковского. Автор связывает гибель земледельческих оазисов, перестройку всей гидрографической сети Средней Азии с огромной природной катастрофой⁷.

История завоевания Средней Азии и гибели многих земледельческих оазисов блестяще описана знаменитым русским востоковедом В. В. Бартольдом в монументальном труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (1898—1900). Позже, по просьбе ведомства земельных учреждений, на основе изучения оригинальных письменных источников он создал классический труд «К истории орошения Туркестана», являющийся наиболее полной сводкой сведений о средневековых системах орошения и средневековых оазисах Средней Азии. Обширнейший круг письменных источников, энциклопедически охватывающих почти все орошаемые земли того времени, тонкий анализ подчас противоречивых сведений, четкость и

³ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки (Географическая теория прогресса и социального развития). М., 1924, с. 246.

⁴ Воейков А. И. Воздействие человека на природу. Изд. 2, М., 1963.

⁵ Huntington E. The Climate and History. Explorations in Turkestan. Expedition of 1903, under R. Pumpelly, vol. 1, Washington, 1905. См. также: Марков К. К. Высыхает ли Средняя и Центральная Азия? Сб. «Вопросы географии», вып. 24, с. 108—109.

⁶ Берг Л. С. Об изменении климата в историческую эпоху. («Земледелие», 1911, № 3), «Климат и жизнь», М., 1947.

⁷ Чайковский А. П. Родина народов Арийской расы, где она была и от чего покинута (Историко-географическое исследование). М., 1910, ч. I.

ясность изложения — все это делает книгу В. В. Бартольда образцом исследования по истории орошения края. До сих пор сохраняют свое значение замечательные идеи выдающегося востоковеда о практическом использовании в будущем земледельческом освоении новых земель исторических и археологических материалов и специальных исследований⁸.

В 20—30-х гг. нашего столетия в Средней Азии начались широкие работы по переустройству старых и строительству новых систем орошения. Придавая огромное значение ирригации как основе развития народного хозяйства республик Закавказья и Средней Азии, В. И. Ленин писал: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»⁹. И неслучайно многие археологические исследования тех лет были тесно связаны с практическими задачами ирригационного строительства. Так, в Ферганской долине изучению истории орошения способствовали работы Б. А. Латынина и Т. Г. Оболдуевой, организованные в связи со строительством Шарихансайской и Исфаринской оросительных систем. Б. А. Латынин рассматривал историю и последовательное развитие навыков орошения начиная от лиманного земледелия, базировавшегося в зоне предгорьев на естественных разливах речек или дельтовых протоков равнинных рек, до веерных оросительных систем, а также крупных магистральных каналов с водозаборными сооружениями в нижних течениях равнинных рек¹⁰.

Значительные материалы по истории древних оросительных сооружений были накоплены и другими археологическими экспедициями. Из них следует назвать Зарафшанскую (работавшую в 1934 и 1939 г. под руководством А. Ю. Якубовского), Термезскую (1936—1938 гг., под руководством М. Е. Массона), экспедиции археологического надзора на Большом Ферганском канале (М. Е. Массон, Я. Г. Гулямов, В. Д. Жуков, Т. Г. Оболдуева, 1939 г.), на Ташкентском канале (М. Э. Воронец, А. И. Тереножкин), исследования В. А. Шишкиным городища Варахша и каналов в его окрестностях и др.

Если ирригаторов интересовало практическое народнохозяйственное значение древних оросительных систем, то историков и археологов привлекала проблема происхождения и развития орошения в Средней Азии. Еще в 1924 г. энтузиаст-археолог и инженер-ирригатор Д. Д. Букинич, основываясь на исследованиях природы Закаспийского края и древнеземледельческих памятников анауской культуры, сформулировал выводы о последовательном развитии орошаемого земледелия в горных изоляторах Копетдага с очагами дикорастущего ячменя, на окраинах затухающих селевых

⁸ Бартольд В. В. Соч., т. III, М.—Л., 1965, с. 274—276, 307—310.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 200.

¹⁰ Латынин Б. А. Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии. «Советская археология», 1959, № 3.

потоков и горных ручьев, вершинах дельтовых выносов рек и, наконец, в долинах и дельтах больших рек¹¹.

Огромных успехов в изучении первоначальных этапов орошаемого земледелия на территории СССР достигли археологи Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции под руководством М. Е. Массона. Работы Б. А. Куфтина и особенно В. М. Массона легли в основу периодизации раннеземледельческих культур Южной Туркмении. Они дали обширный материал по истории зарождения орошаемого земледелия и древнейшей ирригации на юге Средней Азии. В VI—V тысячелетиях до н. э. в подгорной полосе Копетдага мезолитических охотников и собирателей сменили носители оседлоземледельческой джейтунской культуры. Как известно, до открытия этой культуры древнейшей земледельческой в Средней Азии считалась культура Анау, которая делилась на четыре этапа. Советские археологи создали новую хронологию, установив, что Анау Ia предшествуют джейтунские памятники. Один из них — Чагыллы-депе 2 — был датирован по С-14 временем 5036 ± 110 лет до н. э. Большинство памятников джейтунской культуры расположено на равнине в дельтах подгорных ручьев, и по мнению А. А. Морущенко, орошение здесь носило, вероятно, не лиманный, паводковый характер (как предполагали многие вслед за Д. Д. Букиничем), а подпрудный — саево-ручьевой¹².

Судя по палеогеографическим исследованиям, в подгорной зоне Копетдага существовали в неолите благоприятные условия для перехода к оседлому образу жизни и орошаемому земледелию на подгорных ручьях и водотоках; на склонах ныне совершенно голых гор в неолите росли арчовые леса и зеленели пастбища.

Другое поселение джейтунской культуры — Чопан-депе — расположено в низовьях ручья Алты-яб, где заметны у подножья памятника следы небольшого русла когда-то протекавшей здесь речки. Вероятно, на русле существовала запруда, чтобы заливать засеваемые участки. В последние годы поселения джейтунской неолитической культуры были обнаружены на юго-востоке Туркмении и в зоне дельтовых отложений горных ручьев (Чагыллы-депе, Чакмаклы-депе, нижние слои Монжуклы-депе).

Лиманный и горно-ручьевой характер орошаемого земледелия был присущ не только эпохе раннего неолита Южной Туркмении, но и хронологически более поздней земледельческой «культуре Анау», которая развивалась в пределах небольших оазисов подгорной зоны. Однако в эпоху Намазга I (Анау Ib) поселения располагались уже на средних течениях ручьев и мелких речек, и, видимо, были хорошо известны приемы регулирования паводков с помощью подпрудных дамб и небольших канав. В период Намазга I

¹¹ Букинич Д. Д. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», 1924, № 3—4, с. 121.

¹² Лисицына Г. Н. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965, с. 24.

сложились крупные земледельческо-скотоводческие поселения площадью до 10 га (Кара-депе, Намазга-депе, Улуг-депе и др.)¹³. В материальной культуре этого времени сохранились известные по джейтунской культуре кремневые вкладыши от жатвенных ножей, зернотерки, ступки, песты, куранты. Были сделаны находки каменных колец (северный холм Анау), служивших грузилами палок-копалок. Основными зерновыми культурами этого периода были двурядный ячмень и мягкая пшеница.

В конце V — начале IV тыс. до н. э. зона производящего хозяйства продвинулась на северо-восток. Ограниченные природные ресурсы подгорной зоны Туркмении заставили земледельцев, развивавших свое хозяйство на горных саях и ручьях и уже овладевших принципами самотечной ирригации, искать более значительные источники орошения. К этому времени в хозяйстве анауских племен появились металлические орудия, в том числе топоры-тесла, которые могли быть использованы и древними ирригаторами на поздних этапах периода Намазга I. В начале IV тыс. до н. э. земледельцы продвинулись на берега дельтовых протоков р. Теджен, в область ее древней дельты, получившей в литературе условное название Геоксюрский энеолитический оазис. В результате исследований и раскопок В. М. Массона, В. И. Сариниди и И. Н. Хлопина выявлены культурно-исторические особенности энеолитических поселений и разработана их четкая хронология. Г. Н. Лисицына осуществила палеогеографическое изучение оазиса и с помощью аэрофото съемки (проведенной Н. И. Игониным) открыла уникальные памятники древней ирригации — оросительные сооружения второй половины IV — первой трети III тыс. до н. э.

В настоящее время вся территория «оазиса» представляет собой такырную равнину, усеянную барханами и грядами песка, пересеченную следами блуждания многочисленных дельтовых протоков. Основные протоки дельты шли с юго-востока на северо-запад, что совпадает с общим уклоном местности. Археологам удалось выявить три группы погребенных русел, соответствующих этапам жизни оазиса (ялангачская фаза, I геоксюрская фаза и II геоксюрская фаза)¹⁴. В IV — III тыс. до н. э. этот дельтовый район был зеленеющим оазисом с обилием камышовых зарослей вдоль русел и разливов.

Небольшая оросительная система, демаскируемая теперь лишь незначительными всхолмлениями, была открыта Г. Н. Лисицыной у поселения Геоксюр I. Она состояла из двух каналов, которые отходили от русла геоксюрской фазы почти под прямым углом. Эта система была прослежена на местности на протяжении свыше 2,5 км¹⁵. В 1964 г. на одном из каналов недалеко от его истоков

¹³ Хлопин И. Н. Энеолит южных областей Средней Азии. Свод археологических источников, БЗ-8. ч. 1. М., 1963.

¹⁴ Лисицына Г. Н. Указ. соч., с. 52.

¹⁵ Лисицына Г. Н. Указ. соч., с. 116—118.

была найдена женская статуэтка — символ богини плодородия. Нивелирование системы выявило падение дна канала в среднем на 25—50 см на 1 км.

Г. Н. Лисицына удачно сопоставила результаты своих археологических исследований каналов с данными шумерских и вавилонских письменных источников. Оказалось, что по всем своим размерам каналы у Геоксюр I очень близки к оросительному каналу, описанному А. А. Вайманом на основании клинописных текстов Ура середины XVIII в. до н. э.¹⁶

По подсчетам Г. Н. Лисицыной, на сооружение канала в Геоксюрском оазисе с сечением 2,5 м² потребовалось 2500 чел-дней, т. е. 100 человек провели его за 25 дней¹⁷.

До III тыс. до н. э. территория Средней Азии, расположенная к северу от Амударьи, и казахских степей была заселена неолитическими племенами охотников, рыболовов и собирателей. Но в конце III и во II тыс. до н. э. характер и границы основных хозяйственно-культурных зон Средней Азии изменились; тесные связи культур степной бронзы — скотоводческо-земледельческих племен с племенами оседлых земледельцев юга способствовали расширению зоны орошаемого земледелия не только в Туркмении, но и в других районах, в частности на территории Древней Бактрии, в низовьях Зарафшана, Ферганской долине и низовьях Амударьи, где в особо благоприятных условиях влажных дельт создались предпосылки для зарождения каирного и лиманного земледелия и постепенного перехода к искусственному орошению, основанному на дамбированных руслах и магистральных каналах¹⁸.

Примитивное неполивное земледелие (сопутствующее пастушескому скотоводству — основному направлению хозяйственной деятельности) появляется в это время и в сопредельных степных областях — в Северном Казахстане, Приуралье¹⁹.

По мнению С. В. Киселева, земледелие играло важную роль в хозяйстве андроновских скотоводческо-земледельческих племен. Он отмечал оседлый земледельческий характер и ранней срубной культуры земледельцев-скотоводов конца III — начала II тыс. до н. э.²⁰

Между культурами Евразийских степей и древними очагами

¹⁶ Вайман А. А. Два клинописных документа о проведении оросительного канала. Труды Гос. Эрмитажа, т. V, 1961.

¹⁷ Лисицына Г. Н. Указ. соч., с. 128—129.

¹⁸ Аскарлов А. Археологические материалы по истории земледелия в Узбекистане. В кн. «Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана», М., 1975, с. 95—100. Его же. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, с. 154—159.

¹⁹ Формозов А. А. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, т. XXXIX, 1951, с. 15; Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, с. 114.

²⁰ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 99—102; Его же. Бронзовый век СССР. В кн. «Новое в советской археологии», М., 1965, с. 34.

оседло-земледельческих культур юга существовали разнообразные связи. Еще С. П. Толстов при публикации материалов неолитической стоянки Джанбас 4 отмечал сильное влияние на кельтеминарскую культуру южных культур раннего Анау²¹.

Связи степных культур с племенами оседлых земледельцев юга более позднего времени (II — начало I тыс. до н. э.) были отмечены в Туркмении Е. Е. Кузьминой²².

Восточнее — в долине Зарафшана, где в 1950 г. был открыт Я. Г. Гулямовым могильник Заманбаба, также прослеживается взаимное влияние северных и южных культур²³.

Судя по раскопкам поселения Заманбаба, расположенного в 0,5 км восточнее могильника Заманбаба на высохшем русле Гуджейли, основу хозяйства составляло каирное земледелие и скотоводство. На поселении Заманбаба были выявлены отпечатки соломы пшеницы и ячменя. По определению ботаника Ф. Х. Бахтеева, в одном из глиняных кусочков удалось обнаружить хорошо сохранившийся отпечаток пленчатого ячменя²⁴. Находки на поселении и могильнике обломков зернотерок, пестиков, кремневых вкладышей также подтверждают, что земледелие играло важную роль в хозяйстве заманбабинцев.

Наблюдения над древнейшей ирригацией низовьев Зарафшана, где проводились исследования под руководством Я. Г. Гулямова, выявили основные этапы развития орошаемого земледелия, осветили различные стороны культуры и хозяйства. Исследователи предполагают, что отсутствие крупных отводящих систем и сохранение следов лишь мелкой сети говорит о применении дамбирования русел, создании искусственных разливов и регулировании их по естественным и искусственным лиманам. По мнению Я. Г. Гулямова, начало ирригации на Зарафшане связано с дамбированием русла древнего дельтового протока Гуджейли и проведением небольших арыков²⁵.

Общий облик памятников эпохи бронзы свидетельствует о передвижном характере хозяйства скотоводческо-земледельческих племен, зависевшего от неустойчивого водного режима низовых притоков Зарафшана — Махандарьи и Гуджейли.

²¹ Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948, с. 66.

²² Кузьмина Е. Е. Некоторые общие закономерности ранней металлургии меди в Средней Азии и на Кавказе. Материалы сессии, посвящ. итогам археологич. и этнографич. исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов), 1965.

²³ Гулямов Я. Г. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. 8, Ташкент, 1956. См. также: Кузьмина Е. Е. Могильник Заман-баба. СА, № 2, 1958; Аскар ов А. Культура Заман-баба в низовьях Зарафшана. ОНУ, 1962, № 11.

²⁴ Бахтеев Ф. Х. К археологическим раскопкам в Кызылкумах. ОНУ, 1962, № 11.

²⁵ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскар ов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966, с. 16.

Значительные работы по изучению орошения периодов поздней бронзы и раннего железа были проведены ЮТАКЭ на юго-западе Туркмении²⁶. В. М. Массон в 1951—1953 гг., а позднее Г. Н. Лисицына провели сплошное археологическое обследование Мешхед—Мисрианской равнины, где были раскопаны и нанесены на карту «загадочные» валы, оказавшиеся остатками оросительных каналов. А. С. Кесь и Г. Н. Лисицыной удалось воссоздать топографию древней и средневековой ирригации и определить время функционирования систем орошения. Почвенные исследования развеяли миф о страшной засоленности и непригодности этих земель для освоения.

Многолетние исследования ЮТАКЭ под руководством М. Е. Массона и XIV отряда этой экспедиции, возглавляемого В. М. Массоном, позволили осветить также историю орошения Мургабского оазиса эпохи поздней бронзы и раннего железа. В древней дельте В. М. Массон выделил три группы памятников (тахирбаевская, яз-депинская и аравали-депинская), соответствующие трем ирригационным системам древности. Наиболее четко были прослежены существующие со времени Яз I два магистральных канала (Гати-акар и Гуня-яб)²⁷. Верхние части этих каналов лежат в зоне современных культурных земель, хвостовые части выходят далеко за их пределы. Длина древнего Гуня-яба около 36 км, Гати-акара — 55 км.

В парфянское время произошло перемещение центров орошаемых земель на юг в район Мерва, где, по словам М. Е. Массона, «развитое рабовладельческое общество сумело создать более сложные ирригационные сооружения, позволившие использовать воды Мургаба непосредственно из его главного русла»²⁸. Более прогрессивные системы были связаны с большой подпорной плотиной и водохранилищем, о котором сообщают позднее средневековые географы. Возникновение в первой трети I тыс. до н. э. сложных ирригационных систем в Маргиане явилось, по мнению В. М. Массона, скачком в развитии производительных сил, который предопределил сложение классового общества и ранней государственности²⁹.

Памятники оседлоземледельческой культуры поздней бронзы были выявлены также в ряде мест Ферганской долины близ Эйлтана, Кугая, Тюячи, Чакана и особенно около Чуста и Дальварзина³⁰. Открытая здесь так называемая чустская культура крашеной

²⁶ Массон В. М. Древнее орошение на Мисрианской равнине. В кн. «Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного освоения», М., 1969, с. 96—110.

²⁷ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 1959, № 79.

²⁸ Массон М. Е. О работах Южно-Туркменистанской археологической экспедиции. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, М., 1954, с. 43.

²⁹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., с. 130.

³⁰ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, 1962.

керамики имеет некоторые сходные черты с культурой Анау III, Намазга VI и Мургаба (Тахирбай, Аучин-депе)³¹.

Земледельческие поселения в Фергане эпохи бронзы приурочены главным образом ко второй надпойменной террасе Сырдарьи и ее основных протоков. Природные условия конца II — начала I тыс. до н. э. мало отличались от современных, и земледелие в тот период было орошаемым. На Чустском поселении найдены серпы, зернотерки, песты, а также зерна мягкой пшеницы, ячменя и просовидного неизвестного растения.

Схема развития искусственного орошения в Фергане и предполагаемые этапы его истории намечены в работах Б. А. Латынина. Он выделяет три основных этапа («ступени») в развитии техники орошения в зоне предгорий Средней Азии³². Первый этап, охватывающий значительный отрезок времени — от неолита до поздней бронзы и раннего железа, — время зарождения ирригационных навыков и развития естественно-орошаемого лиманного земледелия. В предгорьях Ферганской долины используются разливы затухавших при выходе на плоскость ручьев и временных потоков, а также пониженные участки речных пойм.

Второй этап характеризуется переходом к приемам искусственного орошения, сооружению небольших ирригационных систем с водосборной сетью на склонах предгорий, устройству запруд и водоемов в устьях саевых оврагов. Третий этап начался в предгорных районах с возникновением более сложных веерных систем, обладавших специальными головными сооружениями и довольно крупными магистральными каналами, требовавших осуществления значительных земляных работ и постоянной очистки оросительных каналов от наносов.

Благодаря исследованиям Т. И. Зеймаль была реконструирована общая динамика развития ирригации в Вахшской долине начиная с IV—III вв. до н. э. вплоть до начала XIII в.³³ Впервые остатки раннесредневековых и средневековых оросительных систем и водохозяйственных сооружений в Отрарском оазисе были прослежены и изучены В. А. Грошевым³⁴.

Значительные работы по изучению истории орошения и оросительных систем были проведены в бассейне р. Зарафшан Махан-дарьинским археологическим отрядом, возглавляемым Я. Г. Гулямовым. Комплексный подход позволил исследователям проследить эволюцию ирригационной техники Бухарского оазиса начиная со второй половины I тыс. до н. э. вплоть до XX в. Наиболее интенсив-

³¹ Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, с. 193—207.

³² Латынин Б. А. Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы. (Обобщающий доклад ДД). Л., 1962, с. 22—28.

³³ Зеймаль Т. И. Древние и средневековые каналы Вахшской долины. В кн. «Страны и народы Востока», вып. X, М., 1971, с. 37—55.

³⁴ Грошев В. А. К вопросу о средневековых оросительных системах Отрарского оазиса. В кн. «Древности Казахстана», Алма-Ата, 1975, с. 75—85; Его же. Водохранилище средневекового Отрара. В кн. «Прошлое Казахстана по археологическим источникам», Алма-Ата, 1976, с. 36—45.

ного развития ирригация достигла здесь в первых веках до и в нашу эру. Древние каналы представляли собой как бы искусственные ответвления дельтовых протоков реки³⁵. Весьма детально были изучены окрестности уникального археологического памятника — древнего города Варахша, раскопанного и введенного в научный оборот В. А. Шишкиным³⁶. Варахша была центром обширной сельской округи, с многочисленными каналами, полями и отдельными селениями. Позднее, в эпоху средневекового подъема Бухарского оазиса, перед ирригаторами встала сложная задача распределения водных ресурсов реки между Самаркандом в среднем течении Зарафшана и Бухарским оазисом в его низовье. В 1502 г. при Шейбанихане было построено уникальное гидротехническое многоарочное сооружение. Археологические раскопки остатков позволили реконструировать его.

В низовьях Амударьи начало орошения и орошаемого земледелия связывалось С. П. Толстовым и М. А. Итиной с раннесуярганской культурой, когда «может быть, здесь имелись зачатки земледелия, но охота, рыбная ловля и, вероятно, скотоводство играли более крупную роль»³⁷. Эта культура по мере внедрения земледелия, видимо, стала связующим звеном между культурами степной бронзы и раннеземледельческими культурами юга.

Прав В. М. Массон, который писал, что в болотистых низинах Амударьинской дельты дикорастущие злаки отсутствовали и первое зерно для хорезмских полей могло быть получено только с юга³⁸. Это, в известной степени, находит подтверждение в том, что традиционный хлебный злак Хорезма — эндемичная карликовая пшеница, — бесспорно, южного происхождения. Она была распространена в Южной Туркмении еще в IV—III тыс. до н. э. (Анау Ia, Намазга IV—V). По мнению В. М. Массона, именно оттуда пшеница и ячмень попали в низовье Зарафшана к заманбабинцам, а позднее — в низовья Амударьи «вместе с сосудами определенных форм»³⁹.

Наряду с суярганскими племенами земледельцев и скотоводов в низовьях Амударьи в середине II тыс. до н. э. расселились племена другой культуры, широко распространенной в Приаралье, названной С. П. Толстовым тазабагъябской⁴⁰. Как показали археологические исследования, она близка к срубной культуре восточно-европейских степей и андроновской культуре в ее западноказах-

³⁵ Мухамеджанов А. Р. О землях древнего орошения Бухары. ИМКУ, вып. 12, 1975, с. 155—169.

³⁶ Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.

³⁷ Толстов С. П., Итина М. А. Проблема суярганской культуры. «Советская археология», 1960, № 1, с. 28.

³⁸ Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., с. 184.

³⁹ Там же, с. 184.

⁴⁰ Толстов С. П. Древний Хорезм..., с. 66—67. Е го ж е. По следам Древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, с. 76—77. См. также: Итина М. А. О месте тазабагъябской культуры среди культур степной бронзы. «Советская этнография», 1967, № 2.

станском варианте. По мнению М. А. Итиной, пришельцы из Южного Приуралья — зоны контакта срубной и андроновской культур — сформировали в Хорезме в результате смешения их культуры с культурой местного населения новую тазабагъябскую⁴¹.

Тазабагъябские племена, обладавшие навыками примитивного пойменного земледелия срубно-андроновских племен, в Хорезме создали своеобразный тип комплексного хозяйства полуоседлых земледельцев-скотоводов.

Как мы увидим дальше, своеобразная ирригация эпохи бронзы в низовьях Амударьи и послужила главной исходной базой в процессе дальнейшего совершенствования оросительных сооружений Приаралья.

Начало исследованиям древних оросительных систем в Приаралье положено в 1934 г. М. В. Воеводским. Им была составлена специальная инструкция для изучения древних систем орошения и сделаны первые наблюдения древних каналов с самолета. С 1937 г. здесь широко развернулись многолетние работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под общим руководством С. П. Толстова. Археологические раскопки монументальных исторических памятников Хорезма, сочетавшиеся с авиационными и автомобильными маршрутами, осветили начиная с первобытной неолитической культуры и кончая развитым феодализмом позднего средневековья историю материальной культуры — типы поселений, жилищ, домашней утвари и т. п., выявили основные этапы развития хозяйства и орошения в зоне земель древнего орошения Приаралья. Участником экспедиции археологом Я. Г. Гулямовым проделана огромная работа по изучению истории орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Опираясь на идеи Д. Д. Букинича, он пришел к выводу о том, что ирригация в странах Востока развивалась в двух главных зонах: в предгорьях — на выносах ручьев и селевых потоков и на равнине — в лиманных разливах и дельтах рек на затухающих протоках, несущих плодородный ил и живительную влагу⁴².

В дальнейшем в составе Хорезмской экспедиции был создан специальный археолого-топографический отряд под руководством Б. В. Андрианова для изучения и нанесения на карту планов древних оросительных систем, которые изучаются на землях древнего орошения Приаралья на площади 5 млн. га⁴³.

Успехи в изучении истории орошения Хорезма и сопредельных областей в последние десятилетия были predeterminedены важными обстоятельствами: во-первых, — создание большого коллектива

⁴¹ И т и н а М. А. Древнехорезмийские земледельцы. В кн. «История, археология и этнография Средней Азии (к 60-летию чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова)», М., 1968, с. 75—86.

⁴² Гу л я м о в Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, с. 54—60.

⁴³ См. подробнее: А н д р и а н о в Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, с. 222—233.

археологов, этнографов, историков и географов; во-вторых, — значительные капиталовложения в полевые экспедиционные работы; в-третьих, и это главное, на необъятных пространствах пустыни, примыкающей к Хорезму, сохранились как в хорошем музее разновременные участки древнего, средневекового и нового орошения. Это грандиозный музей ирригационной техники разных исторических эпох. Но знакомство с его «экспонатами» требовало не только традиционных археологических раскопок многослойных памятников, создания стратиграфической колонки массового керамического материала, но и разработки особых комплексных маршрутных и аэрофотосъемочных методов. Последние успешно применяются в естественнонаучном, геолого-географическом изучении земной поверхности. Аэрометоды и картографирование особенно эффективны при исследовании оросительных систем, простирающихся в пустыне на десятки и сотни километров. Аэрометоды в сочетании с тщательными наземными маршрутами — основа современного археологического картирования. Сплошное обследование территории Приаралья позволило воссоздать весь сложный путь развития навыков орошения и установить динамику орошаемых площадей на землях древнего орошения.

Во все времена и в разных географических условиях оросительные сооружения выполняли одну и ту же техническую задачу: переводили текущие воды в состояние почвенной влаги. Но в каждом крупном географическом регионе и крупной историко-этнографической области существовали свои особые приемы орошения. Весьма своеобразен и путь развития ирригационной техники в Хорезме — в низовьях Амударьи. Это — классический дельтовый район очень большой реки, которую неслучайно Л. И. Мечников называл «пятой речной цивилизацией» Старого Света.

В древности Амударья имела обширную тройную дельту, состоящую из сотен протоков. Естественные процессы занесения илом способствовали постепенному отмиранию верхних протоков. Этим и воспользовался древний ирригатор, который учился у природы. Наблюдения за гидрографическими изменениями натолкнули обитателей на идею регулирования небольших русел, приспособления их к более или менее постоянной подаче воды с помощью канав.

Орошение в Хорезме начиная с середины II тыс. до н. э. базировалось на «приспособленных» для ирригации дельтовых замирающих протоках и старицах, из которых были выведены короткие арыки. В это время орошение еще находилось в полной зависимости от гидрографических изменений.

В эпоху классового государства Древнего Хорезма начиная с VI—V вв. до н. э. был решен главный вопрос регулярного орошения — стабилизация систем и ограждение крупных протоков и полей защитными дамбами и валами. Ирригаторы с этого времени воссоздают целые искусственные «реки» и «дельты» с характерными «подпрямоугольными» и гроздевидными разветвлениями.

На протяжении эпохи античности развитие техники ирригации

характеризуется постепенным переходом от широких архаических каналов к более совершенным — узким и глубоким каналам, более экономичным в отношении расхода воды, с более частыми ответвлениями. Если архаические магистральные каналы достигали ширины 30—40 м между береговыми отвалами, то уже кангюйские — 20 м, а кушанские — лишь 8—15 м. В эпоху античности шел непрерывный процесс совершенствования техники ирригации, заключающийся в более эффективной подаче воды на поля и постепенном сокращении трудовых затрат при строительстве и эксплуатации оросительных систем; магистральные каналы к концу этого времени строятся уже и глубже, а ответвления отводятся под острым углом, что приближает ирригацию кушанского времени к раннесредневековым системам. В эпоху античности получили дальнейшее развитие водорегулирующие и головные устройства. Совершенствуется техника подачи воды на поля, появляются разнообразные водораспределительные устройства. Прогрессирует и сам процесс полеводства, резко увеличивается ассортимент сельскохозяйственных культур, что получает отражение в разнообразии планировок (полей, бахчей, виноградников, садов).

Ирригация средневекового Хорезма конца I тыс. н. э. отличается от ирригации предшествующего периода прежде всего более экономным и более эффективным использованием земель внутри ирригационных бассейнов, благодаря появлению сложноветвистых планировок и густоте мелкой оросительной сети. Это — следующая ступень в прогрессивном развитии ирригационной техники.

Наиболее резкие изменения в характере систем орошения (при сравнении с античной ирригацией) заметны при изучении следов ирригации XII — начала XIII в., характеризующейся в бассейне Гавхорэ очень узкими (до 5 м между береговыми отвалами) магистральными каналами и чрезвычайно разветвленной мелкой оросительной сетью. Исследования в бассейне Чермен-яба показали, что широкое распространение водоподъемного колеса — чигиря — позволило оросить участки, недоступные ранее для речных паводковых вод. Этим и объясняется тот парадоксальный на первый взгляд факт, что при общем прогрессе орошаемого земледелия в средневековом Хорезме общая площадь земель, занятых под оросительные сооружения, резко сократилась, но общая поливная площадь выросла, что сказалось и на резком повышении плотности сельского населения (до 200—250 чел. на 1 км² в Каваткалинском оазисе). Коэффициент поливной площади, т. е. отношение орошаемых земель к общей площади командования в средние века поднялся до 20—35%. Это резко снизило общие трудовые затраты на строительство и поддержание ирригации. Значительно расширился по сравнению с древностью ассортимент возделываемых сельскохозяйственных культур. В Хорезме наряду с зерновыми культурами — просом, пшеницей, ячменем — зафиксированы абрикосы, персики, виноград, слива, груша, дыни, арбузы, тыква, огурцы, морковь, бобовые (бобы и маш), а также хлопчатник и кунжут.

К XVIII—XIX вв. ирригационная техника в Хорезме достигла высокого развития. Особенности ирригации Хивинского оазиса нового времени довольно полно освещены Я. Г. Гулямовым⁴⁴. Из описания следует, что большинство паводковых каналов имело несколько голов, рассчитанных на разный уровень реки. Каждый канал обеспечивался также сбросным каналом «бедрау». Системы состояли из крупных магистралей («арна»), распределителей («яб») и более узких каналов («бадак»), от которых по полям расходились канавы («салма»). Наиболее типичным примером такой сложноветвистой по планировке системы служил канал Палваната, орошавший в XIX — начале XX в. окрестности Хивы.

Остатки оросительных сооружений XIX в. были изучены на землях древнего орошения Присарыкамышской дельты в окрестностях покинутых туркменских поселений. Здесь выявлены крупные подпорные плотины, различные головные сооружения, системы резервных водоемов, бахчи, виноградники и обширные поля.

Итак, мы видим, что техника ирригации Хорезма прошла в своем развитии целый ряд этапов: каирно-лиманный, дамбирование небольших протоков и изобретение головных водорегулирующих устройств; строительство больших магистральных каналов и защитных дамб на крупных протоках в период складывания древнехорезмского государства; совершенствование паводковых самоотечных систем в эпоху развитой античности и переход от широких каналов к более узким и глубоким с более частыми ответвлениями; появление более рациональных сложноветвистых систем и чигирного орошения в средние века; совершенствование водоподъемных и водорегулирующих устройств в позднесредневековый этап.

Изучение древних гидротехнических сооружений выявило не только развитие во времени, но и показало большие различия в характере оросительных систем двух главных историко-культурных районов — низовьев Амударьи и Сырдарьи. При этом в каждой зоне — на равнинах, в предгорной и горной зонах — развитие ирригации имело свои особенности. На Сырдарье орошаемое земледелие было зафиксировано на поселениях начиная с середины I тыс. до н. э., т. е. на одну тысячу лет позже, чем в низовьях Амударьи. Здесь вплоть до нового времени развивались весьма примитивные принципы регулирования паводковых речных разливов, использование стариц в качестве водохранилищ и обвалованных дельтовых русел. Орошение носило лиманно-озерный характер.

На нижней Сырдарье в средние века совершенствуются способы регулирования уровня воды с помощью различных плотин, но сохраняется общий примитивный характер орошения и экстенсивное использование территории. В I тыс. до н. э. оседлоземледельческое население Хорезмского оазиса и скотоводы-земледельцы древней дельты Сырдарьи были связаны между собой общими хозяйственными, культурными, а временами и политическими интересами.

⁴⁴ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма..., с. 237—267.

Общий историко-культурный и хозяйственный район, неоднократно объединяющий древние дельты Амударьи и Сырдарьи, существовал в отдельные периоды и в средние века, и в новое время. Площадь орошаемых земель здесь резко менялась в зависимости от исторических условий. Функционирование древних оросительных систем неоднократно нарушалось вследствие общественных кризисов, крупных военных событий и передвижений кочевых скотоводческих племен. Особенно значительное запустение цветущих средневековых оазисов в низовьях Амударьи и на средней и нижней Сырдарье было вызвано монгольским нашествием в начале XIII в. и разрушительными походами Тимура в конце XIV в. В новое время, в XVIII — начале XIX в., на нижней Сырдарье были восстановлены многие каналы и освоены каракалпаками и казаками под земледелие обширные площади, но феодальные усобицы и завоевательные походы хивинских ханов привели к их запустению и переселению каракалпаков в низовья Амударьи.

Таким образом, история древнего орошения земель Средней Азии служит подтверждением слов К. Маркса о том, что в странах, где земледелие базируется на искусственном орошении, одна разорительная война может «обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации»⁴⁵. Войны превратили цветущие селения Хорезма в «мертвые города» и «мертвые оазисы».

В последние годы междуречье Амударьи и Сырдарьи стало объектом специальных комплексных исследований ирригаторов, археологов, почвоведов и геоморфологов с целью возрождения древних оазисов и подготовки детальных картографических материалов к грандиозному проекту переброса части стока вод сибирских рек в Среднюю Азию. Теперь здесь орошается не более 100 тыс. га, а общий фонд земель, бывших в разное время под орошением, достигает 2,5 млн. га.

Главный вопрос при выборе вариантов водной трассы и ареалов будущего орошения — реальная возможность нового освоения земель и их качественная характеристика. Решение этого вопроса неразрывно связано с освещением истории сельскохозяйственного освоения территории и причин ее запустения. Для практиков-ирригаторов необходима и картографическая информация для установления локальных различий в мелиоративном состоянии отдельных участков, что, по свидетельству археологов и почвоведов, зависит от характера их сельскохозяйственного использования в прошлом и времени прекращения культуры и запустения земель. Поэтому доказательства археологов о распространении орошавшихся в разные периоды тех или иных площадей там, где ныне безраздельно господствует пустыня, имеют не только научное историко-познавательное значение. Они свидетельствуют о возможностях повторного преобразования пустынных территорий, возрождения древних оазисов.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 132.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
М. Р. Касымов. Результаты работ Ахангаранского палеолитического отряда по данным раскопок 1975 г.	6
Г. Ф. Тетюхин, Н. Х. Ташкенбаев, Р. Х. Сулейманов. К геоморфологическому положению мустьерского местонахождения Кутурбулак	13
А. А. Аскарров, Б. Абдуллаев. Раскопки могильника Джаркурган (результаты работ весной 1975 г.)	19
Т. К. Ходжайов, Х. Халилов. Черепа эпохи бронзы из могильников Джаркутан и Бустан (раскопки 1975 г.)	43
Х. Дукее. Исследование памятников поздней бронзы и раннего железа в зоне Туябугузского водохранилища в 1976 г.	51
Р. Х. Сулейманов, М. Туребеков. Этапы развития фортификационной системы Еркургана.	60
С. К. Кабанов. Археологическая разведка в Придаргомской степи.	66
В. Аминов, Ю. Ф. Буряков, Т. К. Ходжайов. Новые материалы к этнической истории долины Ахангарана.	79
Т. К. Ходжайов, В. Н. Ягодин. Опыт палеодемографического изучения населения Миздахкана	88
М. Саадиев. Новые данные о соборной мечети Афрасиаба.	92
Ю. Ф. Буряков. Раскопки городища Чангтепе в Ташкентском оазисе	103
Э. В. Ртвеладзе. Обнаружение средневекового селения Навандак в области Саганиан.	114
Б. Д. Кочнев. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть I (Саманиды, Караханиды, Джаниды)	120
Т. С. Ерназарова. Новые монетные клады городища Афрасиаб.	132
Э. Ю. Бурякова. К стратиграфии площади Регистан.	147
И. А. Анбоев. Древний метод борьбы с заболачиванием. (Некоторые инженерные приемы в зодчестве Ташкента XIX в.).	160
Б. В. Андрианов, А. Р. Мухамеджанов. К изучению истории орошения Средней Азии.	161

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Вып. 14.

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии,
Отделением истории, языкознания и литературоведения
АН УзССР*

Редактор Д. З. Мангушева
Художник Е. И. Владимиров
Технический редактор В. М. Тарахович
Корректор О. В. Вахнина

ИБ № 426

Сдано в набор 22/VI-1978 г. Подписано к печати 21/VIII-1978 г. P05387. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типограф. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,0.
Уч.-изд. л. 11,25. Тираж 1000. Заказ 140. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Фан» УзССР, 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Цена — 1 р. 80 к.